СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1837.

СОВРЕМЕННИКЪ.

V.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1837.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2071

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ПУШКИНА.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою — потеря невозвратная и ничѣмъ не вознаградимая. Что бы онъ написалъ, еслибы судьба такъ незапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ (*). Здѣсь сообща-

(*) Вскорѣ за полнымъ изданіемъ сочиненій, уже извѣстныхъ публикѣ и теперь издаваемыхъ въ шести частяхъ по подпискѣ. Если напечатать все найденное въ рукописяхъ Пушкина, то конечно составится два хорошихъ тома, или и *пять*, если присоединить къ литтературнымъ отрывкамъ всѣ матеріалы, приготовленныя для Исторіи Петра Великаго. Ж.

Современ. 1837, № 1.

ются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Онѣ описаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его.

Письмо къ С. Л. Пушкину.

15 Февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичь. Что могъ я тебѣ сказать угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его, еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы, еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздается его живой, ребячески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ни что не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ; а онъ пропалъ, и навсегда—непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ.

Россія лишилась своего любимаго, національнаго Поэта. Онъ пропалъ для нее въ ту минуту, когда его созрѣванье совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? Слава нынѣшняго Царствованія утратила въ немъ своего Поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славѣ Екатеринина, а Карамзинъ славѣ Александрова.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказали другіе очевидцы. Въ Середу 27 числа Января въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета нахожу докторовъ: Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: *каковъ онъ?* Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умретъ непремѣнно

Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой Подполковникомъ Данзасомъ, его Лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и, понесъ на лѣстницу. *Грустно тебѣ нести меня?* спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: *n'entrez pas il y a du monde chez moi.* Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ). *Плохо со мною*, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: *что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?* — Не могу вамъ скрыть, вы въ опасности. — *Скажите лучше, умираю.* — Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона, за которыми послано. — *Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi*, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: *il faut que j'arrange ma maison.* — Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ, спросилъ Шольцъ? — *Прощайте, друзья!* сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ

прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ немного погодя спросилъ: *развѣ вы думаете, что я часу не проживу?* — О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь.—*Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды; тошнитъ.*—Шольцъ тронулъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больнаго, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе, больной поуспокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: *попросите Государя, чтобы Онъ меня простилъ.* Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. *Плохо мнѣ*, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукою отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. *Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ,* говорилъ онъ Спасскому, *не скрывайте отъ нее въ чемъ дѣло, она не притворщица, вы ее хо-*

рошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ. Въ это время уже собрались князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было не выразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицемъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. *Жена здѣсь?* говорилъ онъ. *Отведите ее.* Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. *Что дѣлаетъ жена?* спросилъ онъ однажды у Спасскаго. *Она бѣдная безвинно терпитъ! въ свѣтѣ ее заѣдятъ.* Вообще съ начала до конца своихъ страданій, (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія) онъ былъ удивительно твердъ. Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, изчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. *Если*

увидите Греча, сказалъ онъ Спасскому, *поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.* У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать Священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. То, что отъ него услышалъ умирающій, обрадовало, успокоило и укрѣпило его душу. Исполняя желаніе, уже угаданное, въ которомъ выражалась трогательная заботливость о его судьбѣ и за гробомъ, онъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло ни какой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать; послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіи этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ, могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался

въ ту самую минуту когда раздалось последнее стенаніе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобы ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа, Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать ни какихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: *жену! позовите жену!*—Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей, они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. *Кто здѣсь?* спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. *Позовите,* сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою, я отошелъ. Но онъ опять подозвалъ меня: *скажи Государю,* промолвилъ онъ, *что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго*

Царствованія, что я Ему желаю счастія въ Его Сынѣ, счастія въ Его Россіи.—Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также въ послѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближ.ющейся смерти. Взявши себя за пульсъ онъ сказалъ Спасскому: *Смерть идетъ.* Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось хотѣлъ что-то сказать; но махнулъ рукою и только промолвилъ: *Карамзину!* Ея не было; за нею немедленно послали и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: *перекрестите меня*, потомъ поцѣловалъ у ней руку.—Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ ему повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. *Худо мнѣ, братъ,* сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но

Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты. — *Нѣтъ!* возразилъ онъ, *мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно такъ и надо.* Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили пьявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ *надежду* и обманулъ было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: *никого тутъ нѣтъ?* — Никого. — *Даль, скажи мнѣ правду, скоро-ли я умру?* — «Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся». — *Ну, спасибо!* отвѣчалъ онъ. Но повидимому только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число, эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. *Ахъ! какая тоска!* иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, *сердце изнываетъ!* — Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этаго, останавливалъ обыкновенно словами: «*ну! такъ,*

такъ — хорошо; вотъ и прекрасно и довольно; теперь очень хорошо; или *постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно!»* — (все это его точныя выраженія). Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля: *кто у жены моей?* — Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи. — *Ну спасибо*, отвѣчалъ онъ, *однакоже поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.* — Даль его не обманулъ. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе — и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ее отворили другую узенькую прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты, буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ вы-

ражалось простодушное участіе, очень многіе плакали. Такое изъявленіе общей скорби меня глубоко трогало; въ Русскихъ, которымъ дорога̀ отечественная слава, оно было неудивительно; но участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое, мудрено ли что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Отвѣчать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинакою братскою скорбію. Пушкинъ, по своему генію, былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и многіе иноземцы приходили къ двери его съ печалію *собственною*, и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣли, какъ будто о *своемъ*. Возвращаюсь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ ни какой. Однажды спросилъ онъ: *который часъ?* и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: *долго ли . . . мнѣ . . . такъ мучиться? . . . Пожалуста . . . поскорѣй! . . .* Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: *скоро ли конецъ? . . .* и всегда прибавлялъ: *пожалуста поскорѣй!* Но вообще (послѣ мукъ первой ночи продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.—*Нѣтъ*, онъ отвѣчалъ прерывчиво: *нѣтъ . . . не надо . . . стонать; . .*

жена. . . услышитъ;. . .-смѣшно же. . . чтобъ этотъ. . . вздоръ меня . . . пересилилъ, . . . не хочу. — Я покинулъ его въ 5 часовъ утра и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но, возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потерсть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: *позовите жену, пускай она меня покормитъ.* Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку другую морошки, потомъ прижалась лицемъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: *ну, ну, ничего; слава Богу; все хорошо; поди.* — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ. — А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю, и пожимая ее, проговорилъ: *ну, по-*

дымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ! но очнувшись, онъ сказалъ: *мнѣ было пригрѣзилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ; высоко... и голова закружилась.* Немного погодя, онъ опять, не разкрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и потянувъ ее сказалъ: *ну, пойдемъ же, пожалуста; да вмѣстѣ.*— Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро разкрылъ глаза, лице его прояснилось и онъ сказалъ: *кончена жизнь.* Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ: да, кончено; мы тебя поворотили. *Жизнь кончена!* повторилъ онъ внятно и положительно. *Тяжело дышать, давитъ!* были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?»—Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль (*). Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лице. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ниче-

(*) Въ три четверти третьяго часа по полудни, 29 Января.

то подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лице самой смерти, божественно-тайное; лице смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. — Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію я вспомнилъ во-время, что надобно

съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Не буду разсказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгановы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дни къ этому обѣду . . . праздновать день моего рожденія. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дни, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лице его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этаго движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однобразно слышалась посреди этаго смутнаго говора. Отпѣваніе происходило 1-го Февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ Министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало

ему остаться до отправленія изъ города. 3-го Февраля въ 10 часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.

В. Жуковскій.

За тѣломъ слѣдовалъ А. И. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говаривалъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успѣнскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится Псковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца *Михайловскаго* гдѣ Пушкинъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа въ девятомъ часу вечера тѣло привезли во Псковъ, откуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число Февраля было отправлено черезъ городъ *Островъ* въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера.—Мертвый мчался къ своему послѣднему жилищу мимо своего опустѣвшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, имъ не давно воспѣтыхъ (*). Тѣло поставили на *Святой горѣ* въ Собор-

---

(*) Это стихотвореніе помѣщено въ концѣ книжки, подъ заглавіемъ: *Отрывокъ.*

ной Успѣнской церкви и отслужили свечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той гдѣ покоится его мать. На другой день, на разсвѣтѣ, по совершеніи божественной Литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ доброму своему помѣщику. Чудно показалось предстоявшимъ изреченіе Библіи, сопровождавшее горсть земли, брошенной на Пушкина: « *земля еси.* »

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ,

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(1833).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ *В. И. Берхомъ.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно;[1]
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.
Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ

Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ; нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова;
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою Царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье,[2]
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный;
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,

Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичья лица ярче розъ;
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
На сквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,

Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или, побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или взломавъ свой синій ледъ
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо какъ Россія;
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія;
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора,
Объ ней свѣжо воспоминанье ....
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ.
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постели безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой....
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно.
Прозванья намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ; гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ

Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ:
И такъ домой пришелъ Евгеній,
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ.
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? о томъ,
Что былъ онъ бѣденъ, что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ. Что вѣдь есть
Такіе праздные счастливцы,
Ума недальнаго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служитъ онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва-ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дни на два, на три разлученъ.
Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло
И чтобы дождь въ окно стучалъ

Не такъ сердито . . .
Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи
И блѣдный день ужъ настаетъ. . . .
Ужасный день!
Нева всю ночь[3]
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури. . .
И спорить стало ей не въ мочь. . . .
По утру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла,
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло,—воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы,

Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,
И всплылъ Петрополь какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! злыя волны,
Какъ воры, лезутъ въ окна, челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой,
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревны, кровли;
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ,
Печаленъ, смутенъ, вышелъ Онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,
И въ думѣ, скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами

И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы [4]
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.
Тогда, на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые;
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лице хлесталъ;
Какъ вѣтеръ буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены

Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины,
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки . . . Боже, Боже! тамъ—
Увы! близехонко къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашеный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта. . . . Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода и больше ничего!
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой! . . . .
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.
        Вода сбыла и мостовая
Открылась, и Евгеній мой
Спѣшитъ, душею замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны;
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь,
Еще ихъ пѣна покрывала,

И тяжело Нева дышала
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку,
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозщика зоветъ—
И перевозщикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.
И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзскими пловцами
Готовъ былъ челнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.
Несчастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ,
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,

Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ. . . .
Что-жъ это? . . .
Онъ остановился.
Пошелъ назадъ и воротился.
Глядитъ . . . идетъ . . . еще глядитъ.
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота;
Снесло ихъ, видно. Гдѣ-же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою —
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.
Ночная мгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей

И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней; Багряницей
Уже прикрыто было зло,
Въ порядокъ прежній все вошло·
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.
Графъ Хвостовъ,
Поэтъ любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.
Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній . . . .
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался,
Его терзалъ какой-то сонъ.

Прошла недѣля, мѣсяцъ—онъ
Къ себѣ домой не возвращался;
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему,
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось—онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ ни звѣрь, ни человѣкъ;
Ни то ни сё, ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвой . . .
Разъ онъ спалъ
У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ

Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бьясь объ гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было:
Дождь капалъ, вѣтеръ вылъ уныло
И съ нимъ вдали во тмѣ ночной
Перекликался часовой . . . .
Вскочилъ Евгеній; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой какъ живые
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ [5].

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ

И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ и площадь и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ съ мѣдной головой
И съ распростертою рукой,
Какъ будто градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ . . .
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ—и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И перстъ свой на Него поднявъ,
Задумался. Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице тихонько обращалось . . . .
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой —

Какъ будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой,
И озаренъ луною блѣдной,
Простерши руки въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье. Къ сердцу своему,
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный сымалъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.
Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ;
Или чиновникъ посѣтитъ,

Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда играя занесло
Домишка ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ;
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего,
И тутъ-же хладный трупъ его
Похоронили ради Бога.

А. Пушкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Petersbourg est la fenêtre par la quelle la Russie regarde en Europe.

2) См. стихи Кн. Вяземскаго къ Графинѣ З***.

3) Мицкевичь прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію (*). Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.

4) Графъ Милорадовичь и Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

5) См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рыбака—какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичь.

(*) Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній *Oleszkiewicz*.

ХРОНИКА РУССКАГО.

Римъ Апрѣля $\frac{20}{8}$ 1835.

Въ самый день прiѣзда моего сюда, я имѣлъ свиданiе съ начальникомъ секретнаго Ватиканскаго архива гр. Марино-Марини, и на другой день разсматривалъ у него списанные для меня акты. Получивъ потомъ письменное дозволенiе отъ кардинала статсъ-секретаря Бернетти осмотрѣть секретный архивъ, и хранящiяся въ ономъ рукописи, я отправился туда съ Марино-Марини и провелъ нѣсколько часовъ въ разсмотрѣнiи сей сокровищницы Европейской и всемiрной исторiи. Желая прежде всего удостовѣриться въ точности списковъ, коихъ часть была уже въ рукахъ моихъ, я сличалъ нѣкоторые съ оригинальными документами, на пергаминѣ пи-

санными, и не нашелъ въ спискахъ никакого упущенія. Я нарочно требовалъ не по порядку оригинальные акты для сличенія съ копіями. Впрочемъ такъ какъ начальникъ архива по однимъ заглавіямъ документовъ назначаетъ списки съ оныхъ, а писцы исполняютъ его приказанія махинально: то и невѣроятно, чтобы съ умысломъ могли быть деланы въ копіяхъ упущенія или перемѣны. Такъ какъ въ первомъ каталогѣ рукописей, разсмотрѣнномъ въ Петербургѣ, находились многія не въ хронологическомъ порядкѣ, то я былъ вправѣ предполагать, что онъ былъ составленъ слишкомъ наскоро, и что въ архивѣ могли храниться и другіе акты, къ Россійской исторіи относящіеся. Замѣтивъ сіе начальнику архива, я получилъ отъ него удостовѣреніе, что вмѣсто 91 документа, онъ доставитъ мнѣ около 140, уже якобы пріисканныхъ имъ въ архивѣ. Онъ просилъ меня не обращать вниманія, при повѣркѣ документовъ, на первый каталогъ; но имѣть въ виду гораздо бо́льшее число оныхъ, кои обѣщалъ переписать по хронологическому порядку. Въ тотъ же день я получилъ отъ него 52 черновые списка для поверхностнаго разсмотрѣнія и для сличенія оныхъ съ каталогомъ Ватиканскихъ рукописей, собранныхъ Альбертранди. Съ перваго взгляда я замѣтилъ уже, что нѣкоторые изъ новыхъ помѣщены и въ Собраніи Альбертранди; но я принялъ сіи списки, желая лучше имѣть нѣкоторые документы вдвойнѣ, чѣмъ подвергаться опасности не принять и того, что еще не помѣщено ни въ дной исторической коллекціи; тѣмъ болѣе, что

одинъ списокъ можетъ быть вѣрнѣе другаго и что по трудности разбирать старинныя рукописи, въ спискахъ могутъ быть варіянты и ошибки. Чрезъ нѣсколько дней я возвратилъ ему сіи 52 копіи, съ тѣмъ, чтобы по переписаніи оныхъ набѣло, я могъ получить ихъ обратно, вмѣстѣ съ другими. Между тѣмъ пріѣхалъ сюда изъ Флоренціи, извѣстный своими историческими компиляціями аббатъ Чіямми, въ помощь мнѣ назначенный. Я желалъ знать предварительно допустятъ-ли и его въ Ватиканскій архивъ; но при первомъ словѣ увидѣлъ, что этого ни въ какомъ случаѣ не должно было надѣяться. Марино-Марини отклонилъ всякую возможность допущенія аббата Чіямми въ архивъ, увѣряя, что и для меня это сдѣлано изъ какой-то особенной личной довѣренности, основанной, вѣроятно, на справедливомъ предположеніи, что мои розыски не могутъ быть столь проницательны, какъ труды въ архивѣ опытнаго въ семъ дѣлѣ ученаго. Я долженъ былъ принять на себя одного сношенія по сему дѣлу съ архиваріусомъ и указать другой кругъ дѣятельности аббату Чіямми. Предметомъ оной будутъ частныя библіотеки и архивы, въ Римѣ находящіеся, въ коихъ ему уже удалось найти, по крайней мѣрѣ въ разсмотрѣнныхъ имъ доселѣ каталогахъ, нѣкоторыя рукописи, до Россійской исторіи относящіяся. По возвращеніи сюда изъ Неаполя, я получилъ отъ Марино-Марини списки съ 72 документовъ. Предоставляю себѣ разсмотрѣть акты сіи во всей подробности и, какъ скоро представится возможность, сличить оные съ актами, въ

печатныхъ коллекціяхъ помѣщенными и съ Ватиканскими списками Альбертранди, коихъ у меня здѣсь нѣтъ. Изъ предварительнаго же поверхностнаго обозрѣнія убѣдился я, что изъ числа 72 актовъ, мною нынѣ полученныхъ, въ Собраніи Альбертранди находится уже 11. Такимъ образомъ, если мнѣ не выдадутъ еще нѣсколькихъ списковъ, до закрытія здѣсь на все лѣто архива и библіотекъ: то я увезу съ собою сіи 72 акта и буду ожидать остальныхъ; а между тѣмъ займусь повѣркою и сличеніемъ полученныхъ съ прежде извѣстными. Конечно нѣкоторые находятся уже и въ другихъ собраніяхъ; иные изъ помѣщенныхъ въ семъ каталогѣ не относятся до Россійской исторіи, и помѣщены сюда по невѣжеству въ сей части Европейской исторіи здѣшнихъ архиваріусовъ: но при всемъ томъ, кажется, жатва довольно обильная и матеріалы сіи могутъ обогатить нашу отечественную исторію. Вообще если историки другихъ государствъ мало, весьма мало воспользовались сокровищами Ватиканскаго архива; то сіе должно приписать не столько желанію скрывать оныя или опасенію гласности, сколько равнодушію и невѣжеству, съ какимъ здѣшніе ученые смотрятъ на сіи предметы. Доказательствомъ сему служатъ выписки изъ архива, сообщенныя Англійскому и Прусскому правительствамъ, а теперь и нашему. Современемъ я надѣюсь собрать любопытныя свѣдѣнія о семъ архивѣ, какъ по внутреннему устройству онаго, такъ и по богатствамъ, кои отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ Европейскихъ архивовъ сего рода. Теперь достаточно упо-

мянуть, что въ архивѣ Ватиканскомъ, къ коему присоединены и рукописи, хранившіяся прежде въ крѣпости св. Ангела, находится болѣе двухъ милліоновъ папскихъ буллъ, всѣ сношенія Римскаго двора съ другими государствами, донесенія нунцій папскихъ; такъ называёмые *Регёсты*—(Res gestae) или событія всего міра — исторія всемірная, или по крайней мѣрѣ матеріалы для оной. Въ особыхъ кипарисныхъ ящикахъ хранятся грамоты державъ, *даровыя записи*, клятвенныя обѣщанія разныхъ государей, на пр. королей Неаполитанскихъ и проч. и множество старинныхъ документовъ, начиная съ конца VII столѣтія до послѣднихъ временъ. Древнѣйшая же рукопись есть: *codex diurnus Romanorum pontificum,* или журналъ папскаго двора, расходовъ онаго, и проч. писанный на пергаминѣ въ концѣ VII столѣтія. Въ немъ, вмѣсто подписи, по безграмотности духовныхъ, поставлены крестные знаки. Донесенія епископовъ изъ разныхъ государствъ, въ числѣ коихъ и письма Боссюэта. Акты вселенскихъ и другихъ соборовъ въ особыхъ шкафахъ: для одного Тридентскаго два шкафа. Актъ такъ называемаго соединенія Греческой и Римской Церкви на Флорентинскомъ соборѣ за двумя печатьми: папы и Греческаго императора Палеолога. Копія съ сего акта, современная оригиналу, съ подписями. Собственноручное исповѣданіе вѣры Маріи, королевы Шотландской, передъ казнію ея писанное; оригинальное письмо Лудовика XIV къ папѣ, коимъ уничтожаетъ онъ знаменитыя *четыре статьи* Галликанской церкви; любопытныя для насъ дѣла Польши; и проч.

и проч. Я замѣтилъ, что дѣла новѣйшія, начиная съ послѣдней половины XVIII столѣтія и послѣдующія не приведены еще въ надлежащій порядокъ и даже разбросаны по столамъ, безъ реестровъ; такъ на примѣръ, я видѣлъ вмѣстѣ съ Прусскими нотами бывшаго министра Гумбольтда, ноты министровъ Императрицы Екатерины II и проч. Я читалъ грамоту Императора Петра Великаго, въ коей онъ ходатайствуетъ объ оказаніи покровительства Борису Шереметьеву, отправленному въ Венецію, въ Римъ и къ «*славнымъ Малтійскимъ рыцарямъ*». Грамота сія не подписана Императоромъ; я списалъ съ оной копію. Но всего любопытнѣе, по богатству историческихъ и дипломатическихъ матеріаловъ, бумаги *Нунціятуръ*, или донесенія пословъ папскихъ. Акты сіи расположены по дворамъ; между тѣмъ, какъ буллы слѣдуютъ одна за другою, по времени объявленія оныхъ, безъ всякаго систематическаго оглавленія по матеріямъ или предметамъ. Несчетныя богатства для исторіи! Но гдѣ Бенедиктинцы, гдѣ Мабильоны и Ассемани для сего хронологическаго хаоса! Шатобріяновы *Нео-Бенедиктинцы*, къ коимъ онъ пріобщилъ недавно свое имя, и для коихъ собираетъ теперь пособія ученая Европа—лепта отъ вдовицы—сіи новые Монфоконы еще не созрѣли. Одна Германія въ *Перцовомъ* собраніи: *Scriptores rerum Germanicarum*, для коего нарочно пріѣзжалъ сюда Баронъ Штейнъ, первоначальный собиратель сихъ актовъ, можетъ уже гордиться нѣкоторыми результатами розысканій своихъ ученыхъ въ сихъ тайникахъ исторіи,

на коихъ лежитъ еще, кажется, мракъ среднихъ вѣковъ.

Полагаю уѣхать отсюда какъ скоро начнутся сильные жары, и архивы и библіотеки закроются, то есть недѣли черезъ три.

Римъ 21/9 Апрѣля 1835

Порученное мнѣ дѣло начато не безъ успѣха; я могъ бы уже отправить и самые списки съ актовъ переписанныхъ въ секретномъ Ватиканскомъ архивѣ; но тогда не возможно бы мнѣ было сличить оныхъ со списками Альбертранди, кои я давно уже оставилъ въ Парижѣ, предполагая нѣкогда тамъ издать ихъ, и удержавъ у себя одинъ каталогъ онымъ. Тамъ во всякое время года открыты архивы и библіотеки, и слѣдовательно всѣ способы для труда историческаго. Не имѣя передъ глазами главныхъ собраній историческихъ актовъ, каковы на примѣръ: Райнальди, Паги, Ассемани и проч., нельзя знать которые изъ пріобрѣтенныхъ нынѣ уже извѣстны и напечатаны вполнѣ или только въ выпискахъ. Такимъ образомъ обязанность по дѣлу, на меня возложенному, согласна съ желаніемъ моего сердца — провести нѣкоторое время близъ могилы моего брата. Конечно не наслажденія инаго рода влекутъ меня туда, гдѣ я еще не совершенно одинокъ и гдѣ надѣюсь, въ тишинѣ кабинета и въ мирныхъ историческихъ занятіяхъ, коихъ предметъ — Россія, — отдохнуть хотя на время отъ жизни, въ

которой было для меня столько утратъ и столько бѣдствій!

Парижъ $\frac{12 \text{ Іюня}}{31 \text{ Мая}}$ 1835.

Въ самый день моего сюда пріѣзда, я былъ въ отдѣленіи рукописей Королевской библіотеки и имѣя, передъ глазами часть каталога, въ коей я могъ предполагать тѣ бумаги о Россіи, на которыя указали мнѣ въ Римѣ, я отложилъ нѣсколько фоліантовъ съ рукописями: разборъ оныхъ занимаетъ меня съ того времени ежедневно.

Такъ какъ здѣшнее королевское собраніе рукописей въ архивѣ библіотеки составлено изъ разныхъ частныхъ коллекцій; то по разсмотрѣніи общаго каталога, должно разбирать каждую и особенно тѣ, въ коихъ находятся акты по дипломатическимъ сношеніямъ. Сіи акты начали поступать не прежде, какъ при Лудовикѣ XIV въ особенный Архивъ иностранныхъ дѣлъ, при семъ министерствѣ учрежденный. Въ семъ архивѣ *старыя* дѣла, имѣющія токмо одно *историческое* достоинство, не почитаются государственною тайною, и главный архиваріусъ, историкъ *Минье* (Mignet) съ разрѣшенія министра, обѣщалъ уже отобрать для меня всѣ бумаги, въ коихъ могутъ встрѣтиться документы, по сношеніямъ Франціи съ Россіею, въ царствованіе Петра I и прежде Его бывшимъ.

Сверхъ сего есть еще главный государственный архивъ, подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ

дѣлъ, коего главнымъ оберегателемъ (conservateur) извѣстный *Дону* (Daunou). Я надѣюсь имѣть доступъ и туда.

Между тѣмъ розыски мои въ архивѣ Королевской библіотеки не были безплодны. Я нашелъ уже много старинныхъ бумагъ и удостовѣрился, что въ семъ архивѣ много сокровищь для нашей исторіи; но при ежедневномъ занятіи, я могъ по сіе время только отмѣтить и выписать для себя заглавія нѣкоторыхъ статей, кои показались мнѣ любопытными. Прилагаю реестръ онымъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ я встрѣчалъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ просмотрѣнныхъ мною фоліантовъ. Я еще не успѣлъ сличить ихъ ни съ рукописями, нынѣ изъ Рима привезенными, ни съ тѣми, кои нашелъ въ коллекціи Альбертранди, остававшимися здѣсь съ 1830 года. Отобравъ все, что найду любопытнаго и важнаго для Россійской исторіи въ здѣшнихъ архивахъ, я постараюсь пріискать писцовъ вѣрныхъ и исправныхъ въ своемъ дѣлѣ.

Я купилъ изданную недавно здѣсь книгу въ двухъ частяхъ, о Россійской исторіи, подъ названіемъ: Nestor, переведенную съ перевода Шерера (а не по изданію Шлецера), и увидѣлъ, что сочинитель оной: Парисъ (Paris) къ переводу Нестора и къ обзору Россійской исторіи приложилъ нѣсколько документовъ, до Россіи относящихся, и найденныхъ имъ въ тѣхъ же фоліантахъ Королевской библіотеки,—(гдѣ братъ его помощникомъ библіотекаря) — гдѣ я на-

шелъ ихъ. Но такъ какъ многое оставлено имъ безъ вниманія; то я надѣюсь, что мое собраніе сохранитъ свою цѣну и послѣ книги Париса, тѣмъ болѣе, что онъ не продолжаетъ своего труда и находится теперь библіотекаремъ въ Реймсѣ.

Въ бытность мою въ Лондонѣ извѣстный книгопродавецъ Муррай — другъ и издатель Байрона — уступилъ мнѣ найденную мною у него рукопись, содержащую подробный «Журналъ генерала Гордона», Шотландца, служившаго во время двоецарствія и потомъ при Петрѣ I. Въ семъ собственноручномъ, какъ кажется, Журналѣ означаетъ онъ хронологически и ежедневно, съ 1684 по 1698 годъ, каждое происшествіе его времени, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ и во время путешествія его по Россіи, всѣ случаи его жизни и службы, всѣ сношенія его съ военными и гражданскими начальствами въ Россіи, всѣ походы его и все управленіе по военной части и по разнымъ должностямъ, кои на него были возлагаемы. Записки Гордона могутъ быть любопытны не только для исторіи сего времени и особенно для біографа Петра Великаго, но и для занимающихся исторіею государственнаго управленія въ Россіи вообще.

Не знаю какимъ образомъ рукопись сія попалась въ руки Англійскаго книгопродавца; тѣмъ болѣе, что, кажется, она принадлежала къ Архиву иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ; ибо сколько я могу

упомнить руку моего перваго начальника по служ-бѣ, на первомъ листѣ сей рукописи и въ началѣ 1696 года отмѣтка сдѣлана рукою г. Бантышь-Каменскаго, бывшаго управляющаго симъ архивомъ, или его предшественника и сослуживца Соколовскаго.

Возвращая рукопись сію Россіи желаю, чтобъ она послужила матеріаломъ для будущаго историка преобразованій Петра I; а вмѣстѣ съ симъ и доказательствомъ моей преданности и любви къ отечеству.

Парижъ $\frac{4 \text{ Іюля}}{22 \text{ Іюня}}$ 1835.

Я продолжаю заниматься ежедневно въ Королевской библіотекѣ разборомъ рукописей и получивъ позволеніе отъ здѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, разсмотрѣть въ архивѣ онаго сношенія Франціи съ Россіею, до временъ Императора Петра I и въ Его царствованіе, я занялся симъ дѣломъ съ усердіемъ, соразмѣрнымъ важности и богатству сихъ историческихъ матеріаловъ. Такъ какъ мнѣ одному, и безъ писца, позволено, въ самомъ архивѣ, разбирать оригинальные документы; то я долженъ разсматривать, отмѣчать и выписывать самъ все любопытное и достопримѣчательное въ сношеніяхъ Французскаго двора съ Россіею. Ежедневно отъ 10 часовъ утра до 4 по полудни, я работаю сперва въ королевской библіотекѣ, которая открыта только

до 3 часовъ, а потомъ въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Я нашелъ въ первомъ любопытные акты и отмѣтилъ уже въ 16 фоліантахъ все что надобно будетъ выписать, приговорилъ писцовъ; но еще не могъ сообщить имъ самыхъ рукописей, здѣсь отысканныхъ; ибо занимаю ихъ перепискою актовъ, привезенныхъ изъ Рима. Въ Архивѣ же иностранныхъ дѣлъ пересмотрѣлъ я семь фоліантовъ, кои заключаютъ въ себѣ эпоху отъ 1660 до 1716 года включительно. Тутъ произшествія, особливо царствованія Петра I, чрезвычайно интересны и важны; наиболѣе же въ тѣхъ документахъ, въ коихъ описана вся война Петра I съ Шведами и Турками, когда Россія грозно и величественно вошла въ систему державъ Европейскихъ и стала на ряду съ первѣйшими. Донесенія дипломатовъ о Россіи, о преобразованіяхъ Петра I, о Его сподвижникахъ, характеристика многихъ; первыя начала нашихъ торговыхъ сношеній съ Франціею, первые опыты образовать коммерческія компаніи въ Руанѣ и Парижѣ, соперничество Франціи съ Англіею и Голландіею за Россію; описанія воинскихъ и гражданскихъ подвиговъ Петра I, донесенія о состояніи арміи и перваго Русскаго флота, таблицы войскамъ, планы сраженій съ Турками и Шведами и донесенія о семъ разныхъ агентовъ: все это теперь передо мною. Главное въ первыхъ семи фоліантахъ отмѣчено и отчасти выписано. Для разобранія нѣкоторыхъ *собственныхъ именъ* въ донесеніяхъ Французскихъ и другихъ министровъ, нужно было составить списокъ посламъ, посланникамъ и агентамъ какъ Французскимъ, такъ и Русскимъ.

Я досталъ сіи списки, весьма любопытные и нужные для опредѣленія каждой эпохи въ исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній, кои начались съ Франціею, прежде 1625 года, посольствомъ изъ Франціи, и въ 1654 году посольствомъ изъ Россіи. Сіи списки служатъ мнѣ указателями въ разборѣ депешей и дипломатическихъ инструкцій. Въ числѣ актовъ находятся грамоты Петра I и другія бумаги на Русскомъ языкѣ.

Здѣсь у меня все подъ рукою. Я конечно тѣломъ живу во Франціи, но душею весь принадлежу Россіи, и все время и всѣ способности посвящены ея исторіи. Конечто я не успѣю всего выписать, ибо въ одномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ болѣе сотни фоліантовъ о Россіи; — но покрайней мѣрѣ я отмѣчу все важнѣйшее, укажу на тѣ бумаги, кои послѣ Правительство наше можетъ выписать отсюда, полагая, что если частному человѣку, безъ всякихъ связей, и только изъ одного уваженія къ трудолюбію въ исторіи, позволили пользоваться сими сокровищами; то Правительству нашему не откажутъ въ спискахъ съ документовъ, имѣющихъ одну *историческую* важность.

Парижъ $\frac{\text{Іюля}}{\text{Іюля}}$ дня 1835.

Министръ коммерціи Дюшатель доставилъ мнѣ сегодня представленные имъ королю «*Статистическіе документы Франціи.*»—Книга сія напечатана въ числѣ не многихъ экземпляровъ и не поступитъ въ

продажу Администраторы и ученые отозвались о ней съ величайшею похвалою. Сія книга объемлетъ всѣ предметы государственнаго управленія и всѣ движенія и результаты онаго. Каждое министерство доставляло министру коммерціи матеріалы для сей статистики. Въ самомъ министерствѣ коммерціи, подъ надзоромъ министра, опытные чиновники и ученые трудились надъ повѣркою статистическихъ матеріаловъ и надъ приведеніемъ оныхъ въ ясный систематическій порядокъ: такъ на пр. извѣстный академикъ, начальникъ статистическаго отдѣленія въ министерствѣ коммерціи, Moreau de Jones составилъ таблицы по торговой части: въ сей статьѣ помѣщена сравнительная таблица торговли Франціи съ Россіею, съ 1821 до 1833 года.

Картины силъ воинскихъ, по части министерствъ военнаго и морскаго, также примѣчательны.

Въ замѣнъ сей книги я послалъ министерству коммерціи отчетъ министра финансовъ, по департаменту внѣшней торговли за 1833 годъ, въ С. Петербургѣ изданный.

Поспѣшая теперь оставить Парижъ, я оставляю до другаго времени увѣдомленіе о найденной мною здѣсь, въ частныхъ рукахъ, переписки бывшаго Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ *Верженa* съ Французскимъ посломъ при Россійскомъ дворѣ, *маркизомъ Верракомъ*, во время министер-

ства графа Панина. Эпоха сія весьма любопытна въ исторіи нашей дипломатики. Донесеніе Веррака объ отъѣздѣ въ чужіе краи, изъ Царскаго Села, 1781 5 Октября, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Θеодоровны и письмо къ нему Вержена, отъ 23 Іюля 1782, о пребываніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Парижѣ, заключаетъ любопытныя подробности.

Лондонъ $\frac{21}{9}$ Августа 1835.

Здѣсь въ Лондонѣ разсматривалъ я тщательно въ музеѣ Британскомъ каталоги рукописей и нашелъ въ тѣхъ, кои бывшій лордъ Лансдовнъ, отецъ нынѣшняго министра, продалъ правительству, множество актовъ, относящихся до Россійской исторіи, особливо до торговли, а именно до Російско - Англійской компаніи, здѣсь съ давнихъ временъ учрежденной; но сообразивъ нумера сихъ документовъ съ выпискою изъ каталога *Румянцовскаго музея*, которую взялъ съ собою изъ Петербурга, я усмотрѣлъ, что покойный канцлеръ графъ Румянцевъ выписалъ отсюда почти всѣ сіи рукописи, какъ Русскія, такъ и Англійскія, и въ музеѣ его находятся уже тѣ самые нумера, кои я отмѣтилъ здѣсь. Особенно любопытны сношенія Россіи съ Англіею, во времена королевы Елисаветы, какъ по дѣламъ торговли, чрезъ Архангельскъ, такъ и по личной перепискѣ съ королевою Царя Ивана Васильевича, коего въ Англійскихъ актахъ называютъ уже Императоромъ.

Такъ какъ я не могъ найти здѣсь ничего новаго въ отношеніи рукописей, то я обратился къ другому предмету, а именно къ трудамъ здѣшнихъ юрисконсультовъ, коимъ правительство поручило пересмотрѣть старые и особенно уголовные законы (въ коихъ здѣсь хаосъ) и представить проектъ новому уложенію. Часть сего дѣла уже кончена. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ оном объяснилъ мнѣ ходъ и успѣхи онаго и необходимость исправленій въ Англійскомъ уголовномъ законодательствѣ, доставилъ мнѣ два пространные рапорта королю объ учрежденіи для сего дѣла коммисіи, напечатанные по повелѣнію правительства:

1) First Report from his majesty's Commissioners of criminal law, (отъ 24 Іюня 1834) in-folio.

2) Report of the Commissioners uppointed to inquire into the consolidation of the Statute law, presented by command of his majesty (отъ 21 Іюля 1835) in-folio.

При доставленіи сихъ актовъ, въ коихъ содержится уже полный обзоръ уголовныхъ Англійскихъ законовъ, съ указаніемъ на недостатки оныхъ и на неимовѣрную запутанность, *Беллендеръ Керъ*, одинъ изъ пяти членовъ коммисіи законовъ, увѣдомляетъ меня, что они занимаются теперь составленіемъ полнаго уложенія (Code), и предлагаетъ доставлять мнѣ сіе уложеніе по частямъ, по мѣрѣ отпечатанія: я принялъ сіе предложеніе съ благодарностію. Прилагаю у сего копію съ письма ко мнѣ Беллендера Кера.

Я снова осмотрѣлъ здѣшнія народныя училища; новый университетъ, гимназію при ономъ учрежденную и другія заведенія, особливо по части народнаго просвѣщенія и общественной благотворительности. Ничто такъ не радуетъ сердца какъ успѣхи въ усовершенствованіи такъ называемыхъ «Дѣтскихъ школъ» Infants-Schools, гдѣ видишь всю нѣжную, отеческую заботливость наставниковъ и смотрителей о малолѣтнихъ, и результатъ сихъ попеченій. Въ главной изъ сихъ школъ, подъ портретомъ короля Георга III, написаны слова его, сказанныя Ланкастеру: «Я бы желалъ, чтобы въ каждомъ Англійскомъ семействѣ была Библія.» Гейнрихъ IV желалъ, чтобы въ каждомъ семействѣ, во Франціи, былъ супъ съ курицею:—Англіи и Франціи остается пожелать государя, который бы пожелалъ для своихъ подданныхъ—и Библію для нравственнаго ихъ назиданія, и—курицу въ супъ!

Парижъ $\frac{3 \text{ Сентября}}{22 \text{ Августа}}$ 1835.

На сихъ дняхъ я возвратился сюда изъ Лондона и на другой же день началъ опять работать въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ мнѣ по прежнему выдаютъ фоліанты дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіею. Вчера началъ я разсмотрѣніе 19-го фоліанта, до восшествія на престолъ Императрицы Екатерины I простирающагося. Я не успѣваю даже всего прочитывать, а только отмѣчаю тѣ инструкціи, депеши и документы, кои по первому обозрѣнію кажутся мнѣ заслуживающими особенное

вниманіе и слѣдовательно должны быть переписаны. Я вношу въ мой журналъ только главное содержаніе и эпоху каждаго фоліанта.—По моему мнѣнію надлежало бы — если министерство здѣшнее позволитъ—переписать всѣ сіи акты, такъ какъ покойный канцлеръ графъ Румянцовъ и графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ списали всѣ подобные акты Англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ нихъ множество подробностей, драгоцѣнныхъ не только для исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній, но и для исторіи гражданской и особенно военной. Читая донесенія Французскихъ министровъ изъ Москвы и Петербурга и инструкціи, кои они получали изъ Парижа, мнѣ пришло на мысль, что сія переписка можетъ также служить практическимъ наставленіемъ для молодыхъ дипломатовъ, кои могли бы въ оной не только наблюдать ходъ дѣлъ политическихъ; но по нѣкоторымъ депешамъ и инструкціямъ учиться, такъ сказать, практической дипломатикѣ и образоваться въ слогѣ, въ редакціи бумагъ дипломатическихъ всякаго рода. Конечно не всѣ акты равнаго достоинства въ семъ отношеніи, но есть между ними и примѣрные въ своемъ родѣ. Такъ какъ сношенія наши съ Франціею касались часто и другихъ государствъ; то исторія оныхъ и сношенія съ Россіею также объясняются въ сихъ актахъ; на пр. Турціи, Швеціи, Австріи, бывшей Польши; а въ послѣднее время царствованія Петра I, Франція была посредницею между Англіею и Россіею: Петръ за многое негодовалъ на Англійское правительство и даже готовился къ войнѣ, — Фран-

ція мирила насъ. Исторія представляется здѣсь совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели въ обыкновенныхъ обозрѣніяхъ главныхъ событій въ государствахъ. ясно видны тайные политическіе замыслы, первые, такъ сказать, зародыши важныхъ историческихъ происшествій, пружины, коими приводили тогда въ дѣйствіе государственныя машины; талантъ дѣйствовавшихъ лицъ и правила кабинетовъ. Для насъ Русскихъ рисуются тѣни — столь слабо обозначенныя въ нашихъ собственныхъ историческихъ матеріалахъ — Головкиныхъ, Ягужинскихъ, Меньшиковыхъ, Остермановъ и наконецъ Петра, о коемъ говорятъ иностранцы: правители и министры, послы и агенты всякаго рода, не всегда съ равнымъ безпристрастіемъ, но всегда съ какимъ-то невольнымъ, вынужденнымъ энтузіазмомъ къ необыкновенному, великому, вездѣ и во всемъ являющемуся. Странное дѣйствіе производитъ явленіе Петра на театрѣ міра и въ постепенномъ наблюдателѣ тогдашнихъ событій, при хронологическомъ чтеніи сихъ актовъ! Вы видите сначала, даже и при самомъ Петрѣ, въ Москвѣ нѣсколько частныхъ покушеній торговыхъ обществъ и возникающіе изъ сего матеріальные интересы, покровительство онымъ оказываемое, и какое-то осторожное, неохотное сближеніе, сперва съ частными лицами, потомъ и съ правительствами, и вдругъ читаете вы депеши Потемкиныхъ, Матвѣевыхъ, Кантемировъ, Куракиныхъ, Долгорукихъ, и видите уже обдуманную, опытную политику Остермана, и повторяю,—вездѣ и во всемъ Петра! Европейскіе кабинеты вдругъ заговорили о Немъ, о Рос-

сіи уже, а не о *Московіи!*—Назвавъ, по какому-то невольному движенію, — императорами ея государей, прежде нежели согласились давать имъ сіе титло особенными договорами. Кабинеты при Петрѣ I. заспорили о семъ титлѣ, какъ бы предчувствуя въ титлѣ будущее Россіи и страхъ Европы . . . . Изъ сихъ актовъ внутренняя исторія Россіи также дѣлается намъ извѣстнѣе: каждая перемѣна въ образѣ управленія, каждая осуществленная мысль Петра были замѣчаемы дипломатами, — и документы дѣятельной жизни Его, внутри Россіи и внѣ оной, — грамоты на безсмертіе, — прилагались часто къ депешамъ. Тогдашніе правители Франціи дивились. То, что для нихъ иногда помрачало историческій, нравственный характеръ Петра изъясняли они необходимостію; не любили, унижали Русскихъ, но—извиняли Петра. Смерть Его произвела въ тѣхъ дворахъ, съ коими Онъ былъ въ непосредственномъ сношеніи, необыкновенное, разительное дѣйствіе. Описаніе послѣдней болѣзни Его читаетъ Русской съ какою-то досадою: кажется такъ легко было спасти Его! Онъ хотѣлъ быть Самъ Своимъ докторомъ; истинная болѣзнь Его была долго тайною и для самыхъ приближенныхъ. Его лечили только наружными средствами; неосторожность Его усиливала болѣзнь. Докторъ Итальянецъ брался излечить Его, но ему не довѣряли. Приближеніе смерти Петръ Великій ознаменовалъ подвигами милосердія: Онъ велѣлъ освободить плѣнниковъ изъ тяжкаго заточенія: воля Его была въ послѣдній разъ исполнена съ точностію. Приближенные не надѣялись, но страшились, и за

Него и за столицу; ибо войско давно уже не получало жалованья. При дворѣ были партіи. Хотя Петръ и короновалъ не задолго передъ тѣмъ Екатерину, но не всѣ были за Нее: хотѣли регенства. Вѣроятно примѣръ Франціи дѣйствовалъ тогда на государственные умы въ Россіи. Въ 5 часовъ утра Петра не стало. Провидѣніе указало Ему—не Россіи—предѣлъ. «Европа назвала Его Великимъ»—сказалъ нашъ незабвенный исторіографъ.

Простите мнѣ сіе невольное отступленіе отъ предмета письма моего. Мнѣ совѣтуютъ не заживаться въ Парижѣ, но я въ Парижѣ заговариваюсь о Россіи,—заговариваюсь, но только въ письмахъ.

Къ несчастію я возвратился сюда, когда уже королевская библіотека заперта для публики и всѣ библіотекари пользуются вакантнымъ временемъ съ 1-го Сентября до 15 Октября.—Я не могу до сего срока брать оттуда рукописей и отдавать ихъ переписчикамъ; а тамъ также много любопытныхъ актовъ, относящихся до Россіи, прежде Петра I.

Парижъ 18/6 Сентября.

Въ послѣдніе дни я занимался отобраніемъ въ архивѣ королевской библіотеки тѣхъ документовъ, коихъ переписка должна начаться съ 15 Октября, когда снова библіотека откроется для публики. До тѣхъ поръ начальникъ сего архива Шампольонъ-Фижакъ позволяетъ мнѣ приходить въ архивъ одинъ разъ въ

недѣлю, а иногда и два раза, когда онъ самъ тамъ бываетъ. Онъ показывалъ мнѣ тотъ самый экземпляръ записокъ о Россіи Манштейна, коимъ пользовался Вольтеръ при сочиненіи исторіи Петра I. Онъ подаренъ Фридрихомъ II лорду Марешалу, который передалъ его историку Юму, а Юмъ подарилъ его извѣстному литератору Сюару, коего рукою все сіе отмѣчено на заглавномъ листѣ рукописи. По кончинѣ Сюара букинистъ купилъ его бумаги и продалъ недавно сію драгоцѣнную рукопись здѣшней Королевской библіотекѣ. Печатныя записки Манштейна совсѣмъ не такъ полны, какъ сія рукопись, съ поправками и пополненіями рукою Манштейна. Сіи записки содержатъ любопытные матеріалы для Русской исторіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Такъ какъ д. ст. сов. Аделунгъ имѣлъ также полный экземпляръ сей рукописи, то вчера я писалъ къ нему съ попутчикомъ и просилъ увѣдомить меня, нужно ли по его мнѣнію, списывать здѣшній полный экземпляръ Манштейна.

Вчера же получилъ я изъ Рима еще 85 актовъ Ватиканскаго архива, при письмѣ графа Марино-Марини. Бумаги сіи лежатъ передо мною, но я успѣлъ просмотрѣть только реэстры.

Теперь я долженъ прежде всего:

1. Сличить реэстръ онымъ, а потомъ и самыя бумаги съ тѣми, кои нашелъ я въ Королевской библіотекѣ, дабы не списывать нѣкоторыхъ вдвойнѣ. Трудъ сей не можетъ быть начатъ прежде 15 Октября.

2. Сличить оныя съ прежними моими Ватиканскими рукописями, подъ названіемъ Альбертрандіевыхъ.

3. Отмѣтить тѣ, кои уже были прежде напечатаны въ какихъ либо историческихъ собраніяхъ, дабы не списывать второй копіи съ тѣхъ, кои были уже гдѣ либо напечатаны.

4. Переписать второй экземпляръ сихъ документовъ, дабы въ случаѣ затерянія оригиналовъ, не лишиться оныхъ невозвратно.

5. Привести всѣ сіи акты въ хронологическій порядокъ.

Въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ разсмотрѣлъ я 21 фоліантъ: въ слѣдующемъ уже кончина Екатерины I. Будущее Россіи рѣшилось въ этой эпохѣ на долгое время. Главными дѣйствующими лицами: Голстинскій принцъ и министръ его Басевицъ, Меньшиковъ, Головкинъ, Толстой, Остерманъ, Ягужинскій, и страхъ двора — командовавшій войсками въ Украйнѣ, фельдмаршалъ князь Голицынъ. Такъ какъ въ совѣтъ приглашаемы были и иностранные министры на конференціи по дипломатическимъ сношеніямъ съ ихъ дворами, то по сему поводу министры сіи угадывали и узнавали многое и о внутреннихъ дѣлахъ Россіи и доносили объ оныхъ.

Парижъ $\frac{2}{14}$ Октября 1835.

Послѣ завтра открывается королевская библіотека для всѣхъ и я приговорилъ уже двухъ

писцовъ для копій и приготовилъ имъ матеріалы.— Въ Архивѣ же иностранныхъ дѣлъ продолжаю работать ежедневно, отмѣчая важнѣйшее. Тамъ три писца переписываютъ для меня съ оригинальныхъ депешей: такъ какъ въ нихъ перемѣшано важное съ мелкими случаями тогдашней дипломатики; то выборъ иногда затруднителенъ; но истинно историческихъ достопримѣчательностей такъ много, что трудъ вознаграждается съ избыткомъ. Я прошелъ уже царствованіе Петра I, Екатерины I, Петра II. Теперь разбираю—Императрицы Анны. Остатки фамиліи Меньшикова возвращены; дочь любимца Петра I, сестру невѣсты Петра II въ ссылкѣ умершей, выдаютъ (или сватаютъ) за брата любимца Анны Іоанновны, Бирона. Долгорукіе и смѣлый Румянцевъ, наперсникъ Петра I, или въ пыткахъ, или въ ссылкѣ гибнутъ; фельдмаршала Голицына не стало; новый полкъ Гвардіи, Измайловскій, учрежденъ въ Москвѣ, наполненъ Курляндцами и Финляндцами, и данъ Левенвольду, другу Бирона; партія *старыхъ Русскихъ* ропщетъ, и дворъ изъ Москвы сбирается снова въ Петербургъ; политика, все еще сильнаго въ дѣлахъ дипломатическихъ Остермана торжествуетъ; кабинетъ нашъ снова сблизился съ Вѣнскимъ; но и съ Англіею сближаютъ насъ взаимныя выгоды торговли и устраненіе вліянія Якобитовъ. На сихъ дняхъ надѣюсь кончить 1731 годъ въ 26-мъ фоліантѣ.

Парижъ $\frac{\text{3 Октября}}{\text{21 Сентября}}$ 1835.

Сего дня прочелъ я біографію графа Толстаго, которую написалъ Датскій министръ, при дворѣ Петра I, Екатерины I и Петра II долго находившійся. Онъ снабдилъ ею и тогдашняго Французскаго агента при нашемъ дворѣ. Авторъ былъ отчасти самъ свидѣтель повѣствуемыхъ имъ происшествій и знавалъ лично тѣхъ, коихъ характеръ и дѣйствія описываетъ. Я еще ничего не читалъ любопытнѣе сей записки о сей эпохѣ. Весьма примѣчательны также біографія Екатерины I, другимъ дипломатомъ составленная и записка подъ заглавіемъ «*Reflexions d'un solitaire Russe*» 1742 года, которую на сихъ дняхъ приставъ королевской библіотеки нашелъ между старыми бумагами, въ реэстръ архива еще не вошедшими. Въ сихъ же не внесенныхъ еще въ каталогъ бумагахъ, найденъ въ оргиналѣ: »Journal du Sieur de Cateux mestre de camp d'un regiment de cavallerie et gentilhomme ordinaire du Roy, touchant les Moscovites arrivez en France en l'année 1668.»—Въ семъ журналѣ описанъ пріѣздъ нашего перваго посланника во Францію Петра Ивановича Потемкина, встрѣча его чиновниками Лудовика XIV и путешествіе изъ Греньяна (Graignan, á deux lieux de Bordeaux) въ Парижъ. Всѣ сіи бумаги уже переписаны. Но то, что случайно открывается при чтеніи дипломатическихъ актовъ и депешей, часто важнѣе полныхъ статей и біографическихъ подробностей. Въ сію категорію поставляю я на примѣръ важный для нашей исторіи фактъ, найденный въ оргинальныхъ бу-

магахъ 1728 года и теперь преслѣдуемый мною въ послѣдующихъ актахъ съ особеннымъ вниманіемъ; фактъ, что мысль о раздѣлѣ Польши не только что не родилась въ Русской политикѣ, но была отвергаема Русскимъ правительствомъ въ 1728 году, когда самъ Польскій король Августъ и король Прусскій затѣвали раздѣлъ Польши и центромъ сношеній своихъ избрали — Москву, гдѣ тогда находился дворъ нашъ; агентомъ же Испанскаго посла герцога Лирія, который тогда былъ, кажется, и подъ вліяніемъ Вѣнскаго двора. Я выписываю тщательно все то, что до сего факта относится. Въ сіе время главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ нашемъ кабинетѣ былъ Остерманъ, хотя подъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ. Теперь я оканчиваю разсмотрѣніе 1729 года въ 24-мъ фоліантѣ.

Чѣмъ болѣе работаю въ архивѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мнѣ бы надлежало, отмѣтивъ и записавъ здѣсь все нужное, съ помощію сихъ выписокъ и съ копіями цѣлыхъ бумагъ, кои время позволитъ переписать здѣсь, — возвратиться въ Московскій архивъ и тамъ просмотрѣть дѣла тѣхъ годовъ, кои пройду въ здѣшнемъ дипломатическомъ архивѣ, и потомъ уже со всѣми сими свѣдѣніями, снова возвратиться сюда для окончательной переписки.

Вмѣстѣ съ симъ желалъ бы я имѣть здѣсь, въ пособіе моимъ занятіямъ, все то что вышло въ Россіи въ печать, относительно исторіи Петра I и по-

слѣдующихъ временъ; здѣшнему же Архиву иностранныхъ дѣлъ и королевской библіотекѣ можно бы, я думаю, подарить, чрезъ меня или хотя чрезъ посольство наше, по экземпляру «Государственныхъ грамотъ» издаваемыхъ при архивѣ, въ Москвѣ, на счетъ суммы, завѣщанной канцлеромъ графомъ Румянцовымъ. Я знаю, что множество сихъ экземпляровъ лежитъ въ Москвѣ безъ всякаго употребленія. Желаніе сіе исполнено и министерствамъ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Парижѣ доставлено отъ нашего двора по экземпляру сего собранія грамотъ.

Парижъ $\frac{1}{13}$ Февраля 1836.

У одного изъ здѣшнихъ ученыхъ собирателей рукописей, г. Монмерке, находится оригинальная переписка бывшаго Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Верженa, съ тогдашнимъ посломъ при нашемъ дворѣ маркизомъ Верракомъ, найденная имъ въ бумагахъ секретаря посольства въ Петербургѣ Кальяра, умершаго здѣсь въ 1807 году.—Такъ какъ г. Монмерке намѣренъ былъ напечатать любопытнѣйшую часть сей переписки въ одномъ изъ историческихъ повременныхъ изданій, то я и не домогался о пріобрѣтеніи рукописей покупкою. Недавно онъ доставилъ мнѣ листы, содержащіе сію переписку. Изъ депешей Вержена и Веррака ясно видно какое вліяніе имѣло министерство графа Панина на дѣла въ Европѣ и какимъ уваженіемъ пользовалось оно въ главныхъ Европейскихъ кабинетахъ. Это была эпо-

ха *вооруженнаго неутралитета* — система, созданная Петербургскимъ кабинетомъ для обузданія могущества Англіи на моряхъ. Въ этой перепискѣ есть и другіе предметы, на кои тогдашніе дипломаты обращали вниманіе, на пр. виды на востокъ Императрицы Екатерины II при рожденіи Великаго Князя Константина Павловича; паденіе кредита графа Никиты Ивановича Панина при дворѣ, характеристика его управленія министерствомъ и преемника его графа Остермана; отъѣздъ Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны изъ Царскаго села въ чужіе краи и пребываніе ихъ въ Парижѣ.

Въ Bulletin de la Société de l'histoire de France напечатано нѣсколько писемъ Веррака и Вержена о Россіи.

Я постараюсь, чтобы г. Монмерке показалъ мнѣ и остальныя бумаги, пріобрѣтенныя имъ, по смерти Кальяра, и если найду въ нихъ любопытные для Русской исторіи акты, то употреблю всѣ зависящія отъ меня средства для пріобрѣтенія оныхъ. Бумаги сіи, не помѣщенныя въ *Историческій Бюлетень*, не имѣютъ, можетъ быть, довольно исторической важности для Французскихъ ученыхъ, но для насъ «и дымъ отечества пріятенъ».

Парижъ $\frac{26}{14}$ Февраля 1836.

На сихъ дняхъ я купилъ у одного собирателя любопытныхъ рукописей связку бумагъ, кои хотя не

относятся непосредственно до Россіи; но по содержанію своему показались мнѣ довольно важными для исторіи нашей войны съ Турціей (1770—1780 года) и до политическихъ отношеній, въ коихъ Россія находилась тогда съ Франціей и съ Польшей. Французское правительство, тайно покровительствуя тогдашнимъ врагамъ Россіи: Турціи и Польшѣ, отправило драгунскаго полковника *Valcroissant* въ Царьградъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Шуазель, въ инструкціи, данной имъ Валькруасану (которая у меня въ оргиналѣ), предписалъ ему отъ 7-го Іюня 1770 года, по прибытіи въ Константинополь и явившись къ Французскому послу Сен-При, (St. Priest, коего дѣти служили послѣ въ Россіи) дѣйствовать по его указаніямъ, отправитъся отъ туда въ Вѣну (гдѣ долженъ выдать себя за родственника Сен-При) и тамъ сообразить свои дальнѣйшія дѣйствія съ цѣлію его экспедиціи. «Le Roi desirant avoir des nouvelles certaines et detaillées de l'armée Ottomane qui agit vers le Niester» сказано въ инструкціи. Также: «Le besoin qu'ont les Turcs de conseils pour diriger leurs operations feroit desirer au Roi qu'il fut possible que le S. Valcroissant trouvât quelque moyen d'influer dans leurs resolutions.» — Si les préjugés et l'orgueil des Turcs rendoient ce plan impracticable on est persuadé que le S. Valcroissant trouvera d'autres moyens de se signaler. Tel serait par exemple celui de se mettre à la tête des confédérés de Bar ou d'un corps qui serait adjoint et levé et agirait en leur nom.»— Шуазель заключаетъ свое предписаніе слѣдующимъ образомъ: «On terminera ce mémoire en lui recomman-

dant (т. е. Валькруасану) de ne jamais perdre de vue la position où le Roi se trouve vis-à-vis de la Russie, ni les ménagemens qu'elle doit à cette position dans les mesures mêmes que sa sagesse et le bien de l'humanité lui dictent».

Въ слѣдствіе сего Валькруасанъ вошелъ въ сношеніе съ Барской конфедераціей, получилъ въ команду полкъ и доносилъ обо всемъ какъ Шуазелю, такъ и Сен-При изъ разныхъ мѣстъ Турціи, въ коихъ въ 1771 и 1772 годахъ Турецкая армія находилась, какъ въ лагеряхъ, такъ и при осадѣ крѣпостей (изъ Землина, Варны, Карагулы (близъ Варны) Исакча, Бабадаха, Босны (близъ Силистріи) Рущука, Черноводъ). Въ сихъ-то донесеніяхъ нашелъ я множество подробностей о дѣйствіяхъ Русской и Турецкой армій и о Барской конфедераціи. Нерѣдко встрѣчаются имена Рѣпниныхъ, Румянцовыхъ. Я не въ правѣ судить о стратегической важности сихъ бюлетеней и донесеній; но мнѣ кажется, что они могутъ пополнить и пояснить исторію тогдашнихъ военныхъ дѣйствій и, *при случаѣ*, пригодиться на самомъ дѣлѣ тѣмъ, кои захотятъ познакомиться покороче съ театромъ войны.

Я старался по возможности привести въ порядокъ сіи бумаги, коимъ роспись, мною наскоро составленную, при семъ препровождаю, отмѣтивъ въ ней какія изъ бумагъ находятся въ оргиналѣ и какія въ копіяхъ. Въ сей связкѣ были и другія бумаги, къ экспедиціи Валькруасана не принадлежащія; я также означилъ ихъ въ описи.

ГЛАВА VIII.

(ИЗЪ БІОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИТТЕРАТУРНЫХЪ ЗАПИСОКЪ О Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНѢ).

Что сказано Лагарпомъ о Мольерѣ, еще съ большею справедливостію можетъ быть у насъ примѣнено къ Фонъ-Визину: «похвала писателю заключается въ его твореніяхъ. Можно сказать, что похвала Мольеру заключается въ предшественникахъ и преемникахъ его». — По истинѣ, читая Фонъ-Визина, чувствуешь часто недостатки его; читая писавшихъ у насъ для комической сцены прежде и послѣ его, удивляешься одному его превосходству. Фонъ - Визинъ не былъ рѣшительно драматикомъ, не былъ даже и комикомъ, каковъ Княжнинъ, который былъ сильнѣе его въ распоряженіи, въ хозяйственномъ устройствѣ комедіи. Басня обѣихъ комедій автора нашего слаба, неподвижна; картина его жива и ярка, но безъ движенія: это говорящая картина — и только; но и то говорятъ въ ней не всегда участвующія лица, а часто говоритъ самъ авторъ. Все это правда; но живое чувство истины, мастерство писать портреты съ нату-

ры, умѣніе схватить Русскіе нравы и оставаться при нихъ, не примѣшивая лживыхъ красокъ къ природнымъ, удача, съ которою выливается у него комическая фраза, Русская веселость, которая должна существовать, какъ есть Русская физіономія физическая и нравственная, образуютъ характеръ автора и отличительное достоинство его, неоспоримое, неотъемлемое. Въ слогѣ его есть какая-то комическая мимика, приспособленная съ большимъ искусствомъ къ дѣйствующимъ лицамъ его. Опредѣлить въ чемъ состоитъ она, не возможно; но чувство ее постигаетъ.

«Бригадиръ» болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина; но здѣсь каррикатурный отпечатокъ не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго: тутъ есть поэзія веселости. Портретный живописецъ нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлью изящною; каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ видѣ; но тотъ и другой не измѣняютъ истинѣ. Дидеротъ (написавшій весьма замѣчательное разсужденіе о драматической поэзіи, въ которомъ изъ-за мрака парадоксовъ блещетъ много свѣтлыхъ и смѣлыхъ истинъ) сравниваетъ фарсы съ гротесками Кало (Calot), въ коихъ сохранены главныя черты человѣческаго лица. — «Не каждому дана возможность,» говоритъ онъ, «уродовать такимъ образомъ. Если полагаютъ, что гораздо болѣе людей, способныхъ написать «Пурсоньяка», нежели «Мизантропа», то ошибаются».

Можетъ быть мысль представить 60 лѣтнего бригадира, влюбившагося нечаянно въ совѣтницу, которую узналъ онъ недавно, а совѣтника также скоропостижно влюбившагося въ старую бригадиршу, не совсѣмъ правдоподобна; тутъ есть какая-то симетрія въ волокитствѣ, которая забавна въ послѣдствіяхъ своихъ, но не естественна въ началѣ. Допустимъ еще грѣхопаденіе совѣтника, лицемѣра и святоши, который насильно выдаетъ дочь свою за сына бригадирши, *чтобы по родству чаще видѣться съ возлюбленною сватьею*, хотя и старухою, какъ значится изъ дѣла; но дурачество и поползновеніе къ соблазну бригадира, который выведенъ на сцену человѣкомъ грубымъ, но довольно благоразумнымъ, кажется, рѣшительно противорѣчитъ истинѣ. За то съ какою непринужденною веселостію исполнена эта мысль. Какъ хорошо явленіе, гдѣ совѣтникъ, прикрывая грѣшныя желанія свои святостію рѣчей, признается бригадиршѣ въ любви, а она отвѣчаетъ ему съ простотою, *что она церковнаго-та языка столько же мало смыслитъ, какъ и Французскаго*, которымъ, на бѣду ея, щеголяетъ сынъ, недавно возвратившійся изъ Парижа. Открытіе въ любви бригадира предъ совѣтницею хотя не такъ оригинально, но въ свою очередь забавно. Объясненіе же во взаимной любви между совѣтницею и бригадирскимъ сынкомъ, женихомъ падчерицы ея, не только исполнено комической веселости, но и комической истины: оно совершенно въ провинціяльныхъ нравахъ, разгадывается на картахъ и вырывается восклицаніями: *ты червовая дама! ты*

трефовой король! Какъ живо переноситъ насъ сіе явленіе во времена простосердечнаго волокитства, которое, не ломая головы надъ сочиненіемъ любовныхъ писемъ, выражало себя просто симпатическими мастями, или конфектными билетцами, писанными Сумароковымъ для обихода страстныхъ любовниковъ. Жаль нравственности, но всѣхъ блѣднѣе и всѣхъ скучнѣе въ комедіи законная любовь Софьи и Добролюбова, довершающая общую картину нѣжныхъ склонностей, превратившихъ домъ совѣтника въ уголокъ Аркадіи. Въ «Бригадирѣ» въ первый разъ услышали на сценѣ нашей языкъ натуральный, остроумный: вотъ гдѣ Фонъ-Визинъ является писателемъ искуснымъ, а не въ мнимомъ высокомъ слогѣ, начиненномъ Славянскими выраженіями, предъ коимъ такъ умильно раболѣпствуютъ наши критики. Въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ можно замѣтить нѣсколько натяжекъ, нѣсколько эпиграмъ слишкомъ увѣсистыхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ поперегъ его самимъ авторомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются шутки, такъ сказать, слишкомъ заряженныя; непомѣрный зарядъ въ оружіи не даетъ удару достигнуть цѣли отъ безвременнаго и худо-разсчитаннаго разрыва; шутка, слишкомъ туго набитая, также минуетъ свое назначеніе. Таковы многія изъ рѣчей, относящихся до Парижа, до несчастія быть Русскимъ, и тому подобныя. Можно замѣтить нѣкоторыя отступленія, охлаждающія разговоръ; такъ напримѣръ: въ явленіи между совѣтникомъ и дочерью его, вмѣсто того, чтобы говорить о предстоящемъ ей бракѣ, они разсѣкаютъ смыслъ

словъ: *виноватый и правый.* Впрочемъ Фонъ Визинъ былъ большой охотникъ до сей анатоміи словъ и часто разсѣкалъ ихъ мыслью острою и проницательною. Всѣ критическія замѣчанія наши подтверждаютъ сказанное выше: Фонъ-Визинъ не былъ драматическимъ творцемъ, а только писателемъ комическимъ, въ чемъ большая разница. Выступая на театръ, онъ не былъ побуждаемъ желаніемъ творить, испытывать силы и соображенія свои въ устроеніи жребія лицъ, коими населялъ свою сцену. Драматическій писатель есть нѣкоторымъ образомъ привидѣніе міра, имъ созданнаго: онъ также долженъ по таинственнымъ путямъ вести созданія свои къ цѣли, оправдывающей предназначенія его; долженъ изъ противорѣчій, изъ ошибокъ страстей и пользъ извлечь одно цѣлое, изъ разногласій согласіе, изъ безпорядковъ порядокъ. Фонъ-Визинъ не имѣлъ въ виду сихъ обширныхъ предначертаній: онъ хотѣлъ просто вылить въ нѣкоторыя изъ драматическихъ формъ свои частныя наблюденія, свои мысли о томъ и о сёмъ, разцвѣтить кистью своею лица, которыя представляло ему воображеніе, созидая вымышленные образы по чертамъ и очеркамъ дѣйствительнымъ.

Въ ролѣ совѣтника замѣтилъ я противорѣчіе, которое должно затруднить актера, его представляющаго. Въ явленіи признанія въ любви, бригадирша говоритъ совѣтнику: «ты уже и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь—и, долго ли тебѣ изнурять свое тѣ-

ло?» Въ другомъ же явленіи, когда бригадиръ говоритъ ему объ одномъ сослуживцѣ своемъ *ростомъ чуть не вдвое выше его*, прибавляя что, когда онъ былъ моложе, народъ былъ гораздо крупнѣе, то совѣтникъ отвѣчаетъ ему: «*правда! и въ нашей коллегіи былъ одинъ канцеляристъ чуть не впятеро меня толще!*» По этому указанію должно полагать, что авторъ для комическаго дѣйствія облекалъ бригадира своего въ богатырскія формы, а совѣтника тучностію; что противорѣчитъ прежнему изображенію. По преданію оказывается, что все это мѣсто относится до президента одной изъ коллегій, который любилъ великорослыхъ и по росту назначалъ мѣста подчиненнымъ своимъ.

Вліяніе, произведенное комедіею Фонъ-Визина, можно опредѣлить однимъ указаніемъ: отъ нее званіе бригадира обратилось въ смѣшное нариnцаніе, хотя самъ по себѣ бригадирскій чинъ не смѣшнѣе другаго. Нариnцаніе пережило даже и самое званіе: нынѣ бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще родъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сіе примѣняется. Кажется, въ Москвѣ бригадирство погребено было смертью однихъ и почетною метемпсихозою прочихъ. Петербургскіе злоязычники называютъ Москву: старою бригадиршею.

Въ комедіи «Недоросль» авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти вы-

ставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія Русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи Французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же въ коемъ росъ Митрофанушка, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова̀ мать его Простакова. Именно говорю изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ—разумѣется, что трагедія будетъ не по Греческой или по Французской классической выстройкѣ, но не менѣе того развязка ея можетъ быть трагическая. Какъ «Тартюфъ» Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и Простакова. Отъ автора зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались бы тѣ же, но только принаровленные къ узаконе-

ніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросля»? Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризирована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ въ начертаніи картины далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда, по несчастію, встрѣчаются онѣ въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому достовѣрныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что впрочемъ можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что каждое имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона «Недоросля» не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже замѣченный выше: недостатокъ движенія и бездѣятельность событія. Изъ сорока явленій, изъ коихъ нѣсколько довольно

длинныхъ, едва ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка,

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ Простаковой. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но онѣ такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обставкою. Разговоръ ея съ портнымъ Тришкою, или лучше сказать, поставленнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно принаровлена къ лицамъ; сцена совершенно Русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ по неволѣ* оживлена драматическимъ кресчендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: «*да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!*» Поболѣе такихъ явленій — и Фонъ-Визинъ былъ бы одинъ изъ величайшихъ комиковъ. Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко: за исключеніемъ одного двусмыслія, неприличнаго и слишкомъ площаднаго, все явленіе очень хорошо. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является Простакова, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь

наглости и низости, трусости и злобы, безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной какъ и оно, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего какъ изъ мутнаго источника истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искусства и глубокаго сердцевѣденія. Когда Стародумъ прощаетъ Простакову и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ!» — тутъ слышанъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно на сценѣ, когда Правдинъ, назначенный отъ Правительства опекуномъ надъ деревнею ея, разсчитывается съ учителями Митрофанушки. Тутъ уже не хвастаетъ она познаніями своего сына и невольно говоритъ Кутейкину: «да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?» Но послѣдняя черта, которою авторъ нанесъ рѣшительный ударъ, сосредоточиваетъ всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросясь обнимать сына, говоритъ ему: «одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ Митрофанушка!» а онъ отвѣчаетъ ей: «да отвяжись, матушка! какъ навязалась!» Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагива-

ешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ драматикомъ. Сказываютъ, что Французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку, излагать въ видѣ романа и приготовительнаго труда исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное. Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ Простакову и могли бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. Скотининъ каррикатура и слишкомъ увеличенная. Онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ Митрофанушкою и Еремѣевною очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя слегка обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много Русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самаго автора, что приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово *зацѣпы*, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой

онъ отвѣчаетъ хору древней трагедіи. Въ ней авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть нейдетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи изъ роли Стародума многое выкидывается. Была бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось бы отступленіями; но невыгода Стародума предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-Визинъ, нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ нравоученій Стародума хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену Стародума съ Милономъ можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ: *неустрашимость и храбрость.* Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны, или поучители, подобные Стародуму; но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добро-

вольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю и Государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтишь еще, что Стародумъ, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобъ обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей Французской комедіи, которые падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого нибудь бѣднаго родственника.

Роли Милона и Софьи блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія; но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ благопристойной любви къ ближнему. Правдинъ чиновникъ; онъ развязываетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должнобъ быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ; но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть довершено наказаніе Простаковой, которое было бы неполно, если бы имѣніе осталось въ рукахъ ея. Кутейкинъ, Цифиркинъ и Вральманъ забавныя каррикатуры; послѣдній и слишкомъ каррикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что въ старину Нѣмецъ кучеръ попалъ въ учители въ домъ Простаковыхъ.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина упрекали въ исключительной цѣли, съ которою будто

начерталъ онъ лице Недоросля, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во первыхъ; Фонъ-Визинъ не сталъ бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно не служитъ, а развѣ въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. Недоросль не тѣмъ смѣшонъ и жалокъ, что шестнадцати лѣтъ онъ еще не служитъ: жалокъ былъ бы онъ служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ отъ того, что онъ неучъ. Правда, что правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку: *когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ,* слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какою нибудь отраслью просвѣщенія или промышлености, былъ бы не менѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государственной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ бы включенъ въ списки адресъ-календаря. Къ тому же правило Стародума несбыточно въ исполненіи: въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно при-

знаться, что и Правдинъ имѣетъ довольно странное понятіе о службѣ, говоря Митрофанушкѣ въ концѣ комедіи: «съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить!» Ему сказать бы: пошелъ-ка въ училище! а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи «Недоросль» былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціяльныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случилось встрѣтить двухъ или трехъ живыхъ экземпляровъ Митрофанушки. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Если правда, что Князь Потемкинъ послѣ перваго представленія «Недоросля» сказалъ автору: «умри Денисъ, или больше ничего уже не пиши!» то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ Русской комедіи, какова она быть должна, но и то что онъ совершилъ, особенно же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе. Шлегель, разбирая твореніе двухъ Британскихъ драматиковъ (Бомонъ и Флетчеръ), говоритъ, что они соорудили прекрасное зданіе, но только

въ предмѣстіяхъ поэзіи, тогда, какъ Шекспиръ въ самомъ средоточіи столицы основалъ свою царскую обитель. То же скажемъ и о трудахъ Фонъ-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застроивается, что если въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданіяхъ и оказывается болѣе вкуса въ архитектурѣ, лучшая отдѣлка въ частныхъ принадлежностяхъ, то въ зодчествѣ Фонъ-Визина болѣе прочности, уютности и принаровки къ потребностямъ и климату отечественнымъ; наконецъ, что средоточная площадь столицы нашей еще пустынно ожидаетъ драматическихъ чертоговъ, для коихъ не родились достойные строители.

Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литературномъ отношеніи: ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской какъ дома, или перенесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него, такъ сказать, слогъ, выраженіе (le genre), думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила; но она у него потому сила, что на мѣстѣ, коренная, природная. Напротивъ же у его послѣдователей то же самое есть *безсиліе*, потому что заимственно, неестественно и часто неумѣстно.

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и произвол-

ство Фонъ-Визина: это «Горе отъ ума». Сіе твореніе, имѣющее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что впрочемъ почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было не только изустно, но и печатно двоякимъ предупрежденіемъ, равно не знавшимъ мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. Истина равно чужда Сеидамъ и Зоиламъ. Буду говорить о сей комедіи безпристрастно; моя откровенность тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не связана прежними обязательствами. Я любилъ автора, уважалъ умъ и дарованія его; вѣроятно, я одинъ изъ тѣхъ, которые живѣе и глубже были поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ концемъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не безусловный поклонникъ комедіи его, вѣроятно, даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась на недоброжелательство, по щекотливости, свойственной авторскому самолюбію и по сплетнямъ охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ Софіи, единственномъ характерѣ въ комедіи, коей всѣ прочія лица портреты въ профиль, въ бюстъ, или во весь ростъ, то должно сказать, что эта вывѣска поклепъ на нравы, или исключеніе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ, или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить и нигдѣ не замѣ-

тишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой Чацкій, похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно; но способность, съ которою онъ ex-abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, не рѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго. Мольеровъ Альцестъ въ сравненіи съ Чацкимъ настоящій Филинтъ, образецъ тернимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ». Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется; комическая веселость, съ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современному. Если она не сатира наша, лучше написанная, потому что небрежность языка и стихосложенія доведены въ ней иногда до непростительнаго своеволія, то она сатира, лучше и жарче всѣхъ обдуманная. Замѣчательно, что сатирическое искусство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ Чацкаго, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ Фамусова. Продолжительная иронія утомительна: порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно; но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ Фамусова, что никакъ не различишь

насмѣшливости комика отъ замоскворѣцкаго патріотизма комическаго лица. Таковъ, но не въ равной степени превосходства, и Скалозубъ. По двумъ этимъ изображеніямъ можно заключить несомнѣнно, что въ Грибоѣдовѣ таился будущій комикъ. Онъ и творецъ «Недоросля», имѣютъ то свойственное имъ преимущество, что они прямо, такъ сказать, живьемъ перенесли на сцену черты, схваченныя ими въ мірѣ дѣйствительномъ. Они не переработывали своихъ пріобрѣтеній въ алхимическомъ горнилѣ общей комедіи, изъ коего все должно выходить въ какомъ-то изготовленномъ и заранѣе указанномъ видѣ. Самыя странности комедіи Грибоѣдова достойны вниманія: расширяя сцену, населяя ее народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ, безъ сомнѣнія, расширилъ и границы самаго искусства. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣло новизною своею. На театрѣ оно живописно и производитъ сильное дѣйствіе. У насъ вообще мало думаютъ объ оживотвореніи сцены, о сценическихъ впечатлѣніяхъ, забывая, что не даромъ драма называется зрѣлищемъ и происходитъ предъ зрителями. Многія наши комедіи суть родъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Предъ вами не міръ дѣйствительный, не люди, а тѣни безплотныя, безличныя. Все въ нихъ неосязательно, неопредѣлительно; все скользитъ по чувствамъ и по вниманію. Скажемъ окончательно, что если «Горе отъ ума» твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее строжайшей критики, то не менѣе оно явленіе весьма

замѣчательное въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ пылкимъ и острымъ и тою гордою независимостію, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной; признаки движенія, они прорѣзываются неизгладимыми чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности, протоптанные по указнымъ слѣдамъ и затоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглощаютъ. Вотъ почему комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ худо обдуманная, въ частяхъ и особенно въ слогѣ часто худо исполненная, останется всегда на виду; а многія другія комедіи театра нашего, осмотрительнѣе соображенныя и правильнѣе написанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ; живой живое и любитъ. Въ твореніи Грибоѣдова нѣтъ правильности, но есть жизнь: оно дышетъ, движется. Въ другихъ комедіяхъ правильности болѣе, но они автоматы. Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія, которую можно не сравнивать, а издалека уподобить комедіямъ Фонъ-Визина: это «Вѣсти или убитой живой,» сочиненіе графа Растопчина. Въ ней нѣтъ изящнаго искусства, но есть Русская веселость и довольно

вѣрная съемка съ природы. Не понимаю, почему не имѣла она успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое представленіе. Вѣроятно, не многіе и читали ее, хотя она и напечатана. Авторъ «Мыслей въ слухъ на краснымъ крыльцѣ» и такъ называемыхъ «Афишекъ 1812 года» заслуживалъ бы оригинальностью своею болѣе любопытства и вниманія.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА.

ОБЪ ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, ЖАРЪ-ПТИЦѢ И О СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

XVI.

Сѣрый Волкъ.

(Одинъ)

Мнѣ нравится мой Витязь! онъ красавецъ,
Смѣлъ, добродушенъ, жизненная сила
Въ немъ весело играетъ и кипитъ.
Въ немъ лишь одно не ловко, не похвально
И мнѣ прискорбно: онъ мои совѣты
Позабываетъ въ самое то время,
Какъ долженъ ихъ исполнить. Молодъ онъ,
Неостороженъ! а бѣда какъ тутъ.
Но это я прощаю. Человѣкъ
Всегда таковъ, покуда самъ собой
Не испыталъ и послѣ не обдумалъ
Всѣхъ случаевъ опасныхъ и несчастныхъ,
Которые возможны по колику

Они возможны. Я того и жду,
Что онъ опять забудетъ мой наказъ:
Онъ соблазнится золотой уздой,
Возметъ ее и сдѣлаетъ тревогу!

Иванъ Царевичъ.

Прости меня, мой добрый Сѣрый волкъ!
Я виноватъ. Опять въ просакъ попался;

Сѣрый Волкъ.

Вотъ молодость! она воображаетъ,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрѣлой головы!

Иванъ Царевичъ.

Я со стѣны спрыгнулъ благополучно,
Все было тихо, на дворѣ широкомъ
Покоился крѣпчайшій караулъ
Въ объятіяхъ весенняго Морфея;
Я шелъ, твердя въ умѣ твои слова:
Не брать узды! не брать узды! И этакъ
Добрался до конюшни и въ нее
Вошелъ; взглянулъ, а на стѣнѣ узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Какъ я тогда смѣшался; я забылъ
И твой приказъ и самаго себя;
Вся въ дорогихъ каменьяхъ, въ жемчугахъ
И золотая; отъ нея лучи!—

Я протянулъ къ ней руки и лишь началъ
Снимать съ высокаго гвоздя!
Вдругъ звонъ и крикъ и страшная тревога.
Меня схватили молодца, и прямо
На судъ, какъ разъ предъ царя Афрона.
Царь вспыхнулъ, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпалъ.
Я отвѣчалъ чистосердечно,
Кто я таковъ и для чего зашолъ
Въ его конюшню? Онъ хоть и смягчился;
Но ужъ мылъ, мылъ мнѣ голову! Потомъ
Исторія похожая на ту,
Что у меня была съ царемъ Долматомъ!
И царь Афронъ даруетъ мнѣ прощенье,
Отдастъ мнѣ злато-гриваго коня,
Когда ему я службу сослужу
Когда ему достану. Вотъ въ чемъ дѣло:
Мой добрый волкъ, онъ пламенно влюбленъ
Въ какую-то прекрасную Гелену;
Онъ самъ принадлежитъ сй и желаетъ
Чтобъ и она ему принадлежала,
Желаетъ страстно, жаждетъ и кипитъ!
Такъ я взялся, далъ рыцарское слово,
Достать ему предметъ его любви.
Не знаешь-ли, мой добрый Сѣрый волкъ,
Скажи ты мнѣ, что это за Гелена?

Сѣрый Волкъ.

Верхъ совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,
Что развиваетъ въ сердцѣ молодомъ
Жизнь сладостно-высокую, огонь
Неугасимый, сильный и живой?

Иванъ Царевичъ.

Эге, ге, ге!

Сѣрый Волкъ.

Да видно, мнѣ придется
Такъ одолжить тебя Иванъ Царевичъ,
Какъ никогда никто и никого
Не одолжалъ. Прекрасную Гелену
Ты, не смотря на твой геройскій нравъ,
На всѣ твои достоинства, и санъ
И молодость и силу, самъ не можешь
Достать, ни какъ не можешь, вѣрь ты мнѣ;
Перенесешь ты множество труда,
Извѣдаешь опасностей, изтратишь
И времени и поисковъ отважныхъ,
А пользы въ томъ не будетъ ни какой!
Мнѣ поклонись, такъ я, хоть это дѣло
И трудное, обдѣлаю его....

Иванъ Царевичъ.

Пожалуста, мой добрый Сѣрый волкъ,
Достань ты мнѣ прекрасную Гелену,

Сѣрый Волкъ.

Изволь достану. Сядь же на меня.

Иванъ Царевичъ.

А мнѣ было хотѣлось самому . . .
Да такъ и быть, я на тебя надѣюсь.

(Садится верхомъ на волка.)

XVII.

Иванъ Царевичъ.

(Подъ зеленымъ дубомъ.)

Свѣтла, чиста небесная лазурь,
Прохладенъ воздухъ, долы и холмы
Цвѣтутъ; стрекочетъ подмуравный міръ,
Журчатъ ручьи и свищетъ соловей!
Прекрасный день! люблю тебя весна!
Пора любви, красавица годинъ;
Своею нѣгой, свѣжестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
Въ ней легкія и страстныя мечты
И помыслы, и весело они
Летаютъ и играютъ по землѣ,
Въ благоуханномъ воздухѣ твоемъ
Подъ сводомъ неба ясно-голубымъ!

А что со мною будетъ, если Волкъ
Меня обманетъ, убѣжитъ домой;
А я останусь пѣшь и одинокъ,
Здѣсь подъ зеленымъ дубомъ! я не знаю,
Чье это царство? и куда идти?
Жду, не дождусь, теперь ужъ третьи сутки
Кончаются съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня
Покинулъ здѣсь. О нѣтъ, онъ добрый малой,
Смѣлъ и проворенъ, служитъ мнѣ охотой;
Достанетъ онъ прекрасную Гелену.....
Верхъ совершенства! стало быть она
Весьма громка своею красотой,
Когда извѣстна и въ глуши лѣсной!
Я буду Волку вѣчно благодаренъ
За эту службу; ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь къ царю Афрону,
Отдамъ ему прекрасную Гелену,
Возьму золото-griваго коня;
Потомъ отдамъ коня царю Долмату
И получу желанную жар-птицу,
И съ этою блистательной добычей
Домой, домой, и прямо во дворецъ
И батюшку на старости утѣшу!

XVIII.

Иванъ Царевичъ, Сѣрый Волкъ съ Геленой.

Сѣрый Волкъ.

Иванъ Царевичъ принимай руками
Прекрасную Гелену, вотъ она!

(Кладетъ ее на лугъ, она въ безпамятствѣ.)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышетъ; не глядитъ, чрезмѣрно
Испугана, потрясена ужасно;
Я такъ незапно выхватилъ ее
Изъ тишины отеческаго сада,
Изъ круга милыхъ, молодыхъ подругъ,
Прислужницъ, нянекъ, мамокъ, и такъ быстро
Скакалъ съ моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ,
Имѣла право обмереть со страху,
И задохнуться на моей спинѣ;
А впрочемъ я берегъ ее, слегка
Придерживалъ зубами, чтобъ никакъ
Не уязвить чувствительнаго тѣла.

Иванъ Царевичъ.

(Смотритъ на Гелену.)

Жестокъ ты Волкъ!

Сѣрый Волкъ

Не бось: она очнется,
Дай только ей немного отдохнуть.
И подлинно прекрасная Гелена!
Чудесный, безподобный идеалъ!
Изящное сліяніе живыхъ
Подробностей, оттѣнковъ и частей
И сладостныхъ округлостей съ живой
И сладостною мыслію всего
Созданія — въ одно очарованье!
Иванъ Царевичъ, посмотри сюда,
Какъ живописно съ этаго чела
Прелестнаго упали эти кудри,
Волнистыя и мягкія, какъ шелкъ,
И черныя, какъ воронъ птица ночи,
На бѣлизну и ясность молодую
Ея лица, на полноту грудей,
Высокихъ, полныхъ, царственныхъ грудей!
Что за рѣсницы! длинныя, густыя.
Глаза у ней! Ахъ, мой Иванъ Царевичъ,
Я видѣлъ ихъ, я видѣлъ этотъ рай
Живительныхъ желаній и томленій,
Восторговъ, нѣгъ, отрадъ, самозабвеній,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большіе, голубые,
И свѣтятся они такимъ огнемъ

И жгучимъ и умильнымъ, что я самъ
Я Сѣрый волкъ...... Прекрасная Гелена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здѣсь не обидятъ вашей красоты,
Не бойтесь!

Гелена.

(Смотритъ кругомъ себя.)

Что со мной? Скажи мнѣ, гдѣ я?

Сѣрый Волкъ.

Худаго съ вами ничего; а гдѣ вы?
На это я могу вамъ отвѣчать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, гдѣ
Вы были дома.

Гелена.

Я нещастная.... Куда
Меня.... Такъ точно, всё это не сонъ,
Меня разбойники украли; я умру!

Сѣрый Волкъ.

Разбойники! прекрасная Гелена!
Не бойтесь насъ! такіе ли бываютъ
Разбойники? Вотъ этотъ человѣкъ,
Вотъ этотъ витязь — посмотрите: онъ
Ни живъ, ни мертвъ, стоитъ, какъ полоненый;
Глаза потупилъ, руки опустились:

А отъ чего? Все отъ того, что вы
Очнулися, вы, чудо красоты!
И онъ увидѣлъ ваши голубыя
Глаза, и въ васъ влюбился всей душой.
Что жъ до меня касается, я добрый,
Услужливой, проворный, Сѣрый волкъ,
И нахожуся въ должности коня,
А иногда и въ должности посланца,
У витязя, который передъ вами!
Я Сѣрый волкъ—и звѣрь, а не разбойникъ.

Гелена.

Зачѣмъ же я похищена?

Сѣрый Волкъ.

На это
Отвѣтитъ вамъ мой витязь. Вы не бойтесь!
Иванъ Цавевичъ тихъ и благонравенъ,
Застѣнчивъ даже. Отвѣчай скорѣе
Иванъ Царевичъ, не робѣй, мой витязь!

Иванъ Царевичъ.

Меня послалъ Царь - батюшка поймать,
Достать ему чудесную Жаръ-птицу
И привезти . . . . .

Сѣрый Волкъ.

Прекрасная Гелена!
Не будьте строги, улыбнитесь, что вамъ

Одна улыбка! *(Гелена улыбается)* вотъ давно бы
так!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты, какъ знаешь, что такое медъ?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Признаться: по наслышкѣ. У меня
Былъ нѣкогда, пріятель задушевный,
Медвѣдь, Кузьма Иванычь — мой землякъ;
Окончивъ курсъ ученія въ Смаргонской
Гимназіи, онъ вышелъ изъ нея,
И странствовалъ съ повадыремъ, и много
Земель различныхъ видѣлъ, потѣшая
Людскую праздность пляскою своей;
Потомъ въ лѣса родные возвратился,
Сорвавшись съ цѣпи (такъ онъ говорилъ).
Онъ возвратился, правда, старикомъ,
Измученнымъ, беззубымъ; но за то
Преопытнымъ и мудрымъ, какъ Улиссъ.
Такъ отъ него-то много я узналъ
О медѣ и о свѣтѣ вообще.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, прекрасная Гелена,
Вы страшно испугались, въ ту минуту,
Какъ Сѣрый волкъ похитилъ васъ изъ саду.

Гелена.

Смертельно испугалась.

Иванъ Царевичъ.

Мнѣ досадно,
Мнѣ больно, что усердный мой слуга,
Такъ быстро мчалъ васъ; впрочемъ онъ боялся
Погони и поимки, торопился
Скорѣй ко мнѣ.

Гелена.

Прошу васъ мнѣ сказать:
Зачѣмъ меня, такъ неучтиво, странно
Похитили?

Иванъ Царевичъ.

Прекрасная Гелена,
Я васъ не зналъ, я полагалъ, что вы
Красавица, какихъ и я довольно
Видалъ. Бывало, взглянешь на неё,
И вспыхнешь, и пробудятся въ тебѣ
Волненія, восторги и мечты
Обычныя, и ровно ничего
Духовнаго; живѣе сердце, кровь
Живѣе.... Ахъ, прекрасная Гелена!
Не то со мною; я увидѣлъ васъ
Спокойно, равнодушно; я хотѣлъ

Полюбоваться вами, посмотрѣть
Красавицу, которую такъ славятъ
Вездѣ и всѣ; а не влюбиться въ васъ.
И долго, долго я на васъ глядѣлъ
Безстрастно и свободно. Но потомъ,
Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впилися въ ваши, я не знаю,
Что сдѣлалось со мной! Затрепеталъ
Я трепетомъ нечувственнымъ; во мнѣ
Творилось что-то новое; мнѣ было
И радостно и страшно и легко;
Я полонъ былъ невыразимой нѣги,
Сладчайшей и высокой; полонъ былъ
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземнаго.
Казалось мнѣ, что бытіе мое
Не прежнее; что въ бытіе иное
Перенесенъ я, въ дивный чистый міръ
Гармоніи и свѣта. Я люблю.
Я васъ люблю, прекрасная Гелена,
Люблю васъ каждымъ помысломъ души,
И каждымъ чувствомъ сердца, весь люблю;
Все, чѣмъ живу и движусь, чѣмъ я мыслю,
Желаю, вѣрю и надѣюсь, все,
Все это ваше; вы мой свѣтлый рай,
Моя звѣзда, мое предназначенье,

Вы мнѣ отвѣтъ на роковый вопросъ:
Быть иль не быть? прекрасная Гелена!

Сѣрый Волкъ.

Иванъ Царевичъ! не пора-ль тебѣ
Къ Царю Афрону вымѣнять коня?

Иванъ Царевичъ.

Поди ты прочь съ твоимъ Царемъ Афрономъ!
Ты видишь: мнѣ теперь не до него!
Оставь меня!

Сѣрый Волкъ.

Ты сердишься юпитеръ....

Иванъ Царевичъ.

Прекрасная Гелена, я далъ слово
Царю Афрону, васъ ему доставить;
Вотъ для чего похищены вы были
Моимъ посланцомъ. Этотъ Царь Афронъ
Вашъ давній, постоянный обожатель;
Скажите мнѣ, желаете-ли вы
Къ Царю Афрону?

Гелена.

Я его не знаю!
Онъ сватался когда-то за меня
И то заочно; я его не знаю.

Иванъ Царевичъ.

Ахъ! не велите мнѣ васъ отдавать
Царю Афрону, онъ васъ не пойметъ.

Я лучше .... онъ не можетъ такъ любить,
Какъ я люблю васъ. Вы владѣйте мною:
Я васъ введу въ отеческій мой домъ,
Къ Царю Выславу; онъ благословитъ
Мою любовь, я буду счастливъ вами,
Я буду вамъ повиноваться, буду
Всѣ ваши мысли, всѣ слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять
Привѣтливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тѣмъ, что я вашъ. Прекрасная Гелена,
Согласны вы?

Гелена.

Я плѣнница, я жертва
Безпечности придворныхъ сторожей ....
О! будь со мной, что надобно судьбѣ!
Я ей во всемъ смиренно отдаюсь,
Я не ропщу, я не могу желать
Къ Царю Афрону.

Сѣрый Волкъ.

Я васъ поздравляю,
Прекрасная Гелена, съ женихомъ
Достойнымъ васъ по крови, по душѣ,
По сердцу, лѣтамъ, росту и лицу!
Иванъ Царевичъ, что же ты молчишь,
Счастливѣйшій изъ смертныхъ?

Иванъ Царевичъ.

Добрый Волкъ!
Чѣмъ я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастливъ. Это солнце
Любви мое, оно всѣ дни мои
Освѣтитъ ясно тихими лучами,
Согрѣетъ нѣжно сладкой теплотой,
И дивною красою изукраситъ,
И жизнію прелестной оживитъ.
Теперь домой. Послушай, милой Волкъ:
Тебѣ не будетъ тяжело везти
Обоихъ насъ? Вези насъ легкой рысью.

Сѣрый Волкъ.

Нѣтъ, мой Иванъ Царевичь, погоди;
Ты позабылъ, что надобно тебѣ
Добыть Жаръ-птицу.

Иванъ Царевичъ.

Какъ ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Гелену
Царю Афрону! не отдамъ никакъ,
Ни за табунъ коней золотогривыхъ,
И ни за что на свѣтѣ. Не могу,
Да, не могу.

Сѣрый Волкъ.

А рыцарское слово?

Н. Языковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ КАРАМЗИНА (*).

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ,

ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

(До смерти Екатерины II.)

Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ. Псал. 138.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется, и въ связи представляется мыслямъ яснѣе.

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ жи-

(*) Во второмъ № Современника (на 1836 годъ) уже упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ, хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса.

А. Пушкинъ.

ли народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ, болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестію, ослабѣлъ въ нѣгѣ и палъ, сокрушенный мышцею варваровъ сѣверныхъ. Началось новое твореніе: явились новые народы, новые нравы, и Европа воспріяла новый образъ, донынѣ ею сохраненный въ главныхъ чертахъ ея бытія политическаго. Однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сію новую общую систему вошла и Россія. Скандинавія, гнѣздо витязей безпокойныхъ «officina gentium, vagina nationum» дала нашему отечеству первыхъ государей, добровольно принятыхъ Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣла-Озера и рѣки Великой. «Идите» сказали имъ Чудь и Славяне, наскучивъ своими внутренними междоусобіями, «идите княжить и властвовать надъ нами. Земля наша обильна и велика, но порядка въ ней не видимъ.» Сіе случилось въ 862 году; а въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней: то есть, во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 году Россіяне, какъ наемники Грековъ, сражались въ Сициліи съ Аравитянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что произвело феноменъ столь удивительный въ Исторіи? Пылкая романическая страсть нашихъ первыхъ князей къ завоеваніямъ и единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ не давали образумиться гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шумѣ воинскихъ становъ, платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности, бѣдной и мятежной.

Въ XI вѣкѣ государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбы милліоновъ; озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною, благородною дружиною, они казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Воспору Ѳракійскому или къ горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди семейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами, города избранными жителями: свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась вѣрою Христіанскою: на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ, но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ государствомъ.

Къ несчастію, она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о системѣ удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава могли только отсрочить паденіе державы, основанной единовластіемъ на завоеваніяхъ. Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества, столь необходимаго для благоденствія, изчезло и могущество и благоденствіе народа. Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ князей, которые забывъ славу, пользу отечества, рѣзали другъ друга и губили народъ, чтобы прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему удѣлу. Греція, Венгрія, Польша отдохнули: зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности. Дотолѣ боялись Россіянъ: начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые князья великодушные—Мономахъ, Василько говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ; тщетно другіе Боголюбскій, Всеволодъ III старались присвоить себѣ единовластіе: покушенія были слабы, не дружны, и Россія въ теченіе двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ князьямъ. Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь ва-

жнымъ смертнымъ, какъ монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ князьямъ, видя, что они для ничтожныхъ личныхъ выгодъ жертвуютъ его кровью, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго, или измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ, а князья, уже не имѣя ни довѣренности, ни любви къ народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволяли ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцовъ, сами обирали ихъ, чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякой случай, и, сею политикою утративъ нравственное достоинство государей, сдѣлались подобны судіямъ-лихоимцамъ, или тиранамъ, а не законнымъ властителямъ. И такъ съ ослабленіемъ государственнаго могущества ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ, сохраняя видъ и дѣйствія жизни государственной или независимость, изъясняемую одною слабостью нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали орды Азіятскія, способныя только къ разбоямъ. Польша сама издыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиція, нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи, снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ли-

воніи. Но когда воинственный народъ, образованный побѣдами хана Монгольскаго, овладѣвъ Китаемъ, частію Сибири и Тибетомъ, устремился на Россію, она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые, но безразсудные князья наши съ горстью людей выходили въ поле умирать героями. Батый, предводительствуя полумилліономъ, топталъ ихъ трупы и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали никакому народу; ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри отечества: но слабые раздѣленіемъ силъ, не согласные даже и въ общемъ бѣдствіи, удовольствовались вѣнцами мучениковъ, пріявъ оные въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ.

Земля Русская, упоенная кровію, усыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ ханскихъ, а государи ея трепетали баскаковъ. Сего не довольно. Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана, среди густыхъ лѣсовъ, жилъ народъ бѣдный, дикій, и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. Утѣсняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами, онъ выучился искусству воинскому, и предводимый нѣкоторыми отважными витязями, въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѳеатръ міра, не только возстановилъ свою независимость: но, пріявъ образъ народа гражданскаго, основалъ державу сильную, захватилъ и лучшую половину Россіи; т. е. сѣверная осталась данницею Моголовъ, а южная вся отошла къ *Литвѣ* по самую Калугу

и рѣку Угру. Владиміръ, Суздаль, Тверь, назывались *улусами ханскими*; Кіевъ, Черниговъ, Мценскъ, Смоленскъ — городами Литовскими. Первые хранили покрайней мѣрѣ свои нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка отъ презрѣнія къ его маловажности, долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава, Москвѣ! въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль возстановить единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя *собрателя земли Русской*, есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію, системѣ, наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека, и вмѣстѣ съ нею достоинство великаго князя, Калита первый убѣдилъ хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ бояръ княжескихъ: ибо Татарскіе вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собранія ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними: какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы отъ товаровъ, граждане

отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились; торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внѣшняя; народъ и казна обогатились, дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ удѣловъ къ великому княжеству. Усыпляемые ласками властителей Московскихъ, ханы съ дѣтскою невинностью дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ князей Россійскихъ, до самаго того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная политика князей Московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и единовластіе усилить самодержавіемъ. Что началось при Іоаннѣ I или Калитѣ, то совершилось, при Іоаннѣ III: столица ханская на берегу Ахтубы гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местію Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь, присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія юго-западныя княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная, во время Іоанна IV пріобрѣла три царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ, ибо кро-

мѣ Донскаго, никто изъ нихъ не славился оными, но единственно умною политическою системою, согласною съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ.

Во глубинѣ сѣвера возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра: смѣсь древнихъ восточныхъ нравовъ, принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ, такъ сказать, нашею долговременною связью съ Моголами, Византійскихъ, заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами. Сіи послѣднія черты, свойственныя народу мужественному, вольному, еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ, въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества, основаннаго на родовомъ славолюбіи. Заключеніе женскаго пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ. Дворъ царскій уподоблялся Византійскому. Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ, хотѣлъ какъ-бы возстановить у насъ Грецію, соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея, церковныхъ и придворныхъ: окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноземныхъ пословъ въ *Золотой палатѣ*, которая напоминала *Юстиніанову*. Такая смѣсь въ нравахъ, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась намъ природною, и Россіяне любили оную, какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи; библіотеки царская и митрополитская, наполненныя рукописями Греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество: Москва въ XV вѣкѣ уже имѣла знаменитыхъ архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и грановитую палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства; Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV полное Уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи *торговой казни*, неизвѣстной древнимъ, независимымъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало: многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: государи, папы, республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія; одни для выгодъ купечества, иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой имперіи, Польши, Швеціи. Даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали послы въ Москву, и мысль сдѣлать Россію путемъ Индѣйской торговли, была тог-

да общею. Политическая система государей Московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію, имѣя цѣлію одно благоденствіе народа: они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру, уклонялись отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, и возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри самодержавіе укоренилось. Никто, кромѣ государя, не могъ ни судить, ни жаловать: всякая власть была изліяніемъ монаршей. Народъ, избавленный князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ роптали на строгость самодержавія; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ богомъ.

Злодѣяніе, въ тайнѣ умышленное, но открытое Исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ: Годуновъ, Татаринъ происхожденіемъ, Кромвель умомъ, воцарился со всѣми правами монарха законнаго и съ тою же системою единовластія неприкосновеннаго. Сей несчастный, сраженный тѣнію убитаго имъ царевича, среди великихъ усилій человѣческой мудрости, и въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ, погибъ какъ

жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Годуновъ, тревожимый совѣстію, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчилъ самодержавіе въ рукахъ своихъ: кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ; ссылка, заточеніе, невольное постриженіе въ монахи, были единственнымъ наказаніемъ бояръ виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе монархи наслѣдственные. Бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени, ему завидовали; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество царское ослабѣло въ семъ избранномъ вѣнценосцѣ.

Не многіе изъ государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго въѣзда въ Москву: разсказы о его мнимомъ, чудесномъ спасеніи, память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годунова времени и надежда, что Небо, возвративъ престолъ Владимірову потомству, возвратитъ благоденствіе Россіи, влекли сердца въ срѣтеніе юному монарху, любимцу счастія.

Но Лжедимитрій былъ тайный Католикъ и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе, но голову романическую, и на самомъ тронѣ характеръ бродяги; любилъ иноземцевъ до пристрастія, и не зная исторіи своихъ мнимыхъ предковъ, вѣдалъ малѣйшія

обстоятельства жизни Генриха IV, короля Французскаго, имъ обожаемаго. Наши монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли иной образъ: малочисленная дума боярская, служивъ прежде единственно царскимъ совѣтомъ, обратилась въ шумный сонмъ ста правителей мірскихъ и духовныхъ, коимъ безпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла государственныя, оставляя для себя внѣшнюю политику; иногда являлся тамъ и спорилъ съ боярами къ общему удивленію: ибо Россіяне дотолѣ не знали, какъ подданный могъ торжественно противорѣчить монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и величественной скромности царской. Сего мало; Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и вѣру: пировалъ, когда народъ постился, забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ монастырѣ Вознесенскомъ, хотѣлъ угощать бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія; окружилъ себя не только иноземною стражею, но и шайкою Іезуитовъ, говорилъ о соединеніи церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне перестали уважать его, наконецъ возненавидѣли, и согласясь, что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыню своихъ предковъ, возложили руку на самозванца.

Отрасль древнихъ князей Суздальскихъ и племени Мономахова, Василій Шуйскій, угодникъ Царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ, свергнувъ неосторожнаго самозванца,

въ награду за то прiялъ окровавленный его скипетръ отъ думы боярской и торжественно измѣнилъ самодержавiю, присягнувъ безъ ея согласiя не казнить никого, не отнимать имѣнiй и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленiя Iоанновы, сыновья отцевъ, невинно убiенныхъ симъ царемъ лютымъ, предпочли свою безопасность государственной, и легкомысленно стѣснили дотолѣ неограниченную власть монаршую, коей Россiя была обязана спасенiемъ и величiемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбiе бояръ кажутся равнымъ преступленiемъ въ глазахъ потомства; ибо первый также думалъ болѣе о себѣ, нежели о государствѣ и плѣняясь мыслiю быть царемъ, хотя и съ ограниченными правами, дерзнулъ на явную для царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видѣли въ полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскiй и тщетно хотѣлъ порывами великодушiя утвердить колебалемость трона. Воскресли древнiя смуты боярскiя, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ вельможъ, толпами стремился къ дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйскiй изъявлялъ твердость. «Возьмите вѣнецъ Мономаховъ, возложенный вами на главу мою или повинуйтесь мнѣ» говорилъ онъ Московитянамъ. Народъ смирялся, и вновь мятежничалъ. Въ самое то время, когда са-

мозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ на Москву возставали, Шуйскій палъ, сверженный не сими бродягами, а вельможами недостойными, и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронѣ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинною царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы, и внѣ отечества, заключенный въ темницу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Не долго многоглавая гидра аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса, спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увидѣли необходимость имѣть царя, и боясь избрать единоземца, чтобы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея западными странами. Но вмѣстѣ съ царствомъ предложили ему условія: хотѣли обезпечить вѣру и власть боярскую. Еще договоръ не совершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали тиранствовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ, Самозванцы, казаки свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, государство погибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества: отдадимъ справедливость ихъ усер-

дію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ, и ненависть къ чужеземной власти произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди, и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ пастырями церкви и боярами, рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе, никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного—цѣлости, блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе, не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери, инокини, и возвели на престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный невинный юноша казался агнцемъ и жертвою; трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый боярамъ верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ, Мо-

нархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: «Богъ и Государь». Написали хартію, и положили оную на престолъ. Сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею и бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили самодержавіе; отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить единовластіе. Древніе княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги. Но царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ, имѣя множество знатныхъ родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть аристократическую и тѣмъ ослабить самодержавіе. Предпочли юношу, почти безроднаго; но сей юноша, свойственникъ царскій, имѣлъ отца мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ, и внушать правила твердой власти. Такъ, строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей, которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго мира возсіяла надъ трономъ

Россійскимъ. Отечество подъ сѣнію самодержавія успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ, возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необходимое, согласное съ понятіями народными, и ближайшее къ существующему. Дума боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. совѣтомъ царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде монархъ рядилъ государство чрезъ своихъ намѣстниковъ или воеводъ, недовольные ими прибѣгали къ нему: онъ судилъ дѣло съ боярами. Сія *Восточная простота* уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ устава полнаго: ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности такого дѣла, Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ для онаго мужей думныхъ и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ, всѣхъ состояній, исправить Судебникъ, дополнить его законами Греческими, намъ давно извѣстными, новѣйшими указами царей и необходимыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣчалися въ судахъ, но еще не были рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила «Уложеніе», скрѣпленное патріархомъ, всѣми значительными духовными, мірскими чиновниками и выборными городскими. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія есть донынѣ

важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Θеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи: ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы *нехотя*, примѣняя все къ нашему, и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ Его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства; Онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ, и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ.... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую: исправилъ, умножилъ войско; одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искусснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани; издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію; наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержцевъ дарованіе, употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди—и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали Ему на ратномъ полѣ, въ сенатѣ, въ кабинетѣ.

Но великій мужъ какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ на вѣки: сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ!... Вторый Петръ Великій могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники Перваго до самой Екатерины II. Не смотря на Его чудесную

дѣятельность, Онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ; но Меньшиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбія; такъ же и Долгорукіе. Меньшиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону. Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на престолѣ слабую тѣнь Монарха, и господствовать именемъ верховнаго совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные! Пигмеи спорили о наслѣдіи великана. Аристократія, олигархія губили отечество, и въ то время, когда оно измѣнило нравы утвержденные вѣками, потрясенные внутри новыми, важными перемѣнами, которыя удаливъ въ обычаяхъ дворянство отъ народа, ослабили власть духовную, могла ли Россія обойтись безъ государя? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка, и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми аристократовъ, воспріяла отъ народа, дворянъ и духовенства власть неограниченную. Сія государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великаго и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ государственной системѣ Европейской, цѣль усилій Петро-

выхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія, недоставало третьяго мудраго дѣйствователя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но воскресла тайная канцелярія Преображенская съ пытками; Биронъ, недостойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двумысленное слово, даже молчаніе казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей; но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями престола и Анны. . . .

Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Къ удовольствію своего нѣжнаго сердца, Она уже не имѣла нужды прибѣгать къ средствамъ строгимъ, не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное Ей Небомъ отечество, или славу Свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ, и страхи тайной канцеляріи исчезли; съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства. . . Увѣренная въ Своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ Ею, будучи единственною душею всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца министровъ

полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться Ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать Ея милость, Екатерина презирала легкомысленное злословіе, и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами тридцатичетырехъ-лѣтняго владычества, отличаетъ Ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человѣка въ своей державѣ, Она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственнаго, и не оставила ни единой безъ поправленія: уставы сената, губерній, судебные, хозяйственные, военные торговые усовершенствовались Ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы: Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами; Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ. Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ; заблужденіе славное для сей Великой Монархини! Она была женщина, но умѣла избирать вождей, также министровъ или правителей государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ, стали на ряду съ знаменитѣйшими полководцами въ мірѣ; князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго министра благоразумною государственною экономіею, сохраненіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину из-

лишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность государства. Правиломъ Монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ имперіи, рожденной побѣдами. . .

ЦВѢТОКЪ.

Мой милый цвѣтъ, былинка полевая,
Скорѣй покинь пріютъ твой луговой;
Теперь тебя нашла рука родная;
До нынѣ ты, съ непышной красотой,
Цвѣла въ тиши, очей не привлекая,
И путника не радуя собой;
Ты здѣсь была желанью не примѣтна,
Чужда любви, и сердцу безотвѣтна.

Но для меня твой видъ очарованье!
Въ твоихъ листахъ вся жизнь минувшихъ лѣтъ;
Въ нихъ тайное цвѣтетъ воспоминанье,
И вѣетъ съ нихъ бывалаго привѣтъ.
Смотрю . . . . . и все, что мило, на свиданье
Съ моей душей, къ тебѣ, родимый цвѣтъ,
Воздушною примчалося толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всѣхъ друзей душа моя узнала . . .
Но гдѣ-жь они? . . . На мигъ съ путей земныхъ

На сѣверъ мой мечта васъ прикликала,
Товарищей младенчества родныхъ!
Васъ жадная рука не удержала,
И голосъ вашъ, плѣнивъ меня, затихъ...
О будь же вамъ замѣною свиданья
Мой сѣверный цвѣтокъ воспоминанья.

Онъ вспомнитъ вамъ союза часъ священный;
Онъ возвратитъ вамъ прошлы времена...
О сладкій часъ! о вечеръ незабвенный!
Какъ Божій рай, цвѣла тамъ сторона;
Безоблаченъ былъ западъ озаренный;
И свѣжая на землю тишина,
Какъ тайное предчувствіе, сходила;
Природа вся съ душею говорила.

И къ намъ тогда, какъ Геній, прилетало;
За пѣснію веселой старины,
Прекрасное, что нѣкогда бывало
Товарищемъ младенческой весны;
Отжившее опять намъ оживало;
Минувшихъ лѣтъ семьей окружены,
Все лучшее мы зрѣли настоящимъ;
И время намъ казалось не летящимъ.

И *Вѣрная* была незримо съ нами...
Сіи окрестъ волшебныя мѣста,
Сей тихій блескъ заката за горами,

Сія небесъ вечернихъ красота,
Сей миръ души, согласный съ небесами,
Со всѣмъ была, какъ таинство, слита
Ея душа присутствіемъ священнымъ,
Невидимымъ, но сердцу откровеннымъ.

И насъ *Ея* любовь благословляла;
И ободрялъ на благо милый гласъ . . .
Друзья, тогда Судьба еще молчала
О жребіяхъ, назначенныхъ для насъ;
Неизбраны на днѣ ея фіала
Они еще таились въ оный часъ;
Играли мы на тайномъ прагѣ свѣта . . .
Тогда былъ данъ вамъ мною цвѣтъ завѣта.

И гдѣ же вы? . . . Разрозненъ кругъ нашъ тѣсный;
Разлучена веселая семья;
Изъ области младенчества прелестной
Разведены мы въ разные края;
Но разно-ль мы? . . . Повсюду въ поднебесной,
О вѣрные, далекіе друзья,
Прекрасная всѣхъ благъ земныхъ примѣта,
Для насъ цвѣтетъ намъ милый цвѣтъ завѣта

Изъ сѣверной, любовію избранной,
И Промысломъ указанной страны,
Къ вамъ нынѣ шлю мой даръ обѣтованный;

Да скажетъ онъ друзьямъ моей весны,
Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что *теперь* плѣнительно, какъ *прежде.*

Да скажетъ онъ, что въ нашъ союзъ прекрасной
Еще одинъ товарищъ приведенъ:
На путь земной изъ люльки безопасной
Намъ подаетъ младую руку онъ;
Его лице невинностію ясно
И Жизнь надъ нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ;
Безпечному предавъ его Веселью,
Судьба молчитъ надъ тихой колыбелью.

Но сладостнымъ предчувствіемъ тѣснится
На сердце мнѣ грядущаго мечта:
Веселый день младенчества промчится,
Разоблачатъ житейское лѣта,
Огнемъ души сей взоръ возпламенится,
И мужески созрѣетъ красота;
Услышитъ онъ возвышенныя вѣсти
О праотцахъ, о доблести, о чести...

О да пойметъ онъ ихъ знаменованье,
И жизнь его да будетъ имъ вѣрна!
Да перейдетъ, какъ чистое преданье

Прекрасныхъ дѣлъ, въ другія времена!
Чтобъ ни было судьбы обѣтованье,
Лишь благомъ будь она освѣщена!...
Вы-жъ, милые, товарища примите,
И путь его земной благословите.

А ты, нашъ цвѣтъ, питомецъ скромный луга,
Символъ любви и жизни молодой,
Отъ сѣвера, отъ запада, отъ юга
Летай къ друзьямъ желанною молвой;
Будь голосомъ привѣтствующимъ друга;
Посолъ души, внимаемый душой,
О вѣрный цвѣтъ, безъ словъ бѣсѣдуй съ нами
О томъ, чего не выразить словами.

Жуковскій.

1 Іюля 1819.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-Francois - Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г. Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи; онъ былъ женатъ на Англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III, и Людовика XIII, подтверждающія дворянство роду господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торгу, за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г. Дюлиса.

По видимому Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литтературою. Однакожъ около 1767 года дошло до него, что нѣкто mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской

героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle).

Милостивый Государь,

Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ, написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнесы Сорель, господъ Латримулья, Лагира, Бордикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ за́мкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine) вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ д'Аркъ дю Ферону (Lucas d'Arc seigneur du Feron), отъ котораго происхожу по прямой линіи. А по сему, не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ

въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Честь имѣю и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 *Мая* 1767.

Милостивый Государь,

Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой риѳмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписы-

ваетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріяда. Изчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglois et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта, на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики безсмысленной и неблагодарной.

Честь имѣю быть,
милостивый государь,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Voltaire
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ въ отношеніи къ ея отечеству по истинѣ достойна изумленія: мы конечно должны раздѣлить съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно

приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Французовъ? Конечно не страхомъ діявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы; нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище последнему изъ ея сродниковъ; какъ-же Франція постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго, жизни и смерти Орлеанской героини; что-же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ Римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лауреата не стоитъ конечно поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но творенія Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистни-

ками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, еслибы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латримулья. «Жалкій вѣкъ! Жалкій народъ!»

А. Пушкинъ.

ОДИНОЧЕСТВО.

(Изъ поэмы Елена.)

Елена, день лѣтній уже вечерѣетъ,
Холодныя тѣни ложатся по доламъ широкимъ;
Печалится сердце: остаться оно не умѣетъ
Теперь одинокимъ!

На общей постели, на бархатномъ лугѣ,
Цвѣты разослались — и будетъ ихъ отдыхъ прекрасенъ!
Взлетѣлъ жаворонокъ, поетъ зовъ далекой подругѣ:
Тотъ зовъ не напрасенъ!

На вѣткѣ родимой двѣ нѣжныя розы,
Стыдливо и жарко лобзанья ночныя пріемлютъ;
Сплѣлися вѣтвями, одна на другую склонились березы,
Лепечутъ и дремлютъ.

Ахъ, въ цѣлой природѣ лишь я безъ подпоры!
Одинъ сиротствую; одинъ я покинутъ, несчастенъ!
Зову тебя, дѣва; наполнилъ стѣнаніемъ долы и горы:
Но зовъ мой напрасенъ.

Когда бы жизнь наша была безконечна,
Я тяжкую долю влачилъ бы безъ думъ и смятенья;
Надеждой на завтра я жилъ бы покойно, безпечно . . .
Но вѣкъ нашъ мгновенье!

Земнымъ сновидѣньямъ близка перемѣна!
И вѣрное сердце невольно смущается страхомъ;
Оно будетъ тлѣномъ! Ты слышишь, Елена?
Оно будетъ прахомъ!

И ты уснешь, дѣва, тѣмъ сномъ не пробуднымъ,
Который вкушаемъ подъ черными вѣтками ели;
Сномъ хладнымъ, печальнымъ, торжественнымъ, чу-
днымъ,
На жесткой постели!

Красу твою, станъ твой, младая подруга!
Не я, гробъ ужасный въ объятья жестокія приметъ!
Чего свѣтъ-завистникъ не отнялъ у вѣрнаго друга,
Могила отниметъ!

Тогда, гдѣ блаженства святые обѣты?
Гдѣ сыщемъ, гдѣ встрѣтимъ намъ милаго пересе-
ленца?
На всѣ ожиданья въ одной лишь могилѣ отвѣты;
Но есть ли тамъ сердце?

Но есть ли тамъ чувство, любовь, упоенье,
Высокая жажда сливаться родными душами;
Но есть ли тамъ образъ, улыбка, рѣчей обольщенья,
Надежда съ мечтами?

Что дорого сердцу, изъ гроба не встанетъ,
На вѣки погибнетъ, и, съ трупомъ истлѣвшее разомъ
Въ ничто обратится! . . . Жить въ вѣчныхъ селеніяхъ станетъ
Одинъ только разумъ.

Бернетъ.

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

Долгое время Французы пренебрегали словесностію своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ установленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ тщательно ихъ преобразовывали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору. И въ увѣренности что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ

кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.., Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать что гг. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ, пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передавать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильтона *слово въ слово*, и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, еслибъ только оный былъ возможенъ! Таково смиреніе въ Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ *исправительныхъ переводовъ*, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изо всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о краскахъ переводовъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ мило-

сердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романической школы? Что сдѣлалъ изъ него г. Альбертъ де Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars» и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ Виктора Гюго; выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста и съ четырьмя шутами; тутъ-же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно не нужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.., Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать что гг. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ, пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передавать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильтона *слово въ слово*, и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, еслибъ только оный былъ возможенъ! Таково смиреніе въ Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ *исправительныхъ переводовъ*, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изо всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о красках переводовъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ мило-

сердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романической школы? Что сдѣлалъ изъ него г. Альбертъ де Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars» и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ Виктора Гюго; выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста и съ четырьмя шутами; тутъ-же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно не нужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ *(съ досадою)*.

Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.

Какъ угодно.

Мильтонъ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.

Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ *(съ живостію)*.

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе, я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

Кромвель.

Ну не сердись: я знаю что ты великій ѳеологъ, и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайверса и Дона.

Мильтонъ *(говоря самъ про себя)*.

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало-ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ.

Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама преступнаго и добраго, и неукротимаго духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ! ибо пламенный Геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, *молча,* странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ, я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ *(про себя.)*

Что онъ тамъ городитъ?

Одинъ изъ шутовъ.

Смѣшной мечтатель!

Кромвель *(пожимая плечами).*

Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ.... *(смѣясь)* очень плохъ....

Мильтонъ *(сквозь зубы, съ негодованіемъ).*

Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

Рочестеръ *(подходитъ къ нему).*

Г. Мильтонъ!

Мильтонъ *(не слыша его и обратясь къ Кромвелю).*

Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (*Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію*).

По чести, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ не достаетъ вкуса. Послушайте: Французы учители наши во всемъ: изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли щегольскимъ платьемъ; если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (*удивленный*).

Это что за пустословіе?

Рочестеръ (*кусая губы*).

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ.

Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ бездѣлица; то-ли дѣло писать Латинскіе стихи.

Спустя немного времени Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престо-

ла, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ государственный секретарь, ты піитъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и проч.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря. . .

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомѣлей, выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который вѣроятно самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіи всей трагедіи кромѣ насмѣшекъ и ругательства ничего инаго Мильтонъ не слышитъ; правда и то что, и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвитъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ, и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, г. Гюго! не таковъ былъ Джонъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ; строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Depensio populi»! Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутокъ тотъ, кто *въ злые дни жер-*

тва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г. Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужь ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ, перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де Виньи въ своемъ «Сен-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де Лормъ, любовницы Кардинала Ришелье собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости *Красоты*, стоящей на рѣкѣ *Гордости*, отъ деревни нѣжныхъ *Записочекъ*, отъ гавани *Равнодушія* и проч. и проч. Всѣ осыпаютъ г. Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодаго, путешествующаго Англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо; да какъ же Французы, не зная Англійскаго

языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопытны? а какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей; ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ поймутъ-ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого. То чуда (неизъясненнаго г-мъ де Виньи) всѣ его понимаютъ. Де Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ; Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами и пр. и пр.

Или мы очень ошибаемся или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя, какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писан-

ныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были-бъ пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначащимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и пр. и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Валтеръ Скоттъ и не подумалъ!

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ

слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей, и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, исполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона *слово въ слово*, Шатобріанъ однако не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами; возьмемъ первыя фразы: comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на Русскій языкъ (*).

Если уже Русскій языкъ столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слова въ слово, то какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный

(*) Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется) кто-то критикуя переводъ, хотѣлъ вѣроятно блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пѣнялъ переводчику, за чѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе *batarsi la quancia* бить себя по щекамъ. *Battarsi la quancia* значитъ раскаяться; перевести иначе не имѣло бы никакого смысла.

къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона *для куска хлѣба.* Каково бы ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого, что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и подобно скупому покупщику хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя

красоты, страницы достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія, и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коимъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

ЭЛЬБРУСЪ и Я.

. . . . il solitario monte
Done raro uman piè stampò mai l'orme.
(*Il Marini.*)

Мнѣ говорили: «чуденъ снѣжный! . . .»
Мнѣ говорили: «онъ могучъ,
Двуглавъ, и гордъ, и съ небомъ смѣжный
Онъ равенъ лёту Божьихъ тучъ! . . .»

Мнѣ говорили: «умиленье,
Восторгъ на душу онъ нашлетъ;
И съ думы пылкой вдохновенье
Онъ словно пошлину возметъ».

Мнѣ говорили: «ежедневно,
Ежеминутно стихъ живой,
Какъ гимновъ страстныхъ звукъ хвалебный
Въ груди раздастся молодой.»

Но я ... *напутнымъ впечатлѣньямъ*
Презрительно смѣялась я;
Но заказнымъ ихъ вдохновеньямъ
Чужда была душа моя.

Но жалкимъ, низкимъ я считала,
Пройдя назначенную грань;
Вдругъ, какъ наемный запѣвало,
Пѣть и мечтать, природѣ въ дань.

И зареклась я предъ собою,
И клятву я дала себѣ:
Кавказа дивной красотою
Дышать безъ словъ, наединѣ!...

Эльбрусъ предсталъ: я любовалась,
Молчанья клятву сохраня;
Я наслаждалась, восхищалась,
Но не слагала пѣсней я!

Какъ предъ красавицей надмѣнной
Поклонникъ страсть свою таитъ,
Такъ предъ тобой, Эльбрусъ священный,
Весь мой восторгъ остался скрытъ!...

Эльбрусъ!... Эльбрусъ мой ненаглядный,
Тебя привѣтъ мой не почтилъ,
За то, какъ пламенно, какъ жадно
Мой взоръ искалъ тебя, ловилъ!...

За то, твоимъ воспоминаньемъ
Какъ я богата, какъ горжусь!...
За то, вдали моимъ мечтаньямъ
Все снишься ты, гигантъ Эльбрусъ!......

Г. Е. Р.

Село Анна, Октябрь, 1836.

ГЕРОЙ (*).

Что есть истина?

ДРУГЪ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ,
Съ одной сего-дня изчезаетъ
И на другой уже видна.

(*) Редакція получила это стихотвореніе отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ: посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина «Герой». Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время Холеры въ 1830 году изъ Нижегородской своей деревни, и вотъ что писалъ объ немъ: . . . «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалиптическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если Московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени, и не моей рукою переписанную.» Я напечаталъ стихи тогда въ Телескопѣ, и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется никому не нужно припоминать, что число выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ много значительнаго *утѣшься*, 29 Сентября, 1830, есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время Холеры.

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужь то чело священно
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межь гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто, всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

ПОЭТЪ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирилися цари,
Сей ратникъ вольностью вѣнчанный,
Изчезнувшій, какъ тѣнь зари.

ДРУГЪ.

Когда-жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда-ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой,
Тогда ли какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій, тогда-ль
Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
Войны стремительное пламя
И прилетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой во слѣдъ;
Тогда-ль какъ рать героя плещетъ

ДРУГЪ.

Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменый мощною чумой,
Царицею болѣзней. Онъ
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь! кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,

Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

ДРУГЪ.

Мечты поэта,
Историкъ строгой гонитъ васъ!
Увы! его раздался гласъ, (*)
И гдѣ-жъ очарованье свѣта?....

ПОЭТЪ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце; что же
Онъ будетъ безъ него? Тиранъ!

ДРУГЪ.

Утѣшься.·........

Москва. 29 Сентября 1830

(*) Mémoires de Bourienne. Бурьеннь отрицаетъ въ «Запискахъ» своихъ сказаніе о томъ, что Бонапарте посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ «J'affirme,» говоритъ онъ, «ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.»

СИЛЬФИДА.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЛАГОРАЗУМНАГО ЧЕЛОВѢКА.)

Посв. Анас. С. П—вой.

Поэта мы увѣнчаемъ цвѣтами и выведемъ его вонъ изъ города.

Платонъ.

Три столба у царства: поэтъ, мечъ и законъ.

Преданіе Сѣверныхъ Бардовъ.

Поэты будутъ употребляться лишь въ назначенные дни для сочиненія гимновъ общественнымъ постановленіямъ.

Одна изъ кампаній XVIII-го вѣка.

! ? ! ?

XIX-й вѣкъ.

ПИСЬМО I.

Наконецъ я въ деревнѣ покойнаго дядюшки; пишу къ тебѣ сидя въ огромныхъ дѣдовскихъ креслахъ, у окошка; правда, передъ глазами у меня видъ не очень великолѣпный: огородъ, двѣ три яблони, четвероугольный прудъ, голое поле и только, видно дядюшка былъ не большой хозяинъ; любопытно знать что же онъ дѣлалъ проживая здѣсь въ продолже-

ніи пятнадцати лѣтъ безвыѣздно. Не ужъ-ли онъ, какъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, встанетъ поутру рано, часовъ въ пять, напьется чаю и сядетъ раскладывать гранъ-пасіянсъ вплоть до обѣда; отобѣдаетъ, ляжетъ отдохнуть и опять за гранъ-пасіянсъ вплоть до ночи; — такъ проходятъ 365 дней. Не понимаю. Спрашивалъ я у людей чемъ занимался дядюшка? Они мнѣ отвѣчали: «Да *такъ-съ.*» Мнѣ этотъ отвѣтъ чрезвычайно нравится. Такая жизнь имѣетъ что-то поэтическое и я надѣюсь вскорѣ послѣдовать примѣру дядюшки; право умный былъ человѣкъ покойникъ.

Въ самомъ дѣлѣ я здѣсь по крайней мѣрѣ хладнокровнѣе нежели въ городѣ и доктора очень умно сдѣлали отправивши меня сюда; они вѣроятно сдѣлали это для того, чтобы сбыть меня съ рукъ; но кажется я ихъ обману́: сплинъ мой, подивися, почти прошелъ; напрасно думаютъ, что разсѣянная жизнь можетъ лечить больныхъ въ моемъ родѣ; неправда: свѣтская жизнь бѣситъ, книги также бѣсятъ, а здѣсь, вообрази себѣ мое счастіе — я почти никого не вижу и со мной нѣтъ ни одной книги! этаго счастія описать нельзя — надобно испытать его. Когда книга лежитъ на столѣ, то невольно протягиваешь къ ней руку, раскрываешь, читаешь, начало тебя заманиваетъ, обѣщаетъ золотыя горы, — подвигаешься дальше, и видишь одни мыльные пузыри, ощущаешь то ужасное чувство, которое испытали всѣ ученые отъ начала вѣковъ до нынѣшняго года включительно: искать и не находить! это чувство мучило меня съ тѣхъ поръ какъ я началъ себя пом-

нить и я ему приписываю тѣ минуты сплина, которыя докторамъ угодно приписывать желчи.

Однакожъ не думай, чтобы я жилъ совершенно отшельникомъ; по древнему обычаю, я какъ новый помѣщикъ сдѣлалъ визиты всѣмъ моимъ сосѣдямъ, которыхъ къ счастію не много, говорилъ съ ними объ охотѣ, которой терпѣть не могу, о земледѣліи, котораго не понимаю и объ ихъ родныхъ, о которыхъ я сроду не слыхивалъ. Но всѣ эти господа такъ радушны, такъ гостепріимны, такъ чистосердечны, что я ихъ отъ души полюбилъ; ты не можешь себѣ представить какъ меня прельщаетъ ихъ полное равнодушное невѣжество обо всемъ, что происходитъ внѣ ихъ уѣзда; съ какимъ наслажденіемъ я слушаю ихъ невѣроятныя сужденія о единственномъ нумерѣ Московскихъ вѣдомостей, получаемомъ на цѣлый уѣздъ; въ этомъ нумерѣ для предосторожности обвернутомъ въ обойную бумагу читается по очереди все отъ привода лошадей въ столицу до ученыхъ извѣстій включительно; первыя разумѣется читаются съ любопытствомъ, а послѣднія для смѣха, — который я раздѣляю съ ними отъ чистаго сердца, хотя по другой причинѣ, — и за то пользуюсь всеобщимъ уваженіемъ. Прежде они меня боялись и думали, что я какъ пріѣзжій изъ столицы буду имъ читать лекціи о Химіи или плодопеременномъ хозяйствѣ; но когда я имъ высказалъ что по моему мнѣнію лучше ничего не знать, нежели знать столько сколько знаютъ наши ученые, что ничто столько не противно счастію

человѣка, какъ много знать, и что невѣжество никогда еще не мѣшало пищеваренію, тогда они ясно увидѣли, что я добрый малой и прекраснѣйшій человѣкъ, и стали мнѣ разсказывать свои разныя шутки надъ тѣми умниками, которые на зло разсудку заводятъ въ своихъ деревняхъ картофель, молотильни, крупчатки и другія разныя вычурныя новости; умора да и только! — и по дѣломъ этимъ умникамъ — объ чемъ они хлопочутъ? Которые побойчѣе, тѣ изъ моихъ новыхъ друзей разсуждаютъ и о политикѣ; всего больше ихъ тревожитъ Турецкой Султанъ по старой памяти, и очень ихъ занимаетъ распря у Тигилъ-Бузи съ Гафисъ-Бузи, также не могутъ они добраться отъ чего Карла X начали называть Донъ-Карлосомъ — счастливые люди! Мы спасаемся отъ омерзѣнія, которое наводитъ на душу политика, искуственнымъ образомъ — т. е. отказываемся читать газеты, а они самымъ естественнымъ — т. е. читаютъ и не понимаютъ. —

Истинно, смотря на нихъ, я болѣе и болѣе увѣряюсь что истинное счастіе можетъ состоять только въ томъ, чтобы все знать или ничего не знать, и какъ первое до сихъ поръ человѣку не возможно, то должно избрать послѣднее. Я эту мысль въ разныхъ видахъ проповѣдую моимъ сосѣдямъ — она имъ очень по сердцу, а меня очень забавляетъ то умиленіе, съ которымъ они меня слушаютъ; одного они не понимаютъ во мнѣ: какъ я, будучи *прекраснѣйшимъ* человѣкомъ, не пью пуншу и не держу

у себя псовой охоты; но надѣюсь, что они къ этому привыкнутъ и мнѣ удастся хотя въ нашемъ уѣздѣ убить это негодное просвѣщеніе, которое только выводитъ человѣка изъ терпѣнія и противится его внутреннему естественному влеченію: сидѣть склавши руки... но къ чорту философія! Она умѣетъ вмѣшаться въ мысли самаго животнаго человѣка... Кстати о животныхъ: у иныхъ изъ моихъ сосѣдей есть прехорошенькія дочки, которыхъ однакожъ нельзя сравнить съ цвѣтами, а развѣ съ огородною зеленью; тучныя, полныя, здоровыя — и слова отъ нихъ не добьешься. У одного изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей, очень богатаго человѣка, есть дочь, которую кажется зовутъ Катенькой и которую можно бы почесть исключеніемъ изъ общаго правила, еслибъ она также не имѣла привычки: прижимать язычекъ къ зубамъ и краснѣть при каждомъ словѣ, которое ей скажешь. Я бился съ нею около получаса и до сихъ поръ не могу рѣшить, есть-ли умъ подъ этою прекраснною оболочкою, а эта оболочка въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ ея полузаспанныхъ глазкахъ, въ этомъ носикѣ вздернутомъ къ верху есть что-то такое милое, такое ребяческое, что невольно хочется разцѣловать ее. Мнѣ очень *желательно* какъ здѣсь говорятъ, заставить заговорить эту куколку и я приготовляюсь въ будущее свиданіе начать разговоръ хоть словами несравненнаго Ивана Ѳедоровича Шпоньки: «*лѣтомъ-съ бываетъ очень много мухъ*,» и посмотрю не выйдетъ-ли изъ этаго разговора нѣчто продолжительнѣе бесѣды Ивана Ѳедоровича съ его невѣстою.

Прощай — пиши ко мнѣ чаще, но отъ меня ожидай писемъ очень рѣдко; мнѣ очень весело читать твои письма, но едва-ли не столь же весело не отвѣчать на нихъ.

ПИСЬМО II.

(Два мѣсяца спустя послѣ перваго.)

Говори теперь о твердости духа человѣческаго! давно-ли я радовался что сомною нѣтъ ни одной книги; но не прошелъ мѣсяцъ какъ мнѣ взгрустнулось по книгамъ. Началось тѣмъ, что сосѣди мои надоѣли мнѣ до смерти; правду ты мнѣ писалъ, что я напрасно сообщаю имъ мои ироническія замѣчанія объ ученыхъ и что мои слова, возвышая ихъ глупое самолюбіе, еще больше сбиваютъ ихъ съ толку. Да! я увѣрился, мой другъ: невѣжество не спа́сенье. Я скоро здѣсь нашелъ всѣ тѣ-же страсти, которыя меня пугали между людьми такъ называемыми образованными, то-же честолюбіе, то-же тщеславіе, та-же зависть, то-же корыстолюбіе, та-же злоба, та-же лесть, та-же низость только съ тою разницею, что всѣ эти страсти здѣсь сильнѣе, откровеннѣе, подлѣе, — а между тѣмъ предметы ихъ мельче. Скажу болѣе: человѣка образованнаго развлекаетъ его самая образованность и душа его по крайней мѣрѣ не каждую минуту своего существованія

находится въ полномъ униженіи; музыка, картина, выдумка роскоши все это отнимаетъ у него время на низости,—но моихъ друзей страшно узнать поближе; эгоизмъ проникаетъ, такъ сказать, весь составъ ихъ; обмануть въ покупкѣ, выиграть неправое дѣло, взять взятку — считается не въ тихомолку, но прямо, открыто, дѣломъ умнаго человѣка; ласкательство къ человѣку изъ котораго можно извлечь пользу—долгомъ благовоспитаннаго человѣка; долголѣтняя злоба и мщеніе — естественнымъ дѣломъ; пьянство, карточная игра, развратъ, какой никогда въ голову не войдетъ человѣку образованному—невиннымъ, позволеннымъ отдыхомъ. И между тѣмъ они несчастливы, жалуются и проклинаютъ жизнь свою. — Какъ и быть иначе! Вся эта безнравственность, все это полное забвеніе человѣческаго достоинства переходитъ отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну въ видѣ отеческихъ наставленій и примѣра и заражаетъ цѣлыя поколѣнія. Я понялъ, наблюдая вблизи этихъ господъ, отъ чего безнравственность такъ тѣсно соединена съ невѣжествомъ, а невѣжество съ несчастіемъ: Христіянство не даромъ призываетъ человѣка къ забвенію здѣшней жизни; чѣмъ болѣе человѣкъ обращаетъ вниманія на свои вещественныя потребности, чѣмъ выше цѣнитъ всѣ домашнія дѣла, домашнія огорченія, рѣчи людей, ихъ обращеніе въ отношеніи къ нему, мелочныя наслажденія, словомъ всю мелочь жизни—тѣмъ онъ несчастливѣе; эти мелочи становятся для него цѣлію бытія, для нихъ онъ заботится, сердится, употребляетъ всѣ минуты дня, жертвуетъ всею святы-

любопытно. За этими хлопотами я почти позабылъ о моей сосѣдкѣ хотя ея батюшка (одинъ порядочный, хотя и скучный человѣкъ изъ всего уѣзда) часто у меня бываетъ и очень за мною ухаживаетъ; все что я ни слышу объ ней, все показываетъ, что она какъ называли въ старину, предостойная дѣвица, т. е. имѣетъ большое приданое; между тѣмъ слышалъ я стороною что она дѣлаетъ много добра, и пр. выдаетъ замужъ бѣдныхъ дѣвушекъ, даетъ имъ денегъ на свадьбу и часто усмиряетъ гнѣвъ своего отца, очень вспыльчиваго человѣка; всѣ окрестные жители называютъ ее Ангеломъ — это не по здѣшнему; впрочемъ эти дѣвушки всегда имѣютъ большую склонность выдавать замужъ если не себя такъ другихъ. Отъ чего бы это? —

ПИСЬМО III.

(Два мѣсяца спустя).

Ты я чаю думаешь, что я не только влюбился, но даже женился — ты ошибаешься. Я занятъ совсѣмъ другимъ дѣломъ, я пью и знаешь ли что! чего не выдумаетъ бездѣлье! я пью воду, не смѣйся — надобно знать какую воду. Роясь въ библіотекѣ моего дядюшки, я нашелъ рукописную книгу, въ которой содержались разные рецепты для вызыванія элементарныхъ духовъ. Многіе изъ нихъ

были смѣшны до крайности; тутъ требовалась печенка изъ бѣлой вороны, то стеклянная соль, то алмазное дерево и по большой части всѣ составы были таковы, что ихъ не отыщешь ни въ одной аптекѣ. Между прочими рецептами я нашелъ слѣдующій: «элементарные духи, говоритъ авторъ, очень «любятъ людей и довольно со стороны человѣка ма«лѣйшаго усилія, чтобъ войти въ сношеніе съ ни«ми, такъ н. п. для того, чтобы видѣть духовъ но«сящихся въ воздухѣ, достаточно собрать солнечные «лучи въ стеклянный сосудъ съ водою и пить ее «каждый день. Этимъ таинственнымъ средствомъ духъ «солнца будетъ мало помалу входить въ человѣка и «глаза его откроются для новаго міра. Ктоже рѣ«шится обручиться съ ними посредствомъ одного изъ «благородныхъ металловъ, тотъ постигнетъ самый «языкъ стихійныхъ духовъ, ихъ образъ жизни, и его «существованіе соединится съ существованіемъ из«браннаго имъ духа,—который дастъ ему познаніе «о такихъ таинствахъ природы,... но болѣе мы «говорить не смѣемъ... Sapienti sat... здѣсь и безъ «того много, много уже сказано для просвѣтленія «ума твоего, любезный читатель и проч. и проч.» Этотъ способъ показался мнѣ столько простымъ, что я вознамѣрился испытать его, хоть для того, дабы имѣть право похвастаться, что я на себѣ испыталъ кабалистическое таинство. Я вспомнилъ было Ундину, которая такъ утѣшала меня въ ребячествѣ — но не желая имѣть дѣла съ ея дядюшкою— я пожелалъ видѣть Сильфиду, съ этою мыслію—чего не дѣлаетъ бездѣлье? бросилъ бирюзовый пер-

стень въ хрустальную вазу съ водою, выставилъ эту воду на солнце, къ вечеру ложась спать ее выпиваю, и до сихъ поръ нахожу, что по крайней мѣрѣ это очень здорово; еще никакой элементарной силы я не вижу, а только сонъ мой сдѣлался спокойнѣе.

Знаешь-ли что я не перестаю читать моихъ Кабалистовъ и Алхимиковъ и знаешь-ли что я еще скажу тебѣ: эти книги для меня весьма занимательны. Какъ милы, какъ чистосердечны ихъ сочинители: «наше дѣло» говорятъ они—«очень просто: женщина, не оставляя своего веретена, можетъ совершить его,—умѣй только понимать насъ.» — «Я видѣлъ,» говоритъ одинъ, — «при мнѣ это было, когда Парацельсій превратилъ одиннадцать фунтовъ свинца въ золото.» «Я самъ» говоритъ другой, — «я самъ умѣю извлекать изъ природы первоначальную матерію, и самъ посредствомъ ея могу легко превращать всѣ металлы одинъ въ другой по произволенію.» «Прошлаго года,» говоритъ третій, «я сдѣлалъ изъ глины очень хорошій яхонтъ, и проч.» у всякаго послѣ этого откровеннаго признанія слѣдуетъ краткая, но исполненная жизни молитва. — Для меня необыкновенно трогательно это зрѣлище: человѣкъ говоритъ съ презрѣніемъ о томъ что они называютъ ученостію профановъ т. е. насъ; съ гордою самоувѣренностію достигаетъ или думаетъ достигнуть до послѣднихъ предѣловъ человѣческой силы — и на сей высокой точкѣ смиряется, произнося благодарную простосердечную молитву Всевышнему. Невольно вѣришь знанію такого человѣка;

одинъ невѣжда можетъ быть атеистомъ, какъ одинъ атеистъ невѣждою. Мы, гордые промышленники 19-го вѣка, мы напрасно пренебрегаемъ этими книгами, и даже не хотимъ знать о нихъ. Посреди разныхъ глупостей, показывающихъ младенчество физики, я нашелъ много мыслей глубокихъ; многіе изъ этихъ мыслей могли казаться ложными въ 18-мъ вѣкѣ, но теперь большая часть изъ нихъ находитъ себѣ подтвержденіе въ новыхъ открытіяхъ: съ ними то же случилось что съ Дракономъ, котораго тридцать лѣтъ тому почитали существомъ баснословнымъ и котораго теперь отыскали на лице, между допотопными животными. Скажи должны ли мы теперь сомнѣваться въ возможности превращать свинецъ въ золото съ тѣхъ поръ какъ мы нашли способъ творить воду, которую такъ долго почитали первоначальною стихіею? Какой химикъ откажется отъ опыта разрушить алмазъ и снова возстановить его въ первобытномъ видѣ? А чемъ мысль дѣлать золото, смѣшнѣе мысли дѣлать алмазы? Словомъ смѣйся надомною какъ хочешь, но я тебѣ повторяю, что эти забытые люди достойны нашего вниманія; если нельзя вовсемъ имъ вѣрить, то съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что ихъ сочиненія не намѣкаютъ о такихъ знаніяхъ, которыя теперь потерялись и которыя бы не худо снова найти; въ этомъ ты увѣришься, когда я тебѣ пришлю выписку изъ библіотеки моего дядюшки.

ПИСЬМО IV.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ написать именно то, для чего я началъ его. Дѣло въ томъ, что я нахожусь, мой другъ, въ странномъ положеніи и прошу у тебя совѣта: я писалъ къ тебѣ уже нѣсколько разъ о Катенькѣ, дочери моего сосѣда; мнѣ наконецъ удалось заставить говорить ее, и я узналъ, что она не только имѣетъ природный умъ и чистое сердце, но еще совсѣмъ неожиданное качество: а именно—она влюблена въ меня по уши. Вчера пріѣхалъ ко мнѣ отецъ ея и разсказалъ мнѣ то, о чемъ я слышалъ только мелькомъ, препоручая всѣ мои дѣла управителю; у насъ производится тяжба объ нѣсколькихъ тысячахъ десятинахъ лѣса, которыя составляютъ главный доходъ моихъ крестьянъ; эта тяжба длится уже болѣе тридцати лѣтъ, и если она кончится не въ мою пользу, то мои крестьяне будутъ совершенно раззорены. Ты видишь, что это дѣло очень важное. Сосѣдъ мой разсказалъ мнѣ его съ величайшими подробностями и кончилъ предложеніемъ помириться; а что бы миръ этотъ былъ прочнѣе, то онъ далъ мнѣ очень тонко почувствовать, что ему-бы очень хотѣлось имѣть во мнѣ зятя. Это было совершенно водевильная сцена, но она заставила меня задуматься; что въ самомъ дѣлѣ? молодость моя уже прошла, великимъ человѣкомъ мнѣ не бывать, все мнѣ надоѣло;

Катя дѣвушка премилая, послушлива, неговорлива; женившись на ней, я кончу глупую тяжбу и сдѣлаю хоть одно доброе дѣло въ жизни: упрочу благосостоянiе людей мнѣ подвластныхъ; однимъ словомъ, мнѣ очень хочется жениться на Катѣ, зажить степеннымъ помѣщикомъ, поручить женѣ управленiе всѣми дѣлами, а самому по цѣлымъ днямъ молчать и курить трубку. Вѣдь это рай, не правда-ли? . . . Все это вступленiе къ тому, что, какъ бы сказать тебѣ, что я уже рѣшился жениться, но еще не говорилъ объ этомъ отцу Кати, и не буду говорить, пока не дождусь отъ тебя отвѣта на слѣдующiе вопросы: какъ ты думаешь, гожусь-ли я быть женатымъ человѣкомъ? спасетъ-ли меня отъ сплина жена, которая, не забудь, имѣетъ привычку по цѣлымъ днямъ не говорить ни слова и слѣдственно не имѣетъ никакого средства надоѣсть мнѣ? однимъ словомъ должно-ли еще мнѣ подождать, пока изъ меня выйдетъ что нибудь новое, неожиданное, оригинальное, или просто, какъ говорится, я уже кончилъ свой карьеръ, и мнѣ остается заботиться только о томъ чтобы изъ моей особы можно было сдѣлать какъ можно больше спермацету? Ожидаю отъ тебя отвѣта съ нетерпѣнiемъ.

ПИСЬМО V.

Благодарю тебя, мой другъ, за твою рѣшительность, твои совѣты и за благословенiе; едва я получилъ твое письмо, какъ поскакалъ къ отцу моей Кати, и сдѣ-

лалъ формальное предложеніе. Ежелибъ ты видѣлъ какъ Катя обрадовалась, покраснѣла; она даже мнѣ проговорила слѣдующую фразу, въ которой вылилась вся чистая и невинная душа ея: «Я не знаю» сказала она мнѣ «удастся ли мнѣ это, но я постараюсь сдѣлать васъ столько счастливымъ какъ я сама буду счастлива.» Эти слова очень просты, но ежелибъ ты слышалъ съ какимъ выраженіемъ они были сказаны; ты знаешь, что часто въ одномъ словѣ больше скрывается чувства, нежели въ длинной рѣчи; въ Катиныхъ словахъ я видѣлъ цѣлый міръ мыслей: онѣ должны были ей дорого стоить и я умѣлъ оцѣнить всю силу, которую дала ей любовь, чтобъ превозмочь дѣвическую робость. Дѣйствія человѣка важны по сравненію съ его силами, а я до сихъ поръ думалъ, что превозмочь робость было свыше силъ Кати . . . . . Послѣ этаго ты можешь себѣ представить, что мы обнялися, поцѣловалися, старикъ расплакался и по окончаніи поста мы веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Пріѣзжай ко мнѣ непремѣнно, брось всѣ свои дѣла — я хочу чтобъ ты былъ свидѣтелемъ моего, какъ говорятъ, счастія; пріѣзжай хоть для курьоза, посмотрѣть на жениха съ невѣстою какихъ ты вѣрно никогда не видывалъ: сидятъ другъ противъ друга, смотрятъ обоими глазами, оба молчатъ и оба очень довольны.

ПИСЬМО VI.

(Нѣсколько недѣль спустя).

Не знаю какъ начать мнѣ мое письмо; ты меня почтешь сумашедшимъ; ты будешь смѣяться, бранить меня; все позволяю; позволяю даже мнѣ не вѣрить; но я не могу сомнѣваться въ томъ, что я видѣлъ и что вижу всякій день собственными глазами. Нѣтъ! не все вздоръ въ рецептахъ моего дядюшки. Дѣйствительно это остатокъ отъ древнихъ таинствъ, которыя донынѣ существуютъ въ природѣ и мы многаго еще не знаемъ, многое забыли, и много истинъ почитаемъ за бредни. Вотъ что со мной случилось, читай и удивляйся: мои разговоры съ Катею, какъ ты легко можешь себѣ представить, не заставили меня забыть о моей вазѣ съ солнечною водою; ты знаешь, любознательность или просто сказать любопытство есть основная моя стихія, которая мѣшается во всѣ мои дѣла, ихъ перемѣниваетъ и мнѣ жить мѣшаетъ; мнѣ отъ нее ввѣкъ не отдѣлаться; все что-то манитъ, все что-то ждетъ вдали, душа рвется, страждетъ — и что-же?.. но обратимся къ дѣлу. Вчера вечеромъ подошедъ къ вазѣ, я замѣтилъ въ моемъ перстнѣ какое-то движеніе. Сначала я подумалъ, что это былъ оптическій обманъ и чтобы удостовѣриться взялъ вазу въ руки; но едва я сдѣлалъ малѣйшее движеніе, какъ мой перстень разсыпался на мелкія голубыя и золотыя искры, онѣ потянулись по водѣ тонкими нитями и скоро со всѣмъ исчезли, лишь вода

сдѣлалась вся золотою съ голубыми отливами. Я поставилъ вазу на прежнее мѣсто и снова мой перстень слился на днѣ ея. Признаюсь тебѣ невольная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу; я призвалъ человѣка и спросилъ его не замѣчаетъ-ли онъ чего въ моей вазѣ; онъ отвѣчалъ что нѣтъ. Тогда я понялъ, что это странноя явленіе было видимо только для одного меня. Чтобъ не подать повода человѣку смѣяться надомною, я отпустилъ его, замѣтивъ, что мнѣ вода показалась нечистою. Оставшись одинъ, я долго повторялъ мой опытъ, размышляя надъ этимъ страннымъ явленіемъ.— Я нѣсколько разъ переливалъ воду изъ одной вазы въ другую, всякій разъ то-же явленіе повторялось съ удивительною точностію—и между тѣмъ оно неизъяснимо никакими физическими законами. Не ужь-ли въ самомъ дѣлѣ это правда? Не ужь-ли мнѣ суждено быть свидѣтелемъ этаго страннаго таинства? Оно мнѣ кажется столько важно, что я намѣренъ его изслѣдовать до конца. Я больше прежняго принялся за мои книги и теперь, когда самый опытъ совершился предъ моими глазами, все болѣе и болѣе мнѣ дѣлается понятнымъ сношеніе человѣка съ другимъ, недоступнымъ міромъ. Что будетъ далѣе! . . .

ПИСЬМО VII.

Нѣтъ, мой другъ, ты ошибся и я также. Я предопредѣленъ быть свидѣтелемъ великаго таинства Природы и возвѣстить его людямъ, напомнить имъ

о той чудесной силѣ, которая находится въ ихъ власти и о которой они забыли; напомнить имъ, что мы окружены другими мірами до сихъ поръ имъ неизвѣстными. И какъ просты всѣ дѣйствія Природы! Какія простыя средства употребляетъ она для произведенія такихъ дѣлъ, которыя изумляютъ и ужасаютъ человѣка! Слушай и удивляйся:

Вчера, погруженный въ разсматриваніе моего чудеснаго перстня, я замѣтилъ въ немъ снова какое-то движеніе: смотрю — поверхъ воды струятся голубыя волны и въ нихъ отражаются радужные опаловые лучи; бирюза превратилась въ опалъ и отъ него поднималось въ воду какъ будто солнечное сіяніе, вся вода была въ волненіи, били вверхъ золотые ключи и разсыпались голубыми искрами. Тутъ было соединеніе всѣхъ возможныхъ красокъ, которыя то сливались безчисленными оттѣнками то ярко отдѣлялись. Наконецъ радужное сіяніе изчезло и блѣдный зеленоватый цвѣтъ заступилъ его мѣсто; по зеленоватымъ волнамъ потянулись розовыя нити, долго переплетались между собою и слились на днѣ сосуда въ прекрасную пышную розу—и все утихло: вода сдѣлалась чиста, лишь лепестки роскошнаго цвѣтка тихо колебались. Такъ уже прошло нѣсколько дней; съ тѣхъ поръ каждый день рано поутру я встаю, подхожу къ моей таинственной розѣ и ожидаю новаго чуда; но тщетно— роза цвѣтетъ спокойно и лишь наполняетъ всю мою комнату невыразимымъ благоуханіемъ. — Я невольно вспомнилъ читанное мною въ одной каба-

листической книгѣ о томъ, что стихійные духи проходятъ всѣ царства Природы прежде, нежели достигнутъ своего настоящаго образа. Чудно! Чудно!

(Чрезъ нѣсколько дней).

Сего дня, я подошелъ къ моей розѣ и въ срединѣ ея замѣтилъ что-то новое . . . Чтобы лучше разсмотрѣть ее, я поднялъ вазу и снова рѣшился перелить ее въ другую, но едва я привелъ ее въ движеніе какъ опять отъ розы потянулись зеленыя и розовыя нити и полосатою струею перелились вмѣстѣ съ водою и снова на днѣ вазы явился мой прекрасный цвѣтокъ: все успокоилось, но въ срединѣ его что-то мелькало: листы растворились мало по малу и,— я не вѣрилъ глазамъ моимъ!—между оранжевыми тычинками покоилось, — повѣришь-ли ты мнѣ? покоилось существо удивительное, невыразимое, неимовѣрное—словомъ женщина едва примѣтная глазу! Какъ описать мнѣ тебѣ восторгъ смѣшанный съ ужасомъ, который я почувствовалъ въ эту минуту! — Эта женщина была не младенецъ; представь себѣ миніатюрный портретъ прекрасной женщины въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и ты получишь слабое понятіе о томъ чудѣ, которое было передъ моими глазами; небрежно покоилась она на своемъ мягкомъ ложѣ и ея русыя кудри колеблясь отъ трепетанія воды, то разкрывали, то скрывали отъ глазъ моихъ ея дѣвственныя прелести. Она казалось была погружена въ глубокій сонъ и я жадно вперивъ на нее глаза, удерживалъ дыханіе чтобы не прервать ея сладкаго спокойствія.

О, теперь я вѣрю кабалистамъ; я удивляюсь даже, какъ прежде я смотрѣлъ на нихъ съ насмѣшкою недовѣрчивости; нѣтъ! если существуетъ истина на семъ свѣтѣ, то она существуетъ только въ ихъ твореніяхъ! Я теперь только замѣтилъ, что они не такъ какъ наши обыкновенные ученые, они не спорятъ между собою, не противорѣчатъ другъ другу; всѣ говорятъ про одно и то же таинство; различны лишь ихъ выраженія, но они понятны для того, кто вникнулъ въ таинственный смыслъ ихъ! Прощай! рѣшившись изслѣдовать до конца всѣ таинства Природы, я прерываю сношенія съ людьми; другой, новый, таинственный міръ для меня открывается; я лишь для потомства сохраню исторію моихъ открытій—такъ, мой другъ, я предназначенъ къ великому въ этой жизни!

ПИСЬМО ГАВРИЛА СОФРОНОВИЧА РѢЖЕНСКАГО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Милостивый Государь,

Извините меня, что хотя я лично не имѣю чести быть съ вами знакомымъ, но по свѣдѣнію о тѣсной вашей дружбѣ съ Михаиломъ Платоновичемъ, рѣшаюсь безпокоить васъ письмомъ моимъ. Вамъ конечно не безъизвѣстно, что у меня съ покойнымъ его дядюшкою, по коемъ онъ нынѣ находится законнымъ наслѣдникомъ, имѣлася тяжба о значительномъ количествѣ строеваго и дровянаго

лѣса; почувствовавъ склонность къ старшей дочери моей Катеринѣ Гавриловнѣ, вашъ пріятель предложилъ мнѣ себя въ зятья, на что я, какъ вамъ извѣстно, изъявилъ свое согласіе; въ послѣдствіе чего надѣясь на обоюдную пользу, я остановилъ ходъ сего дѣла; но нынѣ нахожусь я въ крайнемъ недоумѣніи. Вскорѣ послѣ обрученія, когда и повѣстки были ко всѣмъ знакомымъ разосланы и приданое дочери моей окончательно приготовлено и всѣ бумаги нужныя къ сему очищены, Михаилъ Платоновичъ вдругъ прекратилъ ко мнѣ свои посѣщенія. Полагая сему причиною случившееся нездоровье, я посылалъ къ нему человѣка, а наконецъ и самъ, не смотря на мою дряхлость, къ нему отправился; неприлично да и обидно мнѣ показалось напоминать ему о томъ, что онъ забылъ свою невѣсту, а онъ хоть бы извинился; только что разсказывалъ мнѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ имъ предпринятомъ, которое ему должно кончить до свадьбы и которое въ продолженіе нѣкотораго времени требуетъ его неусыпнаго вниманія и надзора. Я полагалъ, что онъ хочетъ завести поташный заводъ, о которомъ онъ мнѣ прежде проговаривалъ; думалъ я, что онъ хочетъ удивить меня и припасти для меня свадебный подарокъ, показавъ на опытѣ, что онъ можетъ заниматься чѣмъ нибудь дѣльнымъ, по причинѣ того, что я его часто журилъ за его пустодомство; однако же я никакихъ приготовленій для такого завода не замѣтилъ и нынѣ не вижу. Я положилъ было посмотрѣть, что дальше будетъ, какъ вчера, къ величайшему моему удивленію у-

зналъ, что онъ заперся и никого къ себѣ не пускаетъ, даже кушанье ему подаютъ въ окошко. Тутъ мнѣ пришла, милостивый государь, престранная мысль въ голову. Покойный дядя его жилъ въ этомъ же домѣ и былъ въ нашемъ уѣздѣ чернокнижникомъ; я, сударь, самъ нѣкогда учился въ Университетѣ, хотя не много поотсталъ, но чернокнижію не вѣрю; однако же мало-ли что можетъ причиниться человѣку, особливо такому философу, какъ вашъ пріятель. Что же наиболѣе увѣряетъ меня въ томъ, что съ Михаиломъ Платоновичемъ случилось что-то недоброе—это слухъ, дошедшій до меня стороною, будто-бы онъ сидитъ по цѣлымъ днямъ и смотритъ въ графинъ съ водою. Въ таковыхъ обстоятельствахъ, милостивый государь, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою — немедленно поспѣшить вашимъ сюда пріѣздомъ, для вразумленія Михаила Платоновича, по вашему къ нему участію, дабы и я могъ знать чего мнѣ держаться; снова-ли начать тяжбу или покончить рѣшеное дѣло; ибо самъ я послѣ нанесенной мнѣ вашимъ пріятелемъ обиды, къ нему въ домъ не поѣду, хотя Катя и съ горькими слезами меня о томъ упрашиваетъ.

Въ надеждѣ скораго свиданія съ вами, честь имѣю быть и проч.

РАЗСКАЗЪ.

Получивши это письмо, я счелъ долгомъ прежде всего обратиться къ знакомому мнѣ доктору, очень опытному и ученому человѣку.—Я показалъ ему письма моего пріятеля, разсказалъ его положеніе и спросилъ его понимаетъ-ли онъ что нибудь во всемъ этомъ?... «Все это очень понятно, сказалъ мнѣ докторъ и совсѣмъ не ново для медика... Вашъ пріятель просто съ ума сошелъ...» Но перечтите его письма—возразилъ я—есть ли въ нихъ малѣйшій признакъ сумасшествія? отложите въ сторону странный предметъ ихъ и они покажутся хладнокровнымъ описаніемъ физическаго явленія... —

«Все это понятно...» повторилъ медикъ... «Вы знаете что мы различаемъ разные рода сумасшествій — vesaniæ. Къ первому роду относятся всѣ виды бѣшенства—это не касается до вашего пріятеля; вторый родъ содержитъ въ себѣ: во первыхъ расположеніе къ призракамъ—hallucinationes, во вторыхъ увѣренность въ сообщеніи съ духами— demonomania. Очень понятно, что вашъ пріятель, отъ природы склонный къ ипохондріи, въ деревнѣ, одинъ, безъ всякихъ разсѣянностей, углубился въ чтеніе всякаго вздора,—это чтеніе подѣйствовало на его мозговые нервы, нервы....»

Долго еще объяснялъ мнѣ докторъ какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть въ полномъ разумѣ и

между тѣмъ сумасшедшимъ, видѣть то чего онъ не видитъ, слышать чего не слышитъ; къ чрезвычайному сожалѣнію я не могу сообщить этихъ объясненій читателю, потому что я въ нихъ ничего не понялъ, но убѣжденный доводами доктора я рѣшился пригласить его ѣхать со мною въ деревню моего пріятеля.

Михайло Платоновичъ лежалъ въ постелѣ, худой, блѣдный; въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ уже не принималъ никакой пищи — когда мы подошли, онъ не узналъ насъ, хотя глаза его были открыты; въ нихъ горѣлъ какой-то дикій огонь; на всѣ наши слова онъ не отвѣчалъ намъ ни слова . . . На столѣ лежали исписанные листы бумаги — я могъ разобрать въ нихъ лишь нѣкоторыя строки, вотъ онѣ:

Отрывки изъ журнала Михаила Платоновича.

«Кто ты?»

— У меня нѣтъ имени — оно мнѣ не нужно . . .

«Откуда ты?»

— Я твоя — вотъ все что я знаю — тебѣ я принадлежу и никому другому, — но зачѣмъ ты здѣсь? Какъ здѣсь душно и холодно; у насъ вѣетъ солнце, звучатъ цвѣты, благоухаютъ звуки — за мной — за мной . . . . Какъ тяжела твоя одежда — сбрось, сбрось ее . . . . Нѣтъ ты еще не можешь достигнуть до нашего міра . . . . Но я не оставлю тебя! — Какъ все

мертво въ твоемъ жилищѣ .... Все живое покрыто хладною оболочкой — сорви—сорви ее!

«.... Такъ здѣсь ваше знанie? .... Здѣсь ваше искусство? .... вы отдѣляете время отъ времени и пространство отъ пространства и вы не умираете отъ скуки?—за мной, за мной—скорѣе, скорѣе ....

«.... Ты-ли это гордый Римъ, столица вѣковъ и народовъ? Какъ растянулася повилика по твоимъ развалинамъ .... Но развалины шевелятся, изъ земнаго дерна подымаются разнообразныя колонны, вытягиваются въ стройный порядокъ, — чрезъ нихъ сводъ отважно перегнулся, отряхая вѣчный прахъ свой, помостъ стелется игривымъ мозаикомъ, — на помостѣ толпятся живые люди, сильные звуки древняго языка сливаются съ говоромъ волнъ —ораторъ въ бѣлой одеждѣ съ вѣнцемъ на главѣ поднимаетъ руку .... и все исчезло — пышныя зданія клонятся къ землѣ, колонны сгибаются, своды врываются въ землю — повилика снова вьется по развалинамъ — все умолкло, — колоколъ призываетъ къ молитвѣ, храмъ отворенъ, слышны звуки мусикійскаго орудія — тысячи созвучныхъ переливовъ волнуются подъ моими пальцами, мысль стремится за мыслію, онѣ улетаютъ одна за другою какъ сновидѣнія — если-бы схватить, остановить ихъ? — и покорное орудіе снова вторитъ какъ вѣрное эхо, всѣ минутныя невозвратимыя движенія души .... Храмъ опустѣлъ, лунный блескъ ложится на безчисленныя статуи — онѣ сходятъ съ мѣстъ своихъ, проходятъ мимо меня полныя жизни, ихъ рѣчи древни и но-

вы, важна ихъ улыбка и значителенъ взоръ — и снова они оперлись на свои пьедесталы и снова лунный блескъ ложится на статуи .... ужъ поздно ... насъ ждетъ веселый тихій пріютъ, въ окошкахъ мелькаетъ Тибръ, за нимъ капитолій вѣчнаго града .... Очаровательная картина—она слилась въ тѣсную раму нашего камелька, да! тамъ другой Римъ, другой Тибръ, другой капитолій — какъ весело трещитъ огонекъ .... обними меня прелестная дѣва ... Въ жемчужномъ кубкѣ кипитъ искрометная влага... пей... пей... Тамъ хлопьями валится снѣгъ и замѣтаетъ дорогу — здѣсь меня грѣютъ твои объятія ....

«Мчитесь, мчитесь быстрые кони по хрупкому снѣгу, взвивайте столбомъ ледяной прахъ, въ каждой пылинкѣ блистаетъ солнце — розы вспыхнули на лицѣ прелестной — она прильнула ко мнѣ душистыми губками — гдѣ ты нашла это художество поцѣлуя? все горитъ въ тебѣ и кипячею влагою обдаетъ каждый нервъ въ моемъ тѣлѣ .... Мчитесь, мчитесь быстрые кони по хрупкому снѣгу .... Что? не крикъ-ли битвы? не новая-ли вражда между небомъ и землею .... Нѣтъ это братъ предалъ брата, невинная дѣва во власти преступленія .... и солнце свѣтитъ и воздухъ прохладенъ? Нѣтъ! потряслася земля, солнце померкло, буря опустилась съ небесъ — спасла жертву и омыла преступнаго, — и снова солнце свѣтитъ, и воздухъ тихъ и прохладенъ, лобызаетъ братъ брата и сила преклоняется предъ невинностію ... За мной, за мной .. —есть дру-

гой міръ, новый міръ, . . Смотри кристалъ растворился — тамъ внутри его новое солнце . . . Тамъ совершается великая тайна кристалловъ, поднимемъ завѣсу . . . толпы жителей прозрачнаго міра празднуютъ жизнь свою радужными цвѣтами, здѣсь воздухъ—солнце, жизнь—вѣчный свѣтъ, они черпаютъ въ мірѣ растеній благоуханныя смолы, обдѣлываютъ ихъ въ блестящія призмы и скрѣпляютъ огненною стихіей . . . За мной, за мной! мы еще на первой ступени . . . По безчисленнымъ сводамъ струятся ручьи— быстро бьютъ они вверьхъ и быстро спускаются въ землю; надъ нимъ живая призма преломляетъ лучи солнца, лучи солнца вьются по жиламъ и фонтанъ выноситъ на воздухъ ихъ радужныя искры, они, то сыплятся по лепесткамъ цвѣтовъ, то длинной лентою вьются по узорчатой сѣти; жизненные духи прикованные къ вѣчно-кипящимъ кубамъ претворяютъ живую влагу въ душистый паръ, онъ облаками стелется по сводамъ и крупнымъ дождемъ падаетъ въ таинственный сосудъ растительной жизни . . . Здѣсь въ самомъ святилищѣ, зародышь жизни борется съ зародышемъ смерти, каменѣютъ живые соки и застываютъ въ металлическихъ жилахъ, мертвыя стихіи преобразуются началомъ духа . . . За мной! за мной! . . . На возвышенномъ тронѣ возсѣдала мысль человѣка, отъ всего міра тянулися къ ней золотыя цѣпи, — духи природы преклонялися въ прахъ передъ нею,— на Востокѣ восходилъ свѣтъ движенія, — на Западѣ въ лучахъ вечерней зари толпились сны и по произволу мысли — то сливались въ одну гармоническую форму, то разсыпалися ле-

тучими облаками... У подножія престола *она* сжала меня въ своихъ объятіяхъ... Мы миновали землю!...

«Смотри—тамъ въ безбрежной пучинѣ носится ваша пылинка: тамъ проклятія человѣка, тамъ рыданія матери, тамъ говоръ житейской нужды, тамъ насмѣшка злыхъ, тамъ страданія поэта—здѣсь все сливается въ сладостную гармонію, здѣсь не страждущій міръ, но стройное орудіе, котораго гармоническіе звуки тихо колеблятъ волны эѳира.

«Простись съ поэтическимъ *земнымъ* міромъ! и у васъ есть поэзія на землѣ! оборванный вѣнецъ вашего блаженства! бѣдные люди! странные люди! въ вашей смрадной пучинѣ вы нашли что даже страданіе есть счастіе! Вы страданію даете поэтическій отблескъ! Вы гордитесь вашимъ страданіемъ, вы хотите чтобы жители другаго міра завидовали вашей жизни! Въ нашемъ мірѣ нѣтъ страданія—оно удѣлъ лишь несовершеннаго міра,—созданіе существа несовершеннаго!—Вольно человѣку преклоняться предъ нимъ, и вольно ему отбросить его какъ истлѣвшую одежду на плечахъ бедуина

. . . .

«Не ужь-ли ты думаешь что я не знала тебя? я съ самаго младенчества присутствовала тебѣ въ дыханіи вѣтерка, въ лучахъ весенняго солнца, въ капляхъ благовонной росы, въ неземныхъ мечтаніяхъ поэта! когда въ человѣкѣ возраждается гордость его силы, когда тяжкое презрѣніе падаетъ съ очей его на скудельные образы подлуннаго міра, когда

душа его, отряхая прахъ смертныхъ терзаній съ насмѣшкою попираетъ трепещущую предъ нею природу, — тогда мы носимся надъ вами, тогда мы ждемъ минуты чтобъ вынести васъ изъ грубыхъ оковъ вещества, тогда вы достойны нашего лика!— Смотри есть ли страданіе въ моемъ поцѣлуѣ—въ немъ нѣтъ времени—онъ продолжится въ вѣчность и каждый мигъ для насъ—новое наслажденіе! . . . О не измѣни мнѣ! не измѣни себѣ! берегись соблазновъ твоей грубой презрѣнной природы!

«Смотри—тамъ, вдали, на вашей землѣ поэтъ преклоняется предъ грудою камней, обросшихъ безчувственнымъ организмомъ растительной силы. «Природа!» восклицаетъ онъ въ восторгѣ, величественная природа, что выше тебя въ этомъ мірѣ? что мысль человѣка предъ тобою?» А слѣпая безжизненная природа смѣется надъ нимъ и въ минуту полнаго ликованія человѣческой мысли, скатываетъ ледяную лавину и уничтожаетъ и человѣка и мысль человѣка! лишь въ душѣ души высоки вершины! лишь въ душѣ души бездны глубоки! Въ ихъ глубину не дерзаетъ мертвая природа; въ ихъ глубинѣ независимый, крѣпкій міръ человѣка; смотри *здѣсь* жизнь поэта—святыня! *здѣсь* поэзія—истина! здѣсь договаривается все недосказанное поэтомъ; здѣсь его земныя страданія превращаются въ неизмѣримый рядъ наслажденій! . . . .
. . . .

«О люби меня! я никогда не увяну! вѣчно свѣжая дѣвственная грудь моя будетъ биться на твоей гру-

ди! Вѣчное наслажденіе будетъ для тебя ново и полно—и въ моихъ объятіяхъ невозможное желаніе будетъ вѣчно возможною мыслію!

. . . .

«Этотъ младенецъ—это дитя наше! онъ не ждетъ попеченій отца, онъ не будитъ ложныхъ сомнѣній, онъ заранѣе исполнилъ твои надежды; онъ юнъ и возмужалъ, онъ улыбается и не рыдаетъ — для него нѣтъ возможныхъ страданій если только ты не вспомнишь о своей грубой,—презрѣнной юдоли.— Нѣтъ ты не убьешь насъ однимъ желаніемъ!

»Но дальше, дальше — есть еще другой, высшій міръ, тамъ самая мысль сливается съ желаніемъ — за мной! за мной! . . . .»

Дальше почти не возможно было ничего разобрать; то были несвязныя, разнородныя слова: любовь . . . растеніе . . . электричество . . . человѣкъ . . . духъ. . . . Наконецъ послѣднія строки были написаны какими-то странными неизвѣстными мнѣ буквами и прерывались на каждой страницѣ . . .

Запрятавъ подальше всѣ эти бредни, мы приступили къ дѣлу и начали съ того, что посадили нашего мечтателя въ бульонную ванну; больной затрясся всѣмъ тѣломъ; «добрый знакъ» воскликнулъ докторъ. Въ глазахъ больнаго выражалось какое-то престранное чувство—какъ будто раскаяніе, просьба, мученье разлуки, слезы его катились градомъ . . . Я

обращалъ на это выраженіе лица вниманіе доктора... Докторъ отвѣчалъ: facies hippocratica!

Чрезъ часъ еще бульонная ванна—и ложка микстуры; за нею порядочно мы побились, больной долго терзался и упорствовалъ, но наконецъ—проглотилъ. «Побѣда наша!» вскричалъ докторъ.

Докторъ увѣрялъ, что надобно всѣми силами стараться вывести нашего больнаго изъ его оцѣпененія и раздражить его *чувствительность.* Такъ мы и сдѣлали—сперва ванна, потомъ ложка аппетитной микстуры, потомъ ложка бульона и благодаря нашимъ благоразумнымъ попеченіямъ больной сталъ видимо оправляться; наконецъ показался и аппетитъ—онъ уже началъ кушать безъ нашего пособія...

Я старался ни о чемъ прежнемъ не напоминать моему пріятелю—а обращать его вниманіе на вещи основательныя и полезныя, какъ-то о состояніи его имѣнія, о выгодахъ завести въ немъ поташный заводъ, а крестьянъ съ оброка перевести на барщину.... Но мой пріятель слушалъ меня какъ во снѣ, ни въ чемъ мнѣ не противорѣчилъ, во всемъ мнѣ безпрекословно повиновался, пилъ, ѣлъ когда ему подавали, хотя ни въ чемъ не принималъ никакого участія.

Чего не могли сдѣлать всѣ микстуры доктора, то произвели мои бесѣды о нашей разгульной молодости и въ особенности нѣсколько бутылокъ от-

личнаго лафиту, который я догадался привезти съ собою; это средство вмѣстѣ съ чудеснымъ окровавленнымъ ростбифомъ совершенно поставило на ноги моего пріятеля, такъ, что я даже осмѣлился завести рѣчь о его невѣстѣ; онъ выслушалъ меня со вниманіемъ и во всемъ со мною согласился; я какъ человѣкъ аккуратный не замедлилъ воспользоваться его хорошимъ расположеніемъ, поскакалъ къ будущему тестю, все обдѣлалъ, спорное дѣло порѣшилъ, рядную написалъ, одѣлъ моего чудака въ его старый мундиръ, обвѣнчалъ—и пожелавъ ему счастія отправился обратно къ себѣ домой, гдѣ меня ожидало дѣло въ Гражданской Палатѣ и признаюсь поѣхалъ весьма довольный собою и своимъ успѣхомъ. Въ Москвѣ всѣ родные разумѣется осыпали меня своими ласками и благодарностію.

Устроивъ мои дѣла, я чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ разсудилъ однако же за благо навѣстить молодыхъ, тѣмъ болѣе, что я отъ молодаго не получалъ никакого извѣстія.

Засталъ я его поутру: онъ сидѣлъ въ халатѣ, съ трубкой въ зубахъ, жена разливала чай, въ окошко свѣтило солнышко и выглядывала преогромная спѣлая груша, онъ мнѣ будто обрадовался, но вообще былъ неговорливъ . . .

Я выбралъ минуту когда жена вышла изъ комнаты и сказалъ, покачавъ головою:

«Ну что несчастливъ ты братъ?»

Что-же вы думаете? онъ разговорился? Да! только что онъ напуталъ!

«Счастливъ!» повторилъ онъ съ усмѣшкою «знаешь-ли ты что ты сказалъ этимъ словомъ? Ты внутренно похвалилъ себя и подумалъ: какой я благоразумный человѣкъ, я вылечилъ этого сумасшедшаго, женилъ его и онъ теперь по моей милости счастливъ.... счастливъ!... Тебѣ пришли на мысль всѣ похвалы моихъ тетушекъ, дядюшекъ, всѣхъ этихъ такъ называемыхъ благоразумныхъ людей —и твое самолюбіе гордится и чванится—не такъ-ли?»

— Если бы и такъ сказалъ я. —

«Такъ довольствуйся-же этими похвалами и благодарностію, а моей не жди; да! Катя меня любитъ, имѣніе наше устроено, доходы сбираются исправно,—словомъ ты далъ мнѣ счастье, но не мое; ты ошибся нумеромъ. Вы господа благоразумные люди похожи на столяра, которому велѣли сдѣлать ящикъ на дорогіе физическіе инструменты: онъ не хорошо смѣрялъ, инструменты въ него не входятъ, какъ быть? а ларчикъ готовъ и выполированъ прекрасно. Ремесленникъ обточилъ инструменты, гдѣ выгнулъ, гдѣ спрямилъ—они вошли въ ларчикъ и улеглися спокойно, любо посмотрѣть на него, да только одна бѣда: инструменты испорчены.—Господа! не инструменты для ларчика, а ларчикъ для инструментовъ. Дѣлайте ларчикъ по инструментамъ, а не инструменты по ларчику.»

— Что ты хочешь этимъ сказать? —

«Ты очень радъ, что ты, какъ ты говоришь, меня вымечилъ, то есть загрубилъ мои чувства, покрылъ ихъ какою-то непроницаемою покрышкою, сдѣлалъ ихъ неприступными для всякаго другаго міра, кромѣ твоего ларчика... Прекрасно! Инструментъ улегся, но онъ испорченъ; онъ былъ приготовленъ для другаго назначенія.... Теперь когда среди моей ежедневной жизни, я чувствую что мои брюшныя полости раздвигаются часъ отъ часу болѣе, и голова погружается въ животный сонъ, я съ отчаяніемъ вспоминаю то время, когда по твоему мнѣнію я находился въ сумасшествіи, когда прелестное существо слетало ко мнѣ изъ невидимаго міра, когда оно открывало мнѣ таинства, которыхъ теперь я и выразить не умѣю, но которыя были мнѣ понятны—гдѣ это счастіе?—возврати мнѣ его!»

— Ты братецъ-поэтъ и больше ничего — сказалъ я съ досадою— пиши стихи... —

«Пиши стихи» возразилъ больной «пиши стихи; —ваши стихи тоже ящикъ; вы разобрали и поэзію по частямъ, вотъ тебѣ проза, вотъ тебѣ стихи, вотъ тебѣ музыка, вотъ живопись —куда угодно? А можетъ быть я художникъ такого искусства, которое еще не существуетъ, которое не есть ни поэзія, ни музыка, ни живопись — искусство, которое я долженъ былъ открыть и которое, можетъ быть, теперь замретъ на тысячу вѣковъ; найди мнѣ его! можетъ быть оно утѣшитъ меня въ потерѣ моего прежняго міра!»

Онъ наклонилъ голову, глаза его приняли странное выраженіе, онъ говорилъ про себя: «прошло — не возвратится — умерла — не перенесла — пада́й! пада́й!»—и прочее тому подобное.

Впрочемъ это былъ его послѣдній припадокъ. Въ послѣдствіи, какъ мнѣ извѣстно, мой пріятель сдѣлался совершенно порядочнымъ человѣкомъ, завелъ псарную охоту, поташный заводъ, плодоперемѣнное хозяйство, мастерски выигралъ нѣсколько тяжебъ по землямъ — (у него черезполосица), здоровье у него прекрасное, румянецъ во всю щеку и препорядочное брюшко (NB. Онъ до сихъ поръ употребляетъ бульонныя ванны — онѣ ему очень помогаютъ.) Одно только худо: говорятъ что онъ немножко крѣпко пьетъ съ своими сосѣдями, а даже и безъ сосѣдей; также говорятъ что отъ него ни одной горничной проходу нѣтъ, — но за кѣмъ нѣтъ грѣшковъ въ этомъ свѣтѣ? покрайней мѣрѣ онъ теперь человѣкъ какъ другіе.

Такъ разсказывалъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, доставившій мнѣ письма Платона Михайловича; очень благоразумный человѣкъ; признаюсь, что я ничего не понялъ въ этой исторіи; не. будутъ-ли счастливѣе читатели?

Кн. В. Одоевской.

Ревель, 1836.

МОГИЛА МАТЕРИ.

На тихомъ кладбищѣ, съ глубокой тоской,
Я матери вырылъ могилу,
И ангелъ незримый леталъ надо мной
И далъ мнѣ чудесную силу.

Какъ тихо, родная, въ могилѣ твоей!
Въ ней спать тебя сынъ твой уложитъ;
Кручина не тронетъ въ ней спящихъ костей
И сна твоего не встревожитъ.

Не радость досталась тебѣ на земли,
А только кровавыя слезы;
Мы голодъ и нужды съ тобою несли,
Встрѣчали за ласки угрозы.

Я помню, родная, заботы твои!
Ты много жила и дышала;
Ты въ стужу снимала лахмотья свои
И ими меня одѣвала.

Ты жесткое ложе травой устлала,
Малютку на немъ уложила,
Ты цѣлыя ночи надъ нимъ не спала,
За нимъ и больная ходила.

И въ часъ, какъ съ молитвой на блѣдныхъ устахъ
Ты въ смертной борьбѣ трепетала,
Ты эту молитву, съ слезой на глазахъ,
О благѣ моемъ лепетала.

Теперь ты уснула въ могилѣ сырой
На жесткой досчатой постели,
И стадо надъ нею проходитъ порой
При звукахъ веселой свирѣли.

Крапивой могила твоя заростетъ,
И буря надъ нею завоетъ,
И крестъ надъ могилою плющъ обовьетъ,
А скоро и дождикъ подмоетъ.

И я не сыщу ужъ гробницы твоей
И я ужъ надъ ней не поплачу,
И съ грустію тайной растануся съ ней
И все что мнѣ мило, утрачу.

Прости же! Засыпалъ я желтымъ пескомъ
Въ часъ ночи твой гробъ одинокой,
И тополь и гибкая ива кругомъ
Ростутъ на полянѣ широкой.

ТРИ СНОВИДѢНІЯ.

1.

Порой три сна меня мутятъ,
Порой три сна ко мнѣ нисходятъ,
И смутнымъ страхомъ тяготятъ
И думы на душу наводятъ.
И въ первый сонъ мой вижу я:
Роскошный образъ бытія
И колыбель между цвѣтами
И пышной юности разсвѣтъ,
Съ ея завѣтными мечтами,
Съ ея тоской, съ ея слезами,
Съ надеждами грядущихъ лѣтъ;
Я вижу вновь: ручей сребристый,
Громаду горъ и темный лѣсъ,
Ковры цвѣтовъ и лугъ душистый
И ясный сводъ родныхъ небесъ;
Какъ прежде ветхая лачужка,

Съ патріархальной простотой,
Стоитъ надъ свѣтлою рѣкой,
А въ ней привѣтная старушка,
Съ улыбкой нѣжной, изъ окна
Глядитъ на сына шалуна,
И вдругъ сердито погрозится,
Когда на утломъ челнокѣ
Стрѣлой по дремлющей рѣкѣ
Дитя веселое промчится.
Шалунъ надъ сонною водой
Играетъ легкими веслами,
Зоветъ грозу къ себѣ на бой
И ждетъ, чтобъ мутными волнами
Вскипѣла буря надъ рѣкой.
Дрожитъ поверхность сонной влаги,
И страхъ старушкѣ подъ окномъ
И любо подсмотрѣть тайкомъ
Порывъ младенческой отваги
И этотъ гордый взмахъ весломъ.
Темнѣетъ; вечеръ наступаетъ;
Шалунъ на ужинъ прибѣжитъ,
Его старушка побранитъ,
Его старушка поласкаетъ,
И тихо время вечеркомъ
Течетъ подъ кровлей бѣдной хаты.
Наступитъ ночь! предъ мирнымъ сномъ

Старушка милая три краты
Благословитъ его крестомъ,
Ему къ молитвѣ руки сложитъ
И тихо спать его уложитъ.
Увы! тѣхъ дней давно ужь нѣтъ!
Мой дѣтскій бытъ съ его забавой,
Моихъ надеждъ роскошный цвѣтъ
Поблекъ въ потокѣ бурныхъ лѣтъ
Подъ ядовитою отравой.
Порой томитъ меня тоска,
И мнится мнѣ, какъ надъ могилой
Шалунъ посыпалъ горсть песка
На тихій гробъ старушки милой.

2.

Второй мой сонъ: борьба страстей,
Пора начальныхъ испытаній,
Тоска о немощи моей;
Въ порывахъ пламенныхъ желаній,
Душа въ огнѣ, уста дрожатъ,
Мечты слились въ живые звуки,
То грозные, какъ громовой раскатъ,
То нѣжные, какъ лепетъ страстной муки.
Возстань отъ сна, сорвись съ цѣпей,
Онъ твой весь этотъ міръ! переступи за грани,

Зови врага на грудь! и ненависть людей
Испепели огнемъ лобзаній,
Пожаромъ бѣшенныхъ страстей!
Весь міръ на грудь мою! Отъ пламенныхъ объятій
Судьба безсильная меня не оторветъ,
И на любовь мою, какъ на любовь дитяти,
Вражда коварная отравой не дохнетъ;
За мной подъ небеса родныя,
На горы темныя, на родину громовъ;
Туда, гдѣ бури вѣковыя
Свиваютъ тучи громовыя
Изъ влажной ткани облаковъ!
Впередъ! Впередъ! Подъ пяты громъ ложится,
Какъ поясъ молніи вкругъ тѣла обвились,
И говоръ жизни смолкъ и прахъ у ногъ дымится,
И тучи долу понеслись!
Иду по гранямъ поколѣній!
Смотри, нога моя на рубежѣ міровъ!
Я всталъ безъ трепета на крайнія ступени,
Гдѣ колыбель и гробъ вѣковъ!
Здѣсь радость начата, зарождены печали;
Судьба сокрытая слетѣла съ высоты
И пишетъ въ молніяхъ желѣзныя скрижали
И шлетъ на долго намъ то слезы, то мечты;
И ближе къ небесамъ! Привѣтнѣе денница
Надъ головой моей горитъ,

И темной вѣчности сокрытая страница
Словами радуги съ душою говоритъ.
О дивная пора священныхъ вдохновеній,
Пора разгульныхъ думъ и грустной тишины!
Въ ней слезы дѣтскихъ огорченій
Слезой любви замѣнены.
Слеза любви, слеза печали,
Зародышь пламенныхъ страстей,
Въ ея таинственной скрижали,
Сокрыта исповѣдь моихъ печальныхъ дней.
Коварный сонъ! я вижу образъ дѣвы,
Мнѣ снится блескъ ея очей;
Я слышу сладкія напѣвы
И ласки лживыя и темный звукъ рѣчей.
Какъ прежде жжетъ огонь пронзительныхъ лобзаній,
Съ горящихъ устъ ея, взволнованную кровь,
И съ нѣгой пламенныхъ желаній
Пылаетъ райская въ груди моей любовь!
Пустъ грянетъ сводъ небесъ, пусть упадетъ громами,
Среди дымящихся развалинъ, надо мной!
Я не услышу ихъ, подъ страстными мечтами,
На персяхъ дѣвы молодой!
Я пилъ изъ чаши ядовитой
Съ измѣной женскою и женскую любовь,
Но страсть печальная не зарумянитъ вновь
Мои поблекшія ланиты.

3.

Мой третій сонъ рисуетъ мнѣ
Пору существенности строгой;
Мнѣ снится: въ дальней глубинѣ,
Пришлецъ задумчивый подъ хижиной убогой;
Желѣзная печать враждующей судьбы
Изрыла блѣдный ликъ кровавыми браздами,
Но воля твердая въ волненіяхъ борьбы
Ея разящими пренебрегла громами;
Отъ глазъ изгнанника бѣжитъ тревожный сонъ,
Онъ вспомнилъ съ горькою улыбкой,
Какъ весело носился онъ,
Еще дитя, по влагѣ зыбкой,
И какъ онъ проклиналъ дремоту сонныхъ волнъ,
Какъ жаждалъ онъ ударовъ бури,
И какъ онъ ждалъ, отваги полонъ,
Чтобъ грянулъ громъ съ высотъ лазури!
И грянулъ онъ желанный этотъ громъ!
И юность рѣзвая поблекла въ буряхъ свѣта,
И міръ безчувственный, въ безмолвіи глухомъ,
Не принялъ отъ него сердечнаго привѣта!
Дыханіе вражды оледенило кровь,
Нагая истина надежды замѣнила,
А ненависть разрушила любовь,
И радость бытія отравой осквернила.

Глупецъ завистливый понесъ хвалу міровъ,
Съ чела достойнаго сорвалъ вѣнокъ лавровый;
Онъ подсмотрѣлъ плоды его трудовъ,
Подслушалъ грозный звукъ мечты его суровой:
Толпа плететъ ему вѣнецъ,
И на рукахъ уноситъ въ Капитолій,
А онъ, высокихъ думъ не узнанный творецъ,
Влачитъ проклятія своей печальной доли!
Бѣснуйтесь, жалкіе слѣпцы!
Вѣнчайте ложнаго пророка!
Не породятъ во мнѣ постыдные вѣнцы
Ничтожной зависти къ обидной волѣ рока!
Я не просилъ торжественныхъ похвалъ,
Обидныхъ, какъ хула въ устахъ толпы подкупной;
Я жилъ не для наградъ, я не для нихъ искалъ
Священной истины, для черни недоступной.
Быть можетъ, время разгромитъ
Сосудъ неправды своевластной
И клевету разоблачитъ
На стыдъ вѣкамъ рукой безстрастной,
И геній міра развернетъ
Моихъ грядущихъ дней блестящія скрижали,
И радость тихая блеснетъ
Росой цѣлебною на старыя печали.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

I.

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА.

Мартынъ.

Послушай, Францъ, въ послѣдній разъ говорю тебѣ какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, но долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись или худо будетъ.

Францъ.

Помилуй, отецъ, за что ты на меня сердишься. Я, кажется, ничего не дѣлаю.

Мартынъ.

Ничего не дѣлаю! то-то и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты лѣнивецъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На что ты надѣешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ 14 лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руку, да

два толчка въ спину, да примолвилъ: ступай-ка, Мартынъ, самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело. Съ той поры мы ужь и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ и деньги и честное имя — а чѣмъ? Бережливостію, терпѣніемъ, трудолюбіемъ. Вотъ ужь мнѣ и за 50, и пора бы ужь отдохнуть, да тебѣ передать и счетныя книги и весь домъ. А могу-ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ, да забираютъ въ долгъ товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состоянія. Но слушай, Францъ, если ты не перемѣнишься, не отстанешь отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло; то, видитъ Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Францъ.

Твоя воля, отецъ, дѣлай какъ хочешь.

Мартынъ.

То-то же, смотри.

(Входитъ братъ Бертольдъ).

Мартынъ.

Вотъ и другой сумасбродъ. За чѣмъ пожаловалъ?

Бертольдъ.

Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

Мартынъ.

Нужда! Опять денегъ?

Бертольдъ.

Да . . . не можешь-ли одолжить полтораста гульденовъ.

Мартынъ.

Какъ не такъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

Бертольдъ.

Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги, для тебя не пропадшія.

Мартынъ.

Какъ не пропадшія? Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись?

Бертольдъ.

Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужь въ послѣдній разъ.

Мартынъ.

Объ этихъ послѣднихъ разахъ я слышу ужь не въ первый разъ.

Бертольдъ.

Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы, теперь ужь я все расчиталъ; опытъ мой не можетъ не удасться.

Мартынъ.

И это я слышу не впервые.

Бертольдъ.

Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потеряй случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

Мартынъ.

Эхъ! Бертольдъ, Бертольдъ! Если бы ты не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки; то былъ бы богатъ. Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

Бертольдъ.

Золота мнѣ не нужно, я ищу одной истины.

Мартынъ.

А мнѣ чортъ-ли въ истинѣ, мнѣ нужно золото.

Бертольдъ.

Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

Мартынъ.

Не могу и не хочу.

Бертольдъ.

Такъ прощай-же, сосѣдъ.

Мартынъ.

Прощай.

Бертольдъ.

Пойду къ барону Раулю, авось дастъ онъ мнѣ денегъ.

Мартынъ.

Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассалы его раззорены. А, слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не такъ-то легко наживаться.

Бертольдъ.

Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затѣвается турниръ, и баронъ туда отправляется. Прощай.

Мартынъ.

И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

Бертольдъ.

Можетъ быть и дастъ.

Мартынъ.

И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ.

Бертольдъ.

Непремѣнно.

Мартынъ.

А если опытъ не удастся?

Бертольдъ.

Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то алхимія вздоръ.

Мартынъ.

А если удастся?

Бертольдъ.

Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностію всѣ суммы, которыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартынъ.

За чѣмъ барону, а не мнѣ?

Бертольдъ.

И радъ бы, да не могу: ты знаешь, что я обѣщался Пресвятой Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

Мартынъ.

Эхъ, отецъ Бертольдъ, охота тебѣ раззоряться. Куда же ты? Постой: ну такъ и быть. На этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ займы. Богъ съ тобою. Но смотри-жь сдержи свое слово, пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

Бертольдъ.

Не бойся, другаго ужь не понадобится.

Мартынъ.

Погоди же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу .. сколько бишь тебѣ надобно?

Бертольдъ.

Полтораста гульденовъ.

Мартынъ.

Сто пятьдесятъ гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена.

БЕРТОЛЬДЪ И ФРАНЦЪ.

Бертольдъ.

Здравствуй, Францъ, о чемъ ты задумался?

Францъ.

Какъ мнѣ не задумываться? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства.

Бертольдъ.

За что это?

Францъ.

За то что я знакомство веду съ рыцарями.

Бертольдъ.

Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

Францъ.

Развѣ мѣщанинъ не достоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

Бертольдъ.

Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно; Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ,

и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависть.

Францъ.

Виноватъ-ли въ томъ, что не люблю своего состоянія? Что честь для меня дороже денегъ?

Бертольдъ.

Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду, мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то состояніе, въ которомъ родились: дворянинъ воюетъ и красуется, мѣщанинъ трудится и богатѣетъ; рыцарь на конѣ почтенъ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни; но ему неприлично считать барыши. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

Мартынъ *(входитъ)*.

Вотъ тебѣ полтораста гульденовъ; смотри-же, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

Бертольдъ.

Благодаренъ, очень благодаренъ, не будешь раскаиваться.

Мартынъ.

Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся, и у тебя будетъ и золота и славы вдоволь, будешь-ли ты спокойно наслаждаться жизнію?

Бертольдъ.

Займусь еще однимъ изслѣдованіемъ: мнѣ кажется есть средство открыть perpetuum mobile.

Мартынъ.

Что такое perpetuum mobile?

Бертольдъ.

Perpetuum mobile *вѣчное движеніе.* Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому... Видишь-ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото задача заманчивая, открытіе можетъ быть любопытное, и выгодное; но найти perpetuum mobile.... о!...

Мартынъ.

Убирайся къ чорту съ твоимъ perpetuum mobile.... ей Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терпѣнія выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

Бертольдъ.

Экой онъ брюзга.

Мартынъ.

Экой онъ сумасбродъ.

II.

Францъ *(одинъ).*

Чортъ побери наше состояніе! отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего кромѣ зазубреннаго меча, да заржавѣвшаго шлема счастливѣе и почетнѣе отца моего; отецъ мой сымаетъ передъ нимъ шляпу, а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся и сила. Какъ не такъ? Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? Деньги! Деньги рыцарю не нужны, на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе! Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ минстрелемъ: этого, по крайней мѣрѣ въ замкѣ принимаютъ; госпожа слушаетъ его пѣсни, наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, считаетъ, считаетъ, клянется передъ всякимъ покупщикомъ: *ей Богу, сударь, самый лучшій товаръ, дешевле нигдѣ не найдете.* Врешь ты, жидъ.—*Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣряю*... Честью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ, онъ никогда не горбился надъ счетами, онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово, ему вѣрятъ.

Да развѣ это жизнь? Чортъ ее побери! Пойду лучше въ минстрели. Однако что это сказалъ ба-

ронъ? Турниръ въ . . и туда ѣдетъ баронъ. . ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей; трубы затрубятъ, выступятъ герольды, рыцари, объѣдутъ поле, преклоняя копья предъ благосклонной красавицей. Трубы опять затрубятъ, рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга . . . дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ, никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ . . . Деньги! кабы зналъ онъ, какъ рыцари презираютъ насъ, не смотря на наши деньги . . .

Альбертъ *(входитъ).*

А! это Францъ, на кого ты разкричался?

Францъ.

Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

Альбертъ.

А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

Францъ.

Я думалъ, какъ бы мнѣ попасть на турниръ.

Альбертъ.

Ты хочешь попасть на турниръ.

Францъ.

Точно такъ.

Альбертъ.

Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій, хочешь-ли на его мѣсто?

Францъ.

Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Отъ чегожъ онъ умеръ?

Альбертъ.

Ей Богу, не знаю. Въ Пятницу онъ былъ здоровёшенекъ, вечеромъ воротился я поздно (я былъ въ гостяхъ и порядочно подпилъ), Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ, однако нѣтъ: точно по щекѣ, Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ — умре́.

Францъ.

Ай, рыцарь! видно пощечины ваши тяжелы.

Альбертъ.

На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну что-же хочешь быть моимъ конюшимъ?

Францъ *(почесывается)*.

Вашимъ конюшимъ?

Альбертъ.

Чтожъ ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря какъ я не шутка. Со временемъ, какъ знать, тебя посвятимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

Францъ.

И я буду жить у васъ въ замкѣ.

Альбертъ.

Конечно. Ну, согласенъ что-ли?

Францъ.

Вы не будете давать мнѣ пощечинъ?

Альбертъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не бойся, а хотя и случится такой грѣхъ, что за бѣда; не всѣ-жь конюшіе убиты до смерти.

Францъ.

И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмотримъ, кто кого....

Альбертъ.

Что.. что ты говоришь? я тебя не понялъ.

Францъ.

Такъ, я думалъ самъ про себя.

Альбертъ.

Ну что-же? соглашайся!

Францъ.

Извольте, согласенъ.

Альбертъ.

Нечего было и думать. Достань-же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

III.

ЗАМОКЪ РЫЦАРЯ АЛЬБЕРТА.

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА.

Клотильда.

Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что нибудь.

Берта.

О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ-ли рыцарѣ?

Клотильда.

О какомъ рыцарѣ?

Берта.

О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

Клотильда.

О Ротенфельдѣ? нѣтъ я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились, а онъ и не думалъ пріѣхать къ намъ; это съ его стороны неучтивость.

Берта.

Погодите; я увѣрена, что онъ будетъ завтра..

Клотильда.

Почему ты такъ думаешь?

Берта.

Потому что я его во снѣ видѣла.

Клотильда.

И Боже мой! Это ничего не значитъ; я всякую ночь вижу его во снѣ.

Берта.

Это совсѣмъ другое дѣло, вы въ него влюблены.

Клотильда.

Я влюблена! Прошу пустяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ нибудь о другомъ.

Берта.

О комъ же? О конюшемъ братца, объ Францѣ?

Клотильда.

Пожалуй, говори мнѣ хоть о Францѣ.

Берта.

Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

Клотильда.

Францъ отъ меня безъ ума? Кто тебѣ это сказалъ.

Берта.

Никто, я сама замѣтила; когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда служитъ за столомъ, онъ не видитъ никого кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

Клотильда.

Или ты дура, или Францъ предерзкая тварь.

(Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ.)

Альбертъ.

Сестра, представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ ночевать въ нашемъ замкѣ.

Графъ.

Позвольте, благородная дѣвица, недостойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоцѣнную награду.

Клотильда.

Графъ, я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ, я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. *(Уходитъ)*.

Графъ.

Какъ она прекрасна!

Альбертъ.

Она предобрая дѣвушка.—Графъ, что же вы не раздѣваетесь — гдѣ ваши слуги? Францъ! Разуй графа. *(Францъ медлитъ)* Францъ, развѣ ты глухъ.

Францъ.

Я не всемірный слуга, что бы всякаго разувать.

Графъ.

Ого, какой удалый!

Альбертъ.

Грубіянъ! *(Замахивается)*, я тебя прогоню.

Францъ.

Я самъ готовъ оставить за́мокъ.

Альбертъ.

Мужикъ, подлая тварь. Извините, графъ, я съ нимъ управлюсь. — Вонъ! ... *(Толкаетъ его въ спину)*, чтобы духа твоего здѣсь не было.

Графъ.

Пожалуста, оставь этаго дурака, онъ право не сто́итъ.

IV.

Клотильда.

Братецъ, мнѣ до тебя просьба.

Альбертъ.

Чего ты хочешь?

Клотильда.

Пожалуста, прогони своего конюшаго Франца; онъ осмѣлился мнѣ нагрубить...

Альбертъ.

Какъ! и тебѣ? ... Жаль-же что я ужъ его прогналъ; онъ отъ меня такъ скоро-бъ не отдѣлался. Да что же онъ сдѣлалъ?

Клотильда.

Такъ ничего. Если ты ужь его прогналъ, такъ нечего и говорить. Скажи, братецъ, долго ли графъ пробудетъ у насъ?

Альбертъ.

Думаю, сестра, что это будетъ зависѣть отъ тебя! Что-жь ты краснѣешь?...

Клотильда.

Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ.

Альбертъ.

Не думаетъ? О чемъ же?

Клотильда.

Ахъ братецъ, какой ты несносный. Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

Альбертъ.

Посмотримъ, посмотримъ. Что будетъ, то будетъ.

V

Францъ.

Вотъ нашъ домикъ... зачѣмъ было мнѣ оставлять его для гордаго за́мка? Здѣсь я былъ хозяинъ, а тамъ слуга—и для чего? Для гордыхъ взоровъ наглой, благородной дѣвицы. Я переносилъ униженіе, я унизился въ собственныхъ глазахъ моихъ, я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ, я привыкъ сносить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы, я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависѣть отъ отца, я сталъ зависимъ отъ чужаго. И чѣмъ все это кончилось? Боже! кровь кидается въ лице, кулаки мои сжимаются... О я самъ отмщу, отмщу... Какъ-то приметъ меня отецъ? *(Стучится.)*

Карлъ *(выходитъ)*.

Кто тамъ такъ стучитъ? А! Францъ, это ты *(про себя)*. Вотъ чортъ принесъ!

Францъ.

Здравствуй, Карлъ, отецъ дома?

Карлъ.

Ахъ, Францъ, давно же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ, какъ ужъ померъ.

Францъ.

Отецъ мой умеръ! Невозможно.

Карлъ.

Такъ-то возможно, что его и схоронили.

Францъ.

Бѣдный, бѣдный старикъ!... И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести: онъ меня любилъ, онъ чувствовалъ сильно. Карлъ, и ты не могъ послать за мною. Онъ меня бы благословилъ.

Карлъ.

Онъ осердился на приказчика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, отъ того и умеръ. Знаешь-ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства, а отдалъ все свое имѣніе...

Францъ.

Кому?

Карлъ.

Не смѣю тебѣ сказать.. ты такой вспыльчивый.

Францъ.

Знаю: тебѣ...

Карлъ.

Богъ видитъ, я не виноватъ. Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать... Потому что, видишь-ли, хоть законъ и на моей сторонѣ; однако вотъ по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ наслѣдникъ отца, а не подмастерье... Но видишь, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился, а вотъ теперь какъ женатъ, ужь я и не знаю что дѣлать... и какъ быть.

Францъ.

Владѣй себѣ моимъ наслѣдствомъ, Карлъ, я у тебя его не требую. На комъ ты женился?

Карлъ.

На Юліи Фурстъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожній уголокъ . . .

Францъ.

Нѣтъ, благодарствую, Карлъ, кланяйся Юліи и вотъ отдай ей эту серебряную цѣпочку отъ меня на память.

Карлъ.

Добрый Францъ! Хочешь съ нами отобѣдать? Мы только что сѣли за столъ.

Францъ.

Не могу, я спѣшу . . .

Карлъ

Куда же?

Францъ.

Такъ, самъ не знаю, прощай.

Карлъ.

Прощай, Богъ тебѣ помоги. *(Францъ уходитъ).* А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну теперь я совершенно покоенъ; у меня не будетъ ни тяжбы, ни хлопотъ.

VI.

Вассалы, *вооруженные косами и дубинами.*

Францъ.

Они проѣдутъ черезъ эту лужайку, смотрите же не робѣть; подпустите ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскачутъ; тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ... Чу. Вотъ они. *(Францъ съ частію вассаловъ скрывается за лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ими Альбертъ и Ротенфельдъ).*

Рыцари.

Гей, вы, долой съ дороги.

(Вассалы сымаютъ шляпы и не трогаются). Долой, говорятъ вамъ.., Что это значитъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

Ротенфельдъ.

А вотъ, пришпоримъ лошадей, да потопчемъ ихъ порядкомъ...

Косари.

Ребята, не робѣть...

(Лошади раненыя падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсятся).

Францъ *(бросается изъ засады).*

Впередъ, ребята! У! У!...

Одинъ рыцарь.

Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

Другой.

Ничего, насъ еще пятеро верхами.

Рыцари.

Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

(Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами.)

У! у! у! Наша взяла!.... Теперь вы въ нашихъ рукахъ.... Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые.

Францъ.

Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья! подымите забрáла, гдѣ Альбертъ?

(Ѣдетъ другая толпа рыцарей).

Одинъ изъ нихъ.

Господа! посмотрите, что это значитъ, здѣсь дерутся.

Другой.

Это бунтъ, подлый народъ бьетъ рыцарей.

Рыцари.

Господа! господа! копья въ упоръ! пришпоривай!...

(Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ)

Вассалы.

Бѣда! бѣда! Это рыцари!...

Францъ.

Куда вы! оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!... *(Онъ раненъ; рыцари хватаютъ его за воротъ).*

Одинъ рыцарь.

Постой, братъ, успѣешь имъ проповѣдать.

Другой.

И эти подлыя твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей. Смотрите, одинъ, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужасъ!
(Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ).

Рыцари.

Какъ! вы живы.

Альбертъ.

Благодаря желѣзнымъ латамъ.... *(Всѣ смѣются).* Ага! Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Гг. Рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

Одинъ изъ рыцарей.

Не за что; на нашемъ мѣстѣ вы бы сдѣлали то же самое.

Альбертъ.

Смѣю-ли просить васъ въ мой замокъ дни на три, отдохнуть послѣ сраженія, и на досугѣ попировать?

Рыцари.

Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ, мы спѣшимъ на похороны Эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

Альбертъ.

По крайней мѣрѣ сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

Рыцари.

Съ удовольствіемъ. Но у вась нѣтъ лошадей, позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденныя красавицы *(садятся)*. А этого молодца такъ и быть довеземъ ужь до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

VII.

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

(Рыцари ужинаютъ).

Одинъ рыцарь.

Славное вино!

Ротенфельдъ.

Ему болѣе ста лѣтъ... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отправляясь въ Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ за́мковъ и Ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу.

Рыцари.

Славное вино! За здоровье благородной хозяйки.

Клотильда.

Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ.

Ротенфельдъ.

За здоровье нашихъ избавителей.

Рыцари.

За здоровье нашихъ избавителей.

Одинъ изъ рыцарей.

Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; но ему чего-то не достаетъ.

Ротенфельдъ.

Знаю, Кипрскаго вина; что дѣлать — все вышло на прошлой недѣлѣ.

РЫЦАРЬ.

Нѣть, не Кипрскаго вина, недостаетъ пѣсенъ миннезингера.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Правда, правда . . . Нѣтъ-ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостинницу.

АЛЬБЕРТЪ.

Да чего-же намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ, кликнуть его сюда.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

РЫЦАРЬ.

Кто этотъ Францъ?

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Да тотъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

РЫЦАРЬ.

Такъ онъ еще и миннезингеръ?

АЛЬБЕРТЪ.

О! все что вамъ угодно. Вотъ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Францъ! рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

Францъ.

Чего мнѣ бояться? Пожалуй я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голосъ мой не дрожитъ, и языкъ поворачивается.

Ротенфельдъ.

Посмотримъ, посмотримъ. Ну, начинай.

Францъ *(поетъ)*.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму;
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердцѣ врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовію,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровію
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву Паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coelum, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ, его угроза
Поражала Мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Ротенфельдъ.

Славная пѣсня; да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ ли чего повеселѣе?

Францъ.

Извольте; есть и повеселѣе.

Ротенфельдъ.

Люблю за то, что не унываетъ. Вотъ тебѣ кубокъ вина.

Францъ.

Воротился ночью мѣльникъ...
Жонка! Что за сапоги?—
Ахъ, ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутитъ тебя лукавой?
Это ведра.—Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ.

Рыцари.

Славная пѣсня! прекрасная пѣсня. Ай да Францъ!

Ротенфельдъ.

А все таки тебя повѣшу.

Рыцари.

Конечно; пѣсня пѣснію, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

Клотильда.

Рыцари, я имѣю просьбу до васъ; обѣщайтесь не отказать.

Рыцари.

Что изволите приказать?

Одинъ.

Мы готовы во всемъ повиноваться.

Клотильда.

Нельзя-ль помиловать этаго бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной и страхомъ висѣлицы.

Ротенфельдъ.

Помиловать его!... Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра-же взбунтуются опять.

Клотильда.

Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда-ли что если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтовать не станешь?

Францъ *(въ чрезвычайномъ смущеніи)*.

Сударыня... сударыня....

Одинъ Рыцарь.

Ну Ротенфельдъ, чего дама требуетъ, въ томъ рыцарь отказать не можетъ. Надобно его помиловать.

Всѣ рыцари.

Надобно его помиловать.

Ротенфельдъ.

Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нее не выйдетъ, пока стѣны зáмка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

Рыцари.

Быть такъ....

Клотильда.

Однако....

Ротенфельдъ.

Клотильда, я далъ честное слово.

Францъ.

Какъ! вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть.

Ротенфельдъ.

Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню.... *(Франца ведутъ).*

Францъ *(уходя).*

Однако-жь я ей обязанъ жизнію.

А. Пушкинъ.

С. П. бургъ 1837, 28 Апрѣля.

О БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДІИ ДАНТА АЛИГІЕРИ.

Въ Римѣ, неожиданно случилось намъ прочесть книгу, уже довольно рѣдкую, по словамъ библіофиловъ, хотя напечатанную въ началѣ XIX-го вѣка, подъ заглавіемъ: Lettera sopra un antio Testo a penua della Divina Commedia di Dante, con alcuni annotazioni su le variante lezioni e su le postille del medesimo. Roma, 1801.—Въ Италіи весьма немногіе читали ее, а у насъ вѣроятно никто: посему намъ показалось не излишнимъ изложить въ немногихъ страницахъ свѣдѣнія новыя и довольно важныя о Дантовой поэмѣ, которыя въ ней заключаются съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, взятыхъ изъ старыхъ сборниковъ, нынѣ почти забытыхъ.

Авторъ письма о Дантѣ, Абатъ Giustino da Costanzo, назначенный въ 1800 г. настоятелемъ знамени-

таго монастыря Венедиктиновъ, на Monte Cassino, (сего славнѣйшаго хранилища наукъ во времена междоусобныхъ распрей), нашелъ въ брошенныхъ и неразобранныхъ связкахъ, копію «Божественной Комедіи», на бумагѣ, писанную вѣроятно до конца XIII-го столѣтія и до Бенвенуто да Имола, считающагося первымъ комментаторомъ Данта, что доказывается примѣчаніемъ къ тому стиху, (см. Purgatorio, canto 20, V 67) гдѣ поэтъ говоритъ объ св. Ѳомѣ d'Aquino: Fecit (Карлъ Анжуйскій) venerari s. Thomasium d' Aquino in abatia fossae novae in Campania, ubi hodie ejus corpus latus; а въ началѣ XIV-го вѣка мощи святаго уже были перенесены изъ Кампаніи въ Фонди. Другія отмѣтки служатъ къ подкрѣпленію того же мнѣнія; напр. комментаторъ говоритъ о разныхъ обрядахъ, какъ о современномъ, когда Франческо Дантъ, сынъ поэта, и Бенвенуто да Имола объ оныхъ же упоминаютъ, какъ о забытой старинѣ.

Правдоподобно, что эта копія писана при жизни поэта: въ текстѣ находятъ много ошибокъ, но примѣчанія весьма любопытны въ историческомъ отношеніи; стихи писаны посереди страницы очень связно; съ обѣихъ сторонъ широкія поля, покрытыя Латинскими приписками, разныхъ временъ, но не позже начала XVI-го вѣка. Въ концѣ этой палеографической драгоцѣнности, помѣщены двѣ главы, писанныя стихами, первая Яковомъ, третьимъ сыномъ Данта Алигіери; вторая современникомъ Bosone da

Gubbio, которыя, та и другая, нечто иное какъ жалкій перечнь о сей «Божественной Комедіи» (*).

Трудно рѣшить, кто былъ болѣе преслѣдуемъ: самъ авторъ или его твореніе. Нашелся одинъ монахъ, и не болѣе 50-ти лѣтъ тому, который издалъ диссертацію о томъ, что Дантова поэма сочинена въ 1411 году, неизвѣстнымъ *еретикомъ Виклефовой секты.* Онъ же утверждалъ, что Энеида, произведеніе монашескихъ досуговъ XIII-го вѣка, что Эней некто иной какъ Спаситель, а Турнъ олицетворенный Старый завѣтъ.

Одинъ стихъ Данта объ Гуго Капетѣ вооружилъ противъ него всю Францію, тогда еще монархическую:

Figluol fui d'un Beccajo (**) di Parigi.

Сравненіе вѣроятно метафорическое, по мнѣнію Маффеи; сынъ мясника здѣсь значитъ сынъ кровожаднаго человѣка, каковъ былъ отецъ Гуга. Однако за это возстали на поэта не одни только современники и есть книга умнаго Стефана Pasquier: De la fatalité qu'il y eut en la ligne de Capet, au préjudice de celle de Charlemagne et contre la sotte opinion de Dante, poëte italien qui estime que Capet était issu d'un boucher.

(*) Начало 2-й главы:

Nel mezzo del camin di nostra vita
Trenta cinque anni, s'intende vivendo,
Se prima per altrui non c'è impedita.

(**) Мясникъ (Purgatorio canto XX V 52).

Теперь представляется вопросъ откуда Дантъ взялъ мысль своей поэмы? Въ теченіи прошедшаго столѣтія, многіе филологи думали, что система раздѣленія ада, чистилица и рая имъ заимствована изъ романа о рыцарѣ Герино ди Дураццо, прозваннаго il Meschino (*), считавшагося тогда твореніемъ неподражаемымъ. Но гораздо вѣрнѣе можно сказать, что Дантовы религіозныя понятія были всеобщими въ его вѣкѣ, и еслибъ онъ присвоилъ себѣ хоть что нибудь изъ этаго романа, то вѣрно-бъ оно было съ восторгомъ открыто Велисаріемъ Булгарини (жившимъ въ началѣ XVI-го вѣка) извѣстнымъ своими выходками противъ всякаго геніальнаго произведенія и стяжавшимъ титулъ защитника всѣхъ пошлыхъ трудовъ, надъ которыми монастырскіе переписчики теряли время и глаза.

Другое мнѣніе называетъ источникомъ поэму Il Tesoretto, сочиненіе Дантова учителя Брунетто Латини, но оттуда взято одно начало, а не основная идея. У Брунетто Латини, поэтъ также теряется въ дремучемъ лѣсѣ, гдѣ встрѣчаетъ истину и природу; путеводителемъ его не Виргилій, а Овидій. Въ отношеніи литтературномъ, твореніе не замѣчательное, писанное осьмисложными стихами, съ риѳмами попарно.

(*) Этотъ романъ принадлежитъ къ XII-му вѣку. Неизвѣстно какъ онъ первоначально написанъ, на Провансальскомъ или на Италіянскомъ языкѣ. Въ послѣдствіи былъ напечатанъ: Ystoria de Re Karlo et opera de Meschino, Venetiis 1477, и вскорѣ послѣ переведенъ поиспански и пофранцузски.

Есть еще предположеніе, опровергнутое учеными Тирабоски и Женгене, что Данту внушило первоначальную мыслъ зрѣлище представленное во Флоренціи, 1-го мая 1341 года. Надъ Арно былъ устроенъ театръ, гдѣ изображались адскія мученія. Современники отзываются объ нихъ съ ужасомъ, прибавляя что подъ конецъ спектакля, мостъ обрушился въ рѣку и большое число грѣшниковъ и чертей потонуло. Іезуитъ Поццетти весьма просто замѣчаетъ, что Дантъ не могъ видѣть этой піэсы, ибо съ 1302 года былъ изгнанъ изъ Флоренціи и что очеркъ его поэмы можно уже замѣтить въ его Vita nuova, писанной въ 1295 году. Сисмонди также вѣрно говоритъ, что скорѣе такое представленіе внушено чтеніемъ его 7-ми первыхъ пѣсенъ, которыя тогда уже были въ рукахъ у всѣхъ.

Перейдемъ теперь къ основательнѣйшей изо всѣхъ догадокъ. Абатъ Giustino da Costanzo думаетъ, что планъ «Божественной Комедіи» взятъ изъ Латинской рукописи XII-го вѣка, (*) на пергаментѣ, хранящейся въ архивѣ монастыря на Monte Cassino. Знаменитый Монфоконъ, говоря о библіотекѣ сей обители, призналъ древность этого манускрипта. Его заглавіе: Admirabilis Visio Alberici diaconis. Сей-то Алберикъ разсказываетъ какъ, имѣя 9 лѣтъ отъ роду, онъ почувствовалъ, что настаетъ его конецъ, лежалъ безъ чувствъ ровно 9 дней, въ продолженіи, которыхъ онъ имѣлъ слѣдующій сонъ или видѣніе.

(*) Между 1159 и 1181 г., не позже, ибо въ Хронологіи папъ и императоровъ означены послѣдними Александръ III и Генрихъ VI.

Ему казалось, что его понесла въ небо голубица; что тамъ апостолъ Петръ и два ангела, называвшіеся Эмануиломъ и Элосомъ, водили его по чистилищу, по аду, гдѣ видѣлъ онъ, какъ мучились грѣшники, что все было ему истолковано его вожатыми и что оттуда онъ былъ перенесенъ въ рай *семинебесный*, гдѣ могъ узрѣть жилища блаженныхъ. Все это въ видѣніи изложено кратко, въ 82 параграфахъ: мученія и радость вѣчная раздѣлены по степенямъ, какъ въ «Божественной Комедіи»; язычники, патріархи и некрещеныя дѣти равно помѣщены въ преддверіи ада, но не мучатся.

Въ 1295 г. Дантъ былъ отправленъ посланникомъ изъ Флоренціи въ Неаполь и дорога ему лежала мимо Monte Cassino; очень вѣроятно, что онъ зашелъ посмотрѣть столь прославленную библіотеку и могъ тогда прочесть разсказъ Алберика. Впрочемъ во всей южной Италіи имѣлись тогда копіи этаго видѣнія и въ нѣкоторыхъ церквахъ, въ Абруццахъ и въ Сабинѣ, построенныхъ до временъ Данта, изображены въ живописи явленія, заимствованныя изъ онаго. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, если не подражанія, то большаго сходства; Дантъ также перенесенъ въ небо только не голубицей, а орломъ; кровавое море, въ которое погружены смертоубійцы и жестокіе; тяжкіе свинцовые шлемы, надѣтые на лицемѣровъ; огненная рѣка и души, повергнутые туда съ моста, — всѣ этѣ картины встрѣчаются у Алберика, равно какъ и борьба поэта съ злыми духами и казнь грѣшни-

ковъ, сидѣвшихъ въ горячей смолѣ, которыхъ и тотъ и другой сравниваетъ съ жаренными мясомъ;

Алберикъ: Jn modum carnium excocti

Дантъ: J peccatori son lessi dolenti.

Въ другомъ мѣстѣ описаніе, какъ грѣшная душа по очищеніи, переходитъ въ жилище вѣчное совершенно одно и то же. Астрономическія понятія, по Птоломеевой системѣ, у нихъ одинаковы; они равно оставивъ землю, перенеслись въ луну, а оттуда, постепенно, во всѣ планеты до Сатурна, отколь достигаютъ эмпирея, гдѣ видятъ престолъ Всевышняго, окруженный ликомъ ангеловъ и архангеловъ и сонмомъ святыхъ пророковъ.

Видѣніе Алберика отрывисто, однообразно и безъ всякой поэзіи. Дантъ взялъ на себя оживить прозаической разсказъ: гордый Гибеллинъ присвоилъ себѣ откровеніе инока, но начерталъ чужія мысли своимъ огненнымъ перомъ. Почти тоже можно сказать объ VI-й пѣснѣ Энеиды.

«Божественная Комедія» начата экзаметрами и полатынѣ; (писать litteraliter нельзя было поиталіянски. это называлось vulgariter), но послѣ, боясь новыхъ преслѣдованій, какъ онъ самъ объясняется, Дантъ рѣшился писать in vulgare ed in rima. Языкъ его считается образцовымъ, кромѣ примѣси не мно-

гихъ Провансальскихъ словъ. Хотя еще въ XIV-мъ вѣкѣ, Алигіеріи поставленъ былъ наравнѣ съ классиками, что въ Пизѣ и Болоньѣ были публичныя чтенія его поэмы въ церквахъ и въ академіяхъ, гдѣ установили особенный курсъ для нея, однакоже предразсудокъ предпочитать Латинской языкъ былъ такъ вкорененъ, что даже въ 1529 г., Болонской магистръ философіи Ромулъ Амазей читалъ въ присутствіи папы Климента VII-го и Карла V-го, двѣ диссертаціи о невыгодѣ употреблять Италіанской языкъ въ высшей литтературѣ.

Вотъ какъ начиналась по Латынѣ поэма Данта:

Ultima regna canam, fluido contermine mundo,
Spiritibus qui lata palent, quae praemia solvunt
Pro meritis cujusque suis et caet.

А въ другой копіи:

Jnfera regna canam, medumque, imumque
Tribunal.

Первый переводъ былъ Латинскій и оконченъ во время Констанцкаго собора, прелатомъ Іоанномъ Сераваллe, епископомъ Фермскимъ и до сихъ поръ хранится въ Ватиканской библіотекѣ.

Всѣмъ извѣстно что заглавіе избранное авторомъ было: «La Commedia». Самъ онъ пишетъ къ Веронскому герцогу Can Grande изъ дома Скалигеровъ: Per tragoediam superiorem stilum induimus per comediam inferiorem, per elegiam stilum intelligimus mi-

serorum (*). Маркизъ Маффеи замѣчаетъ, что названіе комедія, даже у Римлянъ, означало слогъ средній; (выраженіе чисто схоластическое, напоминающее намъ то несчастное время, когда насъ учили Риторикѣ), что у Плинія Младшаго было два дома названные трагедіей и комедіей; первый построенъ на возвышеніи, второй въ долинѣ.

Слово «divina» прибавлено гораздо позже и то въ первоначальныхъ изданіяхъ (въ 1-й половинѣ XVI вѣка) мы видимъ безъ различія: «La Commedia» del divino Danto и «La Divina» commedia di Dante. Сей эпитетъ divina причинилъ большое негодованіе въ Римѣ, гдѣ Данта считали еретикомъ, попричинѣ другаго его творенія, о коемъ будемъ говорить ниже, и первое Римское изданіе «Божественной Комедіи» вышло только въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Папа Іоаннъ XXII (избранный въ 1316 г.) проклялъ память поэта и запретилъ читать его сочиненія, за то что въ его книгѣ «De jure monarchiae», упорный Гибеллинъ хотѣлъ подчинить папу власти императорской. Римскій легатъ кардиналъ del Pogetto требовалъ, чтобъ кости Алигіери были публично сожжены на позорномъ кострѣ, но къ счастію нашелъ всеобщее сопротивленіе. Рукопись «De jure monarchiae», хранящаяся въ Миланѣ, озна-

(*) Prose e Rime liriche di Dante. Venezia 1760.

чена въ каталогѣ, сочиненіемъ богоотступнымъ; первое изданіе оной вышло въ Базелѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

> Andreae Alciati jurec. clariss. de formula Rom. Imperii libellus. Accesserunt non dissimilis argumentis Dantis Florentini, de monarchia libri tres. Basileae. 1559.

Означая мѣста, откуда Дантъ могъ почерпнуть предметы вдохновенія, не будемъ слѣдовать примѣру многихъ комментаторовъ, которые думали этимъ набросить тѣнь на свѣтлую славу поэта: напротивъ сими изысканіями открывается бѣдность матеріаловъ и, когда мы сравнимъ «Влюбленнаго Роланда» (*) съ «Изступленнымъ Роландомъ» Аріоста; книгу Венедикта Акольти (**) съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ» а прежде всѣхъ видѣніе Алберика съ «Божественною Комедіею» нельзя не повторить что *мраморъ* былъ скуденъ, а *ваятели* велики (***).

К. Александръ Волконскій.

(*) «Orlando Innamorato», поэма Боіардо.

(**) «De bello a Christiarnis contra Barbaros gesto pro Christi sepulchro et Judæa recuperandis» откуда Тассъ взялъ матеріалы для своей поэмы.

(***) Принадлежащіе къ сей статьѣ два снимка съ почерка Божественной Комедіи и Видѣнія Алберика, изъ собранія рукописей Монтекассинскаго монастыря, будутъ приложены ко 2-й книжкѣ Современника уже находящейся въ печати.

ЧИСТЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Зажгись, моя полнощная лампада!
Гори опять какъ прежде предо мной;
Явись опять, начатая баллада,
Забытый трудъ, стиховъ не связный рой!
Другъ другу мы какъ будто-бъ не знакомы,
Не узнаетъ дѣтей своихъ отецъ.
Давно, давно, судьбой своей влекомый,
Отбросилъ пѣснь нахмуренный пѣвецъ,
И долго онъ подъ бременемъ заботы
Ходилъ съ тоской несносною въ груди,
Нося въ душѣ безчувствіе дремоты,
Въ уныніи, безъ цѣли впереди;
И тщетно онъ бѣжалъ за развлеченьемъ,
Его искалъ средь бальной духоты;
Не спасся онъ пустымъ самозабвеньемъ:
Онъ хладенъ былъ предъ взоромъ красоты,
Онъ засыпалъ на праздникахъ роскошныхъ

И хмѣль людей его не охмѣлялъ,
И плясокъ вихрь, и шумъ аккордовъ томныхъ,
И блескъ свѣчей его не забавлялъ.
Ему баловъ противно было дѣтство,
И свѣта шумъ, и свѣта пустота;
Поблекшихъ дѣвъ бездушное кокетство
И наглая людская суета.
И утомленъ движеньемъ и зѣвотой,
Безъ думъ, безъ чувствъ, какъ песъ онъ засыпалъ;
Но день вставалъ и съ новою заботой
Онъ какъ вчера несчастнаго встрѣчалъ.
Такъ день за днемъ, томимъ тоскою вѣчной
Я убивалъ дни юности моей,
Дни юности святой и скоротечной,
Дни счастія для избранныхъ людей.
Но вотъ на мигъ забота улетѣла
Но вотъ уже насталъ великій постъ:
Умолкло все, столица заговѣла,
Веселій бѣсъ поджалъ смиренно хвостъ.......
О что за рай!..... Мой трудъ, моя отрада,
Опятъ къ тебѣ съ игривою мечтой
Пришелъ пѣвецъ. Зажгись, моя лампада!
Гори опять какъ прежде предо мной!
Была пора: я полонъ былъ отваги,
Я полонъ былъ надеждъ, надеждъ златыхъ,
И думалъ я, что каждый клокъ бумаги,

Гдѣ пробѣжитъ гуляющій мой стихъ,
На славу мнѣ прославится предъ свѣтомъ,
Что перейдетъ онъ къ будущимъ вѣкамъ,
Что буду я сіяющимъ поэтомъ. . .
Такъ думалъ я . . не стыдъ признаться вамъ:
Ужъ много лѣтъ за многими лѣтами
Съ тѣхъ поръ прошло, и я ужъ не дитя;
Увѣренность съ счастливыми мечтами
Ужъ далеки; я скроменъ не шутя;
Свой бѣдный трудъ теперь судить я знаю:
Безвѣстность, мракъ, презрѣнье ждетъ его.
Зачѣмъ-же я сижу, тружусь, мараю
На страхъ людей, для срама своего? . . .
Такъ повелѣлъ Всевышній Повелитель,
Къ тому раба хотѣлъ Онъ присудить,
Такъ быть должно. . . . И можетъ-ли родитель
Свое дитя не холить, не любить,
За то что родилось среди страданій,
За то что жило, немощно оно,
И не даетъ блестящихъ ожиданій,
И умереть въ младенчествѣ должно? . . .
Вотъ отъ чего, мой трудъ, моя отрада,
Люблю тебя и холю я мечтой. . . .
Зажгись, моя полночная лампада!
Гори опять какъ прежде предо мной.

А. Лаголовъ.

ГОРЫ.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса.
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь съ грустной цѣпи тяготенья
Земная масса сорвалась,
И какъ въ порывѣ вдохновенья
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молній унеслась;
Рванулась выше, но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди;
И вотъ на тучахъ отдыхая

Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ:
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольный ринуться не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.

О горы, первыя ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ!
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ.
Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ какой-то робостью . . . а тамъ,
Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ.

В. Бенедиктовъ.

ПѢСНЬ О МАРКѢ ВИСКОНТИ.

(Посвящена другу Жуковскому).

Кровь! Кровь! Чей съ башнею зубчатой
Я вижу за́мокъ? Мрачный входъ
Въ струяхъ крови еще дымится;
Вокругъ него толпа тѣснится,
Кипитъ на площади народъ.

—

Несчастные! Иль заблужденье. . .
О нѣтъ! На шлемѣ, на щитахъ
Вотъ змѣй, онъ знакъ любви народной;
Мнѣ видъ знакомъ вашъ благородный,
Миланцы, что за вопль и страхъ?

—

Толпа волнуясь раздается,
Мнѣ ратникъ молча указалъ,
Закрывъ лицо въ тревожномъ страхѣ,
Что воинъ полумертвый, въ прахѣ
Весь облитъ кровью трепеталъ.

То Марко, въ битвахъ громовержецъ,
Умъ свѣтлый, онъ, кто Гвельфовъ кровь
Отъ бѣдъ Италіи спасая,
Такъ часто лилъ; звѣзда родная,
Ломбардовъ слава и любовь.

—

О плачте! тмится яркій пламень
Во взорѣ гаснущихъ очей,
Какъ солнце тмится въ мракѣ тучи;
Но все въ немъ дышетъ духъ могучій
Его погибшихъ славныхъ дней.

— —

Стыдъ вѣчный! . . . . . Повѣсть роковая
Звучитъ злодѣйствомъ вкругъ меня;
Сынъ брата, ближніе возстали,
Измѣну тайну ухищряли
Съ его убійцами родня.

—

Ты, другъ его! открой мнѣ тайну:
То правда-ль что въ немъ гордый духъ,
Невольно увлеченъ красою,
Плѣненъ былъ дѣвой молодою,
Какъ здѣсь носился чудный слухъ?
И ратникъ изъ толпы выходитъ;

На одного коня со мной
Въ слезахъ безмолвно онъ садится,
И конь дремучимъ боромъ мчится
И видитъ за́мокъ предъ собой.

—

Ворота настежъ, мостъ подъемный
Дрожитъ, нагнулся и падетъ,
Скрыпятъ колеса съ ихъ цѣпями,
Затворы рухнули предъ нами;
Но встрѣтить насъ ни кто нейдетъ.

—

Ни на дворѣ, ни въ переходахъ,
Ни въ цвѣтникахъ, ни гдѣ кругомъ
Не видно тѣни, всё томится;
Нѣтъ въ за́мкѣ жизни, даже мнится,
Что воздухъ безъ движенья въ немъ.

—

Сіяніе томное
Въ часъ вечера блещетъ
И въ стеклахъ разкрашенныхъ
Мелькая трепещетъ,
За дымными сводами
Теряясь въ дали

И блескъ тотъ отъ факела
Гробницы безвѣстной,
Гдѣ тихо покоится
Прахъ дѣвы прелестной,
Сіянье незримое
Жильцами земли.

—

Склонясь къ изголовію
Въ мечтаньи чудесномъ,
Она, роза бѣлая,
Лежитъ въ гробѣ тѣсномъ
Почти оживленная
Любовью святой.

—

На перси лилейныя
Спадая волною
Её какъ шелкъ волосы,
Всё тѣло собою
Одѣли и, кажутся
Покровъ золотой.

—

Улыбка небесная
Отъ устъ ея вѣетъ;
Фіялка стыдливая
Такъ въ полѣ свѣтлѣетъ,

*

Росою жемчужною,
Дрожащей на ней.

—

И взоръ ея дѣвственной
Смѣженъ тѣнью мирной,
Какъ взоръ сонныхъ ангеловъ
Въ ихъ нѣгѣ эфирной
И какъ бы желающій
Опять прежнихъ дней.

—

О! если, духъ избранный,
Слѣтишь ты изъ рая
Въ свое тѣло нѣжное,
Любовью пылая,
. . . .
. . . .

—

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но что за томный звукъ летитъ
Печальнаго, святаго пѣнья?
И вѣя къ намъ изъ отдаленья,
Въ уныломъ воздухѣ дрожитъ.

—

Всё ближе, ближе, ходятъ, ждутъ,
Уже пришельцы подъ стѣнами,
Ужь мостъ звучитъ подъ ихъ стопами;
Всё ближе, вотъ! идутъ, идутъ!

—

При тускломъ факеловъ огнѣ,
Въ ихъ клобукахъ въ одеждѣ черной,
Рядами и походкой ровной,
Идутъ монахи въ тишинѣ.

—

За ними въ эпанчахъ златыхъ,
Вотъ шесть вельможъ несущихъ тѣло
Вождя, чье имя такъ гремѣло,
И мертвый въ латахъ боевыхъ.

—

Въ безмолвіи они несли
Вождя подъ мрачный сводъ могильный;
Она прекрасная, онъ сильный
На вѣки въ гробъ одинъ легли.

Забрало подняли, и онъ
Какъ будто ожилъ дивной силой
И ликъ могучаго близъ милой,
Былъ вдругъ улыбкой озаренъ.

И. Козловъ.

22 Декабря, 1836.

СМЕРТЬ ЦАРЯ БОРИСА ѲЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ 1605 г. АПРѢЛЯ 13.

ЗОЛОТАЯ ПАЛАТА ВО ДВОРЦѢ.

Борисъ *сидитъ на престолѣ въ вѣнцѣ, со скипетромъ въ правой рукѣ. Подлѣ него сидитъ* Ѳеодоръ. *Около* Рынды *съ обнаженными сѣкирами. По стѣнамъ на скамьяхъ въ нѣсколько рядовъ бояре, думные и другіе. Посольской* дьякъ *вводитъ Шведскихъ пословъ.*

Дьякъ.

Государь, земли Свейскія и иныхъ, Карлъ, тебѣ благовѣрному государю Борису Ѳедоровичу, здравія желаетъ, чрезъ именитыхъ своихъ пословъ Карла Генрихсона, Юргена Клаусона и Ягана Юргенсона, которые здѣсь челомъ бьютъ, твоему царскому величеству.

Борисъ.

Благодарствую королю Карлу, и желаю знать объ его здравіи. *(Послы, послѣ извѣстныхъ обрядовъ, допускаются къ рукѣ).* Въ чемъ состоитъ причина именитаго посольства!

Дьякъ.

Его королевское величество, свѣдавъ о злобномъ умыслѣ противъ тебя твоего бѣглаго раба, и о вѣроломной пособи, кои подаетъ ему Литовской король Сигизмундъ, нарушая свой миръ и присягу съ тобою, предлагаетъ тебѣ, какъ вѣрной союзникъ и радѣтель, собственное свое войско для наказанія преступника и разрушенія козней вражескихъ.

Борисъ.

Скажи посламъ Свейскимъ, что я много благодарствую ихъ королю за его доброе предложеніе, и при случаѣ постараюсь отплатить ему такоюже пріязнію; но нужды въ чужой рати не имѣю. Было время, что Русское царство вдругъ, воевало и управлялось съ салтаномъ, Крымомъ, Литвою и Швеціею, такъ сй ли не управиться теперь съ однимъ мятежникомъ презрительнымъ? Пословъ наградить дарами, и пригласить къ нашему царскому столу сегодня.

Откланивается посламъ, которые выходятъ тѣмъ же порядкомъ вслѣдъ за посольскимъ дьякомъ. Къ Борису подходятъ два сановника.

Борисъ.

Петръ Шереметевъ и Афанасій Власьевъ! Поѣзжайте къ рати, скажите воеводамъ князьямъ Мстиславскому и Шуйскому мое гнѣвное слово. Сколько я доволенъ былъ ихъ прежней службою и побѣдою, столько теперь сѣтую за ихъ нелѣпыя дѣйствія. — Вмѣсто того, чтобы по горячимъ слѣдамъ идти за самозванцемъ, схватить его живаго или мертваго, что для нихъ было очень легко, они остались на мѣстѣ, какъ будто все дѣло сдѣлали, упустили изъ рукъ злодѣя. Такая оплошность и такое нерадѣніе непростительны. Какую же пользу принесла побѣда Добрынская, кровавые труды ратныхъ людей и ихъ собственные труды и раны? Никакой; ибо самозванецъ живетъ въ Путивлѣ и набираетъ себѣ новую рать. И простой народъ тамъ и здѣсь такое нестроеніе вводитъ въ соблазнъ, ибо какъ де при такихъ силахъ царскіе воеводы не могутъ управиться съ малочисленною сволочью. Теперь время всего дороже: Сигизмундъ и Крымской ханъ могутъ прислать ему помощь, и тогда постыдимся. Война продолжится, и драгоцѣнная кровь христіанская проліется даромъ. Къ пущему еще злу, что они теперь начали дѣлать? Судить и казнить жителей, вѣшать плѣнниковъ за измѣну и непокорность. Симъ возбуждается отчаяніе въ мятежникахъ, которые потому-то и не оставляютъ вора, даже его присуждаютъ держаться, и стараются набирать ему помощниковъ; ибо все равно имъ умирать съ нимъ или безъ него, а между тѣмъ все надѣются. Кто имъ приказывалъ казнить жителей,

которые виноваты только по глупости? Чѣмъ бы нашихъ собственныхъ измѣнниковъ, въ его станѣ находящихся, привлекать къ себѣ, какъ я наказывалъ въ послѣднiй разъ и обнадеживать прощенiемъ; ибо я не ищу теперь строгаго правосудiя, а желаю только прекратить скорѣе эту унизительную борьбу, которая наноситъ намъ стыдъ въ чужихъ государствахъ, а они вотъ что затѣяли! Скажите имъ, что не растрига мнѣ врагъ, а они, нерадивые и лѣнивые слуги. Приступили къ Рыльску, и построили передъ воротами висѣлицу, не обѣщая никому помилованiя, и требуя, чтобъ городъ сдался безъ всякаго условiя. Потомъ расположились отдыхать, жалѣя крови, не ко времени хвалясь милосердiемъ. Повторяю: скажите воеводамъ мое великое гнѣвное слово и погрозите имъ моею царскою опалою. Если я чрезъ двѣ недѣли не получу отъ нихъ извѣстiя о совершенномъ истребленiи злодѣйскаго скопища, о совершенномъ разсѣянiи вражiяго навожденiя, то самъ явлюсь въ полки, въ мигъ разрушу всѣ козни, всѣ козни... и тогда пусть не пѣняютъ на меня. Ступайте! Я слышалъ въ войскѣ, подъ Рыльскомъ оказался смертоносной мытъ: отвезите лекарства и наставленiе, какъ лечить сiю болѣзнь, которое отдастъ самъ начальникъ дворцоваго приказа. Ступайте.

Борисъ встаетъ, за нимъ всѣ бояре.

Посланные цѣлуютъ его руку и уходятъ.

Вы бояре пожалуйте теперь въ столовую палату къ обѣду, куда я сейчасъ буду для угощенiя Свей-

скихъ пословъ. Велите стольнику извѣстить меня здѣсь, когда тамъ все будетъ изготовлено.

Бояре съ поклонами выходятъ, а съ другой стороны показываются Марія и Ксенія.

Феодоръ.

Отпусти меня къ рати, батюшка! Позволь мнѣ сослужить тебѣ эту первую службу.

Марія.

Я давно такъ думала, Борисъ Феодоровичь, что надобъ было идти самому.

Борисъ.

Сильной Русской царь пойдетъ своею особою на какого-то бродягу! Это позоръ. Что сказали бы въ иноземныхъ государствахъ! Что подумалъ бы народъ въ прочей Россіи.

Марія.

О Господи! Когда все это кончится. Я часу спокойнаго не знаю.

Борисъ.

Да. Бояре выводятъ изъ терпѣнія и меня. Какъ со ста тысячами войска, довольнаго, сытаго, вооруженнаго не разсѣять этаго гнуснаго сбродища.

Феодоръ.

Какой стыдъ для Русскаго имени.

Марія.

Они не любятъ тебя, рады твоему несчастію, не употребляютъ никакого усилія, а можетъ быть и

между ними завелась измѣна; можетъ быть и они хотятъ предаться вору . . .

Борисъ.

Какъ можно! побродягѣ, безродному, неизвѣстному?

Марія.

Кому-нибудь да не тебѣ.

Борисъ.

Такъ они не сталибъ медлить! нѣтъ, это невозможно. Тамъ столько есть нашихъ родственниковъ! Нѣтъ, это только лѣность, оплошность: успѣемъ, не стоитъ труда! долго ли это сдѣлать! вотъ какъ они разсуждаютъ, по свойству нашего народа.

Марія.

Теперь они разсердятся за твои угрозы, и еще надѣлаютъ какого зла. И такая ли пора теперь, чтобъ биться. Слякоть, дождь, грязь, особливо въ Украйнѣ. Не обождать ли?

Борисъ.

Нѣтъ. Я хочу кончить это скорѣе, во что бы то ни стало.

(Входитъ стольникъ).

Стольникъ.

Все приготовлено, великій государь, и бояре стоятъ по своимъ мѣстамъ.

Борисъ.

Идемте, друзья мои.

(Выходитъ съ супругой и дѣтьми).

СТОЛОВАЯ ПАЛАТА.

Посрединѣ возвышенное мѣсто съ тремя ступенями для царя и его семейства. Передъ нимъ золотой столъ. По сторонамъ столы накрытые, за которыми стоятъ бояре. На краю кривой столъ для пословъ, противъ нихъ стоитъ стольникъ. Въ углубленіи множество прислуживающихъ дворянъ. Шопотъ.

Князь Голицынъ *(къ сосѣду)*.

Видно плохо приходитъ. Въ рѣчи нѣтъ прежней гордости.

Князь Трубецкій.

А что врагъ?

Князь Голицынъ.

Опять силенъ. Слышалъ: Благому отрѣзали языкъ. Ты видѣлъ Сицкаго здѣсь?

Князь Трубецкій.

Видѣлъ.

Князъ Голицынъ.

А гдѣ онъ?

Князь Трубецкій.

Вонъ. Что онъ такъ оглядывается!

Дворяне.

Царь идетъ, царь идетъ.

Всѣ вдругъ умолкаютъ.

Борисъ входитъ съ семействомъ и садится на свое мѣсто, за ними и всѣ бояре. Дворяне по пар-

но подходятъ къ государю, и сдѣлавъ низкой поклонъ удаляются за кушаньями. Всѣ бояре пьютъ водку.

Борисъ *разсылаетъ ломти хлѣба, громко приказывая:*

Князю Θеодору Михайловичу Трубецкому, Князю Андрею Ивановичу Голицыну.

Бояре встаютъ. Дворяне разносятъ ломти со словами: Царь государь и великій князь всея Руси Борисъ Θеодоровичъ жалуетъ тебѣ своему боярину.—*Между тѣмъ дворяне подносятъ яства къ царю и потомъ разносятъ по столамъ.*

Борисъ.

Какой санной путь у насъ стоитъ.

Князь Шуйской.

Давно ужъ такой долгой зимы небывало.

Борисъ.

Теперь если дружная весна, то хлѣбъ взойдетъ, славно.

Князь Трубецкій.

Пора быть хорошему урожаю: столько времени былъ голодъ.

Князь Голицынъ.

Мы голода нечувствовали, благодаря попеченіямъ нашего надежи-государя.

Князь Щербатовъ.

Всего было вдоволь подъ высокимъ его покровомъ.

Борисъ.

А простой народъ по селеніямъ! Нѣтъ, Богъ посѣтилъ насъ своимъ гнѣвомъ.

Князь Голицынъ.

За то на голодѣ явились дѣла царскія! Казны не жалѣлъ своей великій государь: всѣхъ бѣдныхъ кормилъ на свои собственныя деньги, постороннимъ разсылалъ; Богъ наградитъ за добрую душу. А какая слава по царству ходитъ, и въ иноземныхъ государствахъ.

Борисъ.

Весною пріѣдутъ, къ намъ нынѣ Ганзейцы съ товарами.

Князь Трубецкій.

Весною и рати нашей будетъ ловчѣе справиться съ воромъ.

Князь Шуйской.

Объ немъ, что и думать. Рати его царскаго величества по мудрымъ его урядамъ завоюютъ, хоть вновь цѣлое какое государство.

Борисъ.

Нѣтъ. Я недоволенъ воеводами, они задлили дѣло.

Князь Щербатовъ.

Что такое сдѣлалось съ ними. Кажется, еслибъ слышали они теперь царской гнѣвъ, то на ножъ бы бросались, чтобъ вновь заслужить милость.

Князь Шуйскій.

Царь государь послалъ имъ нынѣ гнѣвное слово.

Князь Голицынъ.

Такъ вотъ злодѣю и конецъ! Только его и было! А нашему благочестивому государю Борису Ѳеодоровичу многія лѣта...

У Бориса вдругъ выпадаетъ изъ рукъ кубокъ. Онъ блѣднѣетъ, шатается, и склоняется на сторону крича:

Тошно, тошно!..

Марія вскакиваетъ съ мѣста и подбѣгаетъ къ нему. Дѣти также.

Что у тебя? Что у тебя?

Ксенія и Ѳеодоръ.

Родитель мой! Родитель мой! Что такое!..

Всеобщее смятеніе. Всѣ бояре встаютъ изъ-за стола и толпятся около царскаго мѣста. У Бориса хлынула кровь.

Борисъ.

Кровь! кровь! Голова кружится, все вверхъ дномъ.. патріарха!..

Марія

Бѣгите, бѣгите скорѣй за нимъ.

Ксенія и Ѳеодоръ *(съ воплемъ).*

Приведите Нѣмецкаго лекаря.

Нѣсколько бояръ выходятъ поспѣшно. Шумъ.

Марія, *(держа за голову своего супруга.)*

Ему нуженъ покой... выйдите, бояре, пождите тамъ... Семенъ Никитичъ, Григорій Васильичъ, вы останьтеся!.. *(Бояре выходятъ.)*

Борисъ *(приподымая голову.)*

Кровь унялась! . .

Марія *(трепещущимъ голосомъ.)*

Не ядъ ли? . .

Борисъ.

Нѣтъ — нѣтъ такъ, обморокъ. Пройдетъ. *(Поводитъ глазами.)* Вы здѣсь дѣти мои! Небойтесь! Поцѣлуйте меня! Вы ужь плачете. Ахъ . . .

Ксенія и Феодоръ, *(бросаются и осыпаютъ его поцѣлуями.)*

Борисъ.

Марья Григорьевна! И ты другъ мой! — Отведите меня отсюда, туда къ образу . . .

Его отводятъ и сажаютъ въ кресла при помощи бояръ. Онъ опять погружается въ безпамятство. Приходитъ докторъ.

Марія.

Батюшка! родной! помоги! всей казны своей тебѣ не пожалѣю. Проси, чего хочешь.

Докторъ осматриваетъ больнаго.

Ксенія и Феодоръ.

Останется ли онъ живъ? скажи, скажи!

Докторъ *(тихо Маріи).*

Опасность великая. Не могу ручаться.

Употребляетъ разныя врачебныя средства чтобы привести его въ чувства.

Марія.

Царица Небесная! Помоги!

Ѳеодоръ и Ксенія *(бросаются на колѣни).*

Боже! Боже мой! Смилуйся, сохрани, сохрани намъ его!..

Входитъ патріархъ Іовъ.

Борисъ *(открываетъ глаза и видитъ).*

Ахъ отецъ! Ты здѣсь. Тебя ждала душа... умираю...

Ксенія *(вскрикиваетъ).*

Господи!

Марія

За что Ты насъ такъ наказываешь.

Борисъ *(продолжая).*

Бояръ... Думныхъ...

Іовъ даетъ знакъ С. Годунову, который въ двери зоветъ рукою бояръ. Тѣ входятъ съ знаками величайшей горести и становятся передъ Борисомъ.

Марія.

Пришли.

Борисъ.

Мало васъ... повѣряю тебѣ... тебѣ...

Поводитъ по всѣхъ смыкающимися глазами и, отворачиваясь тихо къ Іову:

Некому, некому изъ нихъ повѣрить моего сына, мою душу... Феодора. Они всѣ... Измѣна въ ихъ глазахъ. Но мнѣ лучше. Отецъ! Ко мнѣ! Выйдите всѣ... дожидайтесь тамъ!

Всѣ выходятъ кромѣ царицы и дѣтей.

Борисъ.

И вы! И вы!

Остается одинъ съ патріархомъ.

Борисъ.

Отецъ! Знаешь-ли? Не отравленъ-ли я?

Іовъ.

Какъ можно, нѣтъ. Нѣтъ.

Борисъ.

Охъ... но не сказывай этого женѣ, дѣтямъ. И такъ уже она... они будутъ бояться больше. Царь Небесный! За что? За что? — Но мнѣ не долго осталось жить. Пріими грѣхи мои: я любилъ власть ... былъ гордъ... мстителенъ. Погубилъ, можетъ быть, много невинныхъ по подозрѣнію. О да будетъ проклято оно! И меня будутъ подозрѣвать... Господи! Что я вижу предъ собою! Что я слышу! Адъ...

Іовъ.

Успокойся, Борисъ Феодоровичъ, успокойся! Твое воображеніе, взволнованное болѣзнію, представляетъ тебѣ такіе ужасы.

*

Борисъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не воображеніе. И теперь ужь... а придетъ онъ, страшное имя. Ему вѣрятъ, вѣрятъ, стало быть, что хотѣлъ убить... послѣ... мои враги... обстоятельства стекаются... на мою голову... я пренебрегалъ... меня будутъ клясть... оправдай меня, отецъ святый, другъ мой! Напиши, напиши, обѣщай. Тебѣ открыта душа моя. Но гдѣжъ они, мои дѣти! За чѣмъ ихъ нѣтъ со мною, подлѣ меня... Что будетъ съ ними!

Іовъ.

Ты велѣлъ имъ выйдти. *(Даетъ знакъ въ двери).*

Борисъ *(продолжаетъ въ безпамятствѣ)*

Нѣтъ. Безъ нихъ мнѣ нельзя.... Ѳеодоръ!.. Нѣтъ! Откажись... уѣзжайте... далеко... въ тиши... тамъ счастіе... не на престолѣ, я съ вами.

Марія, Ксенія и Ѳеодоръ *(входятъ тихо).*

Что онъ?

Что онъ?

Іовъ *(вздыхаетъ и указываетъ на небо).*

Онъ былъ все въ памяти, но теперь...

Борисъ *(продолжаетъ въ безпамятствѣ).*

Другъ мой, Ѳеденька! Прижмись, прижмись, крѣпче ко мнѣ. Всѣ, всѣ... со мной, въ одномъ гробу... не пущу.

Ксенья и Ѳеодоръ.

Мы готовы возми насъ! Возми насъ.

Марія *(ломаетъ себѣ руки).*

Борисъ *(вдругъ опамятовавшись поднимаетъ голову и говоритъ).*

А тверда-ли голова! Нѣтъ. Есть средства спасти Гдѣ бояре?

Іовъ.

Сей часъ войдутъ.

Марія *(бросившись къ нему).*

Не безпокойся. Богъ милосердъ.

Борисъ.

Не ко мнѣ. *(Оборотившись къ вошедшимъ боярамъ.)* Я умираю. Вотъ вашъ государь, законный наслѣдникъ... присягайте ему. Повелѣваю вамъ великимъ своимъ словомъ, въ послѣдній разъ въ своей жизни, идя ко Господу, я вѣнчанный, Богоизбранный вашъ Царь. — Отче Патріархъ! Приведи ихъ къ присягѣ... *(Патріархъ начинаетъ читать присягу. Всѣ поднявъ руки повторяютъ за нимъ слова, и цѣлуютъ потомъ крестъ.)* Клянитесь служить ему вѣрой и правдой, нейдти къ самозванцу ... не стараться избывать его, повиноваться ему. Надѣньте вѣнецъ на главу его!

На Феодора патріархъ надѣваетъ вѣнецъ.

Борисъ *(смотритъ на него въ это время.)*

О мой царь! Будь... счастливѣе меня. *(Обращаясь къ боярамъ.)* Я вамъ прощаю за ... за все. Богъ съ вами. *(съ умиленіемъ.)* Но ради самаго Отца Небеснаго, ради Христа, молю васъ, припадаю къ ногамъ вашимъ, не какъ государь, какъ вашъ

братъ, человѣкъ... страдалецъ, не погубите моего сына, какъ... мою дочь, вдову. Взгляните: это ангелъ чистой, непорочной. Онъ будетъ служить, радѣть вамъ, строить ваше счастіе. О не погубите ихъ. Что они вамъ сдѣлали; попомните мои труды. Двадцать лѣтъ!.. Обѣщайте мнѣ.

Всѣ бояре кланяются, одни крестятся, другіе отираютъ слезы.

Борисъ.

Басманова послать къ войску. Скорѣе стереть съ лица земли... Можетъ быть Богъ посылалъ это привидѣніе наказать меня, и отженетъ его отъ невиннаго агнца. Можно, лишь было бъ усердіе. Но силы меня оставляютъ... еще разъ: все вамъ прощаю, все, не пожалуюсь теперь на васъ Господу, только не погубите ихъ. Богъ накажетъ клятвопреступниковъ. У васъ у самихъ есть дѣти.

Простите и вы въ чемъ я согрѣшилъ предъ вами словомъ, дѣломъ... какъ же быть... и мы люди, слабые... Я желалъ добра Русской землѣ, свидѣтель Богъ въ послѣдній мой часъ. *(Останавливается. Всѣ предстоящіе плачутъ.)* Господи! подкрѣпи меня еще немного. Ѳеодоръ! Ты царь! Послушай своего отца... умирающаго... Великое бремя ты поднимаешь на себя. Счастіе тысячей и тысячей отъ тебя зависятъ, и всякая слезинка, пролитая въ хижинѣ послѣднимъ твоимъ подданнымъ, взыщется на тебѣ въ день судный. Будь милосердъ... благоразуменъ... твердъ... не гордись, не подозрѣвай, не подозрѣвай. Торопись дѣлать добро, медли

наказывать, люби науку... учи народъ, прости ссыльныхъ. Награди Романовыхъ, Бѣльскаго. — О какъ бы я желалъ тебѣ передать теперь весь опытъ свой, снисканный такою дорогою цѣною... Не могу... Но ты будешь лучше меня. Ангельское твое сердце укажетъ тебѣ путь лучше всякой человѣческой мудрости. *(Останавливается. Испускаетъ тяжелый вздохъ, и обращается къ царицѣ.)* Марья Григорьевна, прости! правду говорила ты мнѣ. Виноватъ я предъ вами!

Марія.

Что ты, другъ мой! Отецъ мой! Тебѣ ли быть виноватымъ предъ нами!

Ксенія и Өеодоръ *(бросаются къ нему и лобызаютъ).*

Родитель мой! Родитель мой! Господи! оставь, оставь...

Борисъ.

Свѣтъ тмится въ очахъ. О, чего желалъ я? Что вамъ приготовилъ? Гдѣ они? гдѣ Өеодоръ? Ко мнѣ! гдѣ ты?

Өеодоръ.

Здѣсь, здѣсь на твоемъ сердцѣ. Я умру вмѣстѣ съ тобою...

Марія.

На кого ты насъ сиротъ покидаешь!..

Борисъ.

Дай я еще поцѣлую тебя. Ксенія, Марія Григорьевна! поцѣлуйте, простите... Всѣ, вдругъ... *(Ловитъ руками.)* Ужъ я васъ не различаю. Отче! сподоби меня пріять святый образъ!—Простите.. благословляю! *(Умираетъ.)*

Марія, Ксенія *и* Өеодоръ *съ воплемъ бросаются къ нему. Патріархъ оканчиваетъ молитву и приказываетъ вынести тѣло. Нѣкоторые бояре выносятъ.*

Князь Шуйской, *(къ князю Сицкому, утирая глаза).*

Не ужели твой грѣхъ?

Князь Сицкой.

Нѣтъ, ей Богу! нѣтъ.

Князь Шуйской.

Такъ стало судьба Господня!

Входитъ Стольникъ.

Патріархъ зоветъ васъ прибирать тѣло.

Всѣ за ними уходятъ.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Марія, Θеодоръ и Ксенія.

Марія.

Ты нынѣ еще печальнѣе, моя Ксенія.

Ксенія.

Ахъ матушка! Какой сонъ мнѣ привидѣлся, вся душа взволновалася.

Θеодоръ.

И я всякую ночь вижу такіе сны.

Ксенія.

Я была съ батюшкой, тобою, братцомъ въ Борисовомъ городкѣ. Мы гуляли по зеленому лугу, берегомъ надъ рѣкою, рвали цвѣты. Тамъ было хорошо. День теплой, солнышко блистало. Тихо. Въ сторонѣ косили сѣно, пѣли пѣсни. Батюшка говорилъ съ нами, разсказывалъ про все такъ сладко, такъ сладко. Оттуда, заѣзжали молиться Богу въ Савинъ монастырь. Но я проснулась и . . . *(Заливается слезами.)*

Θеодоръ.

Ахъ еслибъ и мнѣ увидѣть его также. Но у меня все страшные сны.

Марія.

Гдѣ онъ теперь мой голубчикъ! Чувствуетъ ли его сердце, какъ мы объ немъ грустимъ и тоскуемъ.

Ксенія.

Сохрани его отъ того Господи.

Өеодоръ.

Онъ здѣсь страдалъ. Пусть онъ тамъ успокоится. Еслибъ онъ зналъ о нашей жизни, то сердце его надрывалось бы пуще, и онъ умиралъ бы по всякой часъ.

Марія.

Какъ ему тяжело было разлучиться съ нами. Господи! Онъ кажется умиралъ, не собою, а нами; какъ онъ насъ любилъ, лелеялъ.—Скоро ли я соединюсь съ тобою опять, о мой другъ, о мой благодѣтель! Когда я скажу тебѣ, сколько и я люблю тебя, сколько благодарю тебя за счастіе, тобою намъ дарованное! Ахъ! и мы были счастливы... *(плачетъ)*.

Ксенія и Өеодоръ.

Матушка! Матушка! *(Бросаются къ ней на шею и всѣ вмѣстѣ заливаются слезами.)*

Входитъ патріархъ Іовъ.

Вы все стенаете, дѣти мои! Успокойтесь! Господь низпосылаетъ несчастія человѣку для искушеній его души. Съ вѣрою и любовію должны мы принимать всякое его наказаніе, а отчаяніе есть смертной грѣхъ. Марія Григорьевна! приди въ себя.

Марія.

Не въ силахъ, не въ силахъ, отецъ святой. Съ того часа, какъ я положила во гробъ своего *(опять заливается)* Бориса Өеодоровича, я не помню себя, шатаюсь какъ стѣнь... Свѣтъ Божій постылъ мнѣ, и ни на что-бъ я не смотрѣла...

Іовъ.

Но у тебя есть дѣти. Подумай объ нихъ, объ сиротахъ своихъ. Борисъ Θеодоровичъ поручилъ ихъ тебѣ. Не гнѣвай его, подкрѣпляй ихъ.

Марія.

Не могу, не могу выговорить ни одного утѣшительнаго слова. Нѣтъ его у меня, нѣтъ ни одного такого слова.

Θеодоръ.

Не чѣмъ утѣшать насъ, владыко святой... безъ утѣшителя.—

Ксенія.

Къ нему бы.. Вотъ наше утѣшеніе!

Марія.

И сердце предвѣщаетъ мнѣ свиданіе. Я какъ будто протягиваю ужь руки, чтобъ обнять его. Только-бъ вмѣстѣ всѣмъ...

Θеодоръ.

Всѣмъ—о, разумѣется всѣмъ!...

Іовъ.

Но вспомни, сынъ мой: ты царь. Ты долженъ помышлять о своихъ подданныхъ, не о себѣ; ты принадлежишь имъ, не себѣ. Родитель твой при жизни еще хотѣлъ поставить тебя на сію чреду, предъ смертію возложилъ на тебя вѣнецъ. Займись дѣлами. Помнишь, какъ ты имъ радовался.

Ѳеодоръ.

О тогда, при немъ... А теперь, что я могу дѣлать. Пусть учреждаютъ, какъ хотятъ, бояре.

Іовъ.

Но вотъ уже прошли сорокъ дней, ты долженъ принять державу въ свои руки; береги же свое здравіе. Господь исцѣляетъ сердечныя раны, повѣрь старцу, и когда ты будешь шествовать по стопамъ твоего родителя, исполняя его предначертанія и наставленія, и будешь управлять землею Русскою съ честію и славою; тогда сердце его на небеси возрадуется о тебѣ и возвеселится, и онъ тамъ, а вы здѣсь, пріимите мзду свою за прежнія страданія, на васъ въ нынѣшнюю лютую годину низпосланныя, въ надеждѣ на радостное по смерти свиданіе, еже на небеси. Вотъ чѣмъ только можете вознаградиться за всѣ свои страданія, вотъ чѣмъ можешь ты возблагодарить его за великую любовь къ тебѣ, безпримѣрную, даже грѣшную.

Марія.

Нѣтъ, отецъ святый. Не надѣюсь я на спокойное ему царствованіе: бояре можетъ быть совѣстятся еще теперь, связанные недавнею присягою; но не будутъ они повиноваться отроку, когда Бориса Ѳеодоровича низвели въ могилу. Господи! на какой высотѣ стоялъ онъ! и онъ упалъ... Суета суетъ и всяческая суета!

Іовъ.

Богъ милостивъ. Напрасно такъ ты отчаяваешься, Марья Григорьевна, въ будущемъ времени. Здѣсь

не примѣтно никакого злоумышленія. Гонцовъ съ подмѣтными грамотами перехватываютъ. Лишь только бъ Басмановъ избавилъ насъ отъ этого сопостата! А ему съ его искусствомъ, доблестію и такимъ многочисленнымъ войскомъ совершить сіе не трудно, и тогда всѣ ваши недоброжелатели даже укротятся; державный сынъ твой сядетъ на престолѣ еще крѣпче своего родителя, въ исполненіе горячайшаго его желанія и къ счастію народа православнаго.

Марія.

Но вотъ сколько времени прошло, а нѣтъ никакого извѣстія изъ рати.

Іовъ.

Да. Это правда. Давно пора бы.

Марія.

Я боюсь, что она...

Входятъ Князь Катыревъ и Телятевскій.

Іовъ *(дая имъ благословеніе).*

Князь Михайла Петровичъ! Тебя ли вижу? Изъ рати? Какое извѣстіе привезъ ты? Сейчасъ только говорили мы объ васъ.

Пришедшіе взглядываютъ на царское семейство съ печалію, и закрываютъ лице руками.

Θеодоръ.

Говори, князь, говори.

Марія.

Не томи души.

Іовъ.

Что такое.

Князь Катыревъ.

Въ рати не доброе чинится.

Іовъ.

Какъ?

Марія.

Ну вотъ!

Князь Катыревъ.

Измѣнники оказались.

Іовъ.

Много?

Марія.

Всѣ?

Ѳеодоръ.

А Басмановъ?

Іовъ *(къ Маріи и дѣтямъ.)*

Съ чего вы это взяли? Марія Григорьевна, успокойтесь! Разскажи по порядку, князь Михайла Петровичъ?

Князь Катыревъ.

Сначала всѣ мы присягнули, собрались взять Кромы, гдѣ не оставалось уже никакихъ запасовъ.

Өеодоръ.

Гдѣ пять сотъ казаковъ оборонялись отъ семидесяти тысячь.

Князь Катыревъ *(продолжая.)*

Но все ходила по полкамъ молва: не на законнаго ли царя мы поднимаемъ руки. Больше всего сомнѣвались, отъ чего въ присягѣ тебѣ, государь, не названъ самозванецъ Отрепьевымъ, какъ прежде, а сказано только глухо: не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитріемъ. Стало быть прежде сказывали намъ сказку о разстригѣ. А о самозванцѣ говорили всѣ, какъ онъ чудно ни съ чѣмъ противъ такой силы держится, стало быть Богъ его невидимо охраняетъ, а царя Бориса наказываетъ, которому и смерть потому въ одночасье приключилась.

Іовъ.

Кто разсѣвалъ такіе слухи?

Князь Телятевскій.

Лазутчики.

Князь Катыревъ *(къ Өеодору)*.

Про тебя говорили: не быть счастья отъ наказаннаго Богомъ племени. Видно грѣховъ у нихъ или у ихъ отцевъ много, и прочее такое. Басмановъ и князь Голицынъ перехватили тогда, говорятъ, гонца самозванцова въ Кромы, гдѣ обманомъ было сказано о шедшей къ намъ подмогѣ, будто вслѣдъ за нею и самъ самозванецъ придетъ съ сорока тысячами Поляковъ, окромѣ Русскихъ людей. Наши воеводы испугались и рѣшились сдаться...

Вдругъ наканунѣ приступа, кто-то съ Нѣмцами и нашими пошелъ чрезъ рѣку на другую сторону, остановился на мосту, поднялъ вверхъ бумагу, и закричалъ: «вотъ грамота отъ нашего истиннаго царя, Димитрія Ивановича. Кто хочетъ служить ему иди къ намъ, на эту сторону, а кто останется на другомъ берегу, тотъ будетъ измѣнникомъ, Годуновскимъ холопомъ».—Сдѣлалось смятеніе и драка. До тысячи человѣкъ пало. Сторона ихъ одолѣла...

Марія.

И всѣ передались?

Князь Телятевскій.

Князь Иванъ Голицынъ ѣздилъ присягать отъ всѣхъ ратныхъ людей, и молить о прощеніи за долгое сопротивленіе отъ того-де, что не знали мы правды, и были обмануты. Всѣ отошли къ самозванцу, кромѣ насъ, пришедшихъ съ немногими полками.

Ѳеодоръ.

О добліе мои воеводы! Награди васъ Богъ за вашу неизмѣнную вѣрность.

Іовъ.

А кто этотъ первый, читавшій на мосту письмо?

Князь Телятевскій.

Иные говорятъ Басмановъ, другіе говорятъ не онъ.

Марія.

Басмановъ, на котораго Борисъ Ѳеодоровичъ столь-

ко надѣялся, котораго пожаловалъ такою великою милостію, и мы...

Іовъ.

Неисповѣдимы судьбы твои, Господи. Вся рать, сто тысячь, воеводы и Басмановъ предаются бродягѣ и обманщику.

Феодоръ.

Что же намъ теперь дѣлать здѣсь?

Іовъ.

Я не знаю ужь. Не могу найти никакого исхода спасенія. Въ Москвѣ все еще тихо.

Князь Катыревъ.

Нѣтъ, отче святый. Вчера еще я слышалъ, пріѣхали въ Красное село посланцы. Народъ волнуется по мѣстамъ. Ѣдучи сюда, я видѣлъ ужь по улицамъ....

Феодоръ.

Но мы оборонимся отъ измѣнниковъ. Я выйду къ нимъ съ вами, мои добліе воеводы. Мы защитимъ домъ пресвятой Богородицы, мы сохранимъ отъ грѣха первопрестольный нашъ градъ, мы разсѣемъ вражеское скопище, и пристыдимъ измѣнниковъ. *(Бросается цѣловать мать свою)*. Успокойся, матушка, сестрица! вы не увидите враговъ, я не допущу. Я защищу васъ — я покрою васъ тѣломъ своимъ. *(Къ воеводамъ)*. Ведите меня, мои вѣрные слуги...

Марія.

Куда ты, сынъ мой; тебя предадутъ живаго. Нѣтъ останься съ нами. Здѣсь дождемся мы рѣшенія судьбы своей. Она совершится скоро.....

Входятъ Князь В. Шуйской, Мстиславской.

Марія (*продолжая*).

А вотъ и вѣстники смерти. Что вы? Жертвы готовы. Но за чѣмъ же вы безъ ножей? —

Іовъ.

Марья Григорьевна! успокойся. Это думные бояре.

Марія.

Они — они.

Іовъ.

Вы слышали, бояре, о великомъ бѣдствіи отечества. Какія мѣры думаете вы принять для охраненія царскаго семейства? Что дѣлается въ Москвѣ.

Князь Шуйской.

Не доброе, не доброе, отче святый. Народъ волнуется. Въ Красное село давно пробрались отъ... отъ... Плещѣевъ съ увѣщаніями и грамотами: онъ обѣщаетъ въ нихъ разныя милости народу, боярамъ отчины, купцамъ льготы, ратникамъ жалованье; а въ случаѣ сопротивленія грозитъ не оставить камня на камени. Злодѣи возмутили сперва суконщиковъ, а потомъ словно огонь пробѣжалъ по соломѣ, все вспыхнуло. Всѣ кричатъ, что вѣрно онъ истинный государь, когда вся Россія уже предалась ему, и рати, и воеводы.

Князь Мстиславскій.

Самые смиренные граждане говорятъ, что должно отдаться ему, и бить челомъ: ибо защищаться не чѣмъ, у насъ нѣтъ ничего; а у него сила, не отдавать же Москвы на разореніе. Такъ видно Богъ велѣлъ за грѣхи наши.

Вбѣгаютъ нѣсколько бояръ.

Весь городъ возмутился. Отъ Краснаго села съ утра разсыпалися неистовыя толпы съ воплями: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ. Смерть и гибель его врагамъ! Въ Кремлѣ ужь рыскаетъ ихъ много.

Іовъ, *(къ боярамъ).*

Идите, идите къ нимъ на встрѣчу. Образумте ослѣпленныхъ. Напомните имъ присягу, спасите.

Слышанъ ужасной шумъ.

Князь Шуйской.

Мы пойдемъ. Но ручаться не можемъ. Кто остановитъ разъяренную чернь.

Князь Мстиславскій.

На твоихъ рукахъ оставляемъ царя. *(Уходитъ).*

Марія.

Слава Богу! приходитъ нашъ послѣдній часъ. Молитесь, дѣти!..

Шумъ увеличивается болѣе и болѣе, прибѣгаетъ бояринъ.

Спрячьтесь! спрячьтесь! Князь Мстиславскій велѣлъ вамъ сказать: народъ вломился въ палаты..

*

Іовъ.

Коль страшенъ ты во гнѣвѣ своемъ, Господи!

Нѣсколько голосовъ, слышно изъ дальнихъ комнатъ.

Гдѣ они? гдѣ враги нашего законнаго государя Дмитрія Ивановича! Гдѣ Годуновы? вотъ мы ихъ.

Марія.

Чу—слышите-ль! Здѣсь, здѣсь.—Дѣти мои! Прижмитесь ко мнѣ, вмѣстѣ. *(Сжимаютъ другъ друга въ объятіяхъ. Патріархъ держитъ надъ ними благословеніе).* Борисъ Ѳеодоровичь! всѣхъ приведу къ тебѣ въ цѣлости. Буди воля Господня . . .

Нѣсколько человѣкъ вбѣгаетъ.

А вотъ они, вотъ проклятое сѣмя, хотѣли извести государя нашего Дмитрія Ивановича! Но Богъ его спасъ. Держите ихъ до Молчанова.

Бросаются и раздѣляютъ ихъ. Другіе разсыпаются по другимъ комнатамъ. Марія напрасно силится выговорить слово. Ѳеодоръ борется.

Ксенія *(падая въ ноги).*

Не разлучайте насъ, убейте вмѣстѣ, вмѣстѣ, добрые люди!..

Іовъ.

Что вы дѣлаете, беззаконники! вы присягали ему. Это помазанный государь!

Мятежники.

У насъ государь Дмитрій Ивановичь.

Іовъ.

Обманщикъ.

Мятежникъ.

Какъ смѣешь ты, предатель! Братцы вонъ его, это первой другъ Годуновыхъ!

Нѣкоторые увлекаютъ его съ воплемъ, раздирая на немъ одежду. Шумъ.

Да скороли придетъ Молчановъ!

Другіе, остановившись у окошка.

Ребята! ребята! смотрите. Бочки выкачиваютъ! Смотрите, посадили патріарха-то на телегу, повезли, съ помеломъ, смотрите. — А это что бросаютъ изъ собора? А! Борискино тѣло! Вишь чернокнижникъ! Гдѣ вздумалъ лечь!

Феодоръ и Ксенія.

Ахъ! ..

Марія.

Господи помилуй! Господи помилуй!

Вбѣгаютъ Голицынъ, Шерефеддиновъ, Молчановъ, въ сопровожденіи многихъ стрѣльцевъ, и увидя произшедшее даютъ знакъ мятежникамъ, державшимъ Феодора. Тѣ замахиваются надъ нимъ. Онъ начинаетъ обороняться противъ четверыхъ.

Марія *(кричитъ видя его побои).*

Не мучьте, не мучьте его!

Одинъ стрѣлецъ толкаетъ ее въ грудь.

Молчи Малютино отродье!

Другой даетъ ударъ по головѣ, такъ что она падаетъ.

Ѳеодоръ, *(повергшись на землю).*

Матушка! Прощай! *(Умираетъ).*

Третій стрѣлецъ, замахиваясь въ то же время надъ Ксеніей.

А этой чтожъ оставаться!

Молчановъ *(удерживая его).*

Не тронь, не тронь! Она годится на поклонъ молодому нашему царю. Ведите ее ко мнѣ. *(Нѣсколько стрѣльцовъ ведутъ ее).*

Ксенія *(въ отчаяніи).*

Матушка! Слышала ли?

Марія, *(распростертая на землѣ приподнимаетъ голову).*

Этого недоставало... Борисъ Ѳедоровичь! Борисъ Ѳедоровичь! Съ какою вѣстію къ тебѣ!

Нѣсколько стрѣльцовъ, проходившихъ въ эту минуту чрезъ палаты:

Эта еще поетъ! Пришибите ее. *(Бьетъ).* Вотъ и мы сослужили службу нашему батюшкѣ царю! *(Разбѣгаются).*

Слышны громогласныя восклицанія.

Да вздравствуетъ царь нашъ Дмитрій Ивановичь! Да вздравствуетъ царь нашъ Дмитрій Ивановичь!...

Погодинъ.

1832.

Продолженіе этихъ сценъ, посвященное А. С. Пушкину, напечатано особо въ 1835 году *(Исторія въ лицахъ о Димитріѣ Самозванцѣ. Москва. 1835).*

ОСЕНЬ.

И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ,
Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ
И лучь его, въ зерцалѣ зыбкомъ водъ,
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ,
Росой затоплены равнины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, безмолвны небеса.

И вотъ Сентябрь! И вечеръ года къ намъ
Подходитъ: на поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры.
Подымется ненастливый Эолъ:
Предъ нимъ помчится прахъ летучій,

Качаяся завоетъ роща, долъ
    Покроетъ листъ ея падучій
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ, запѣнится рѣка!

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
    Прощай, прощай, краса природы,
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ
    Златочешуйчатыя воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
    Вотъ эхо въ рощахъ обнаженныхъ
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ,
    И скоро снѣгомъ убѣленныхъ
Своихъ холмовъ и рощей зимній видъ
Свинцовый токъ туманно отразитъ.

А между тѣмъ, досужій селянинъ
    Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
    Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ,
Гуляетъ серпъ; на сжатыхъ бороздахъ,
    Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ,
Иль тянутся вдоль жнивы на возахъ
    Подъ тяжкой ношею скрыпящихъ,
И хлѣбныхъ скирдъ, золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

Дни сельскаго святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага;
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага.
Съ семьей своей вкуситъ онъ безъ заботъ
Своихъ трудовъ благословенный плодъ.

А ты, когда вступаешь въ осень дней,
Оратай жизненнаго поля,
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды,
Твой дольній подвигъ награждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты.

Ты такъ же ли, какъ земледѣлъ богатъ?
Какъ онъ, и ты съ надеждой сѣялъ;
Какъ онъ, и ты о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ.

Любуйся же, гордись возставшимъ имъ!
Считай свои пріобрѣтенья....
Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ,
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей, обмановъ и обидъ.

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Извѣдана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Алкаемыхъ неопытнымъ тобой,
Сердечныхъ нѣгъ вкусивъ отраву,
Ты, можетъ быть, любовью міровой
Пылая, звалъ и вѣдалъ славу?
О для тебя уже призраковъ нѣтъ,
Ихъ разогналъ неодолимый свѣтъ!

Кругомъ себя взоръ отрезвѣлый ты
Съ недоумѣніемъ обводишь;
Гдѣ прежній міръ? Гдѣ міръ твоей мечты?
Гдѣ онъ! ты ищешь, не находишь!
Ты нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь—и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель!

Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

Но если бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ,
Вполнѣ торжественной и дикой;
Костями бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ зарыдавъ,
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его навѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ.

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ.
Спѣши, хозяинъ тароватый,
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ! Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ;
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души.

Какое-же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье;

Чѣмъ думъ и чувствъ не разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье;
Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ
Умъ, безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и позднихъ жалобъ въ немъ
Удушишь недостойный лепетъ,
И примешь въ грудь, какъ лучшій жизни кладъ,
Ты даръ его, мертвящій душу хладъ.

Иль отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя не вдали,
Вдругъ умиленной, вдругъ покорной,
Возмездій край благовѣстящимъ снамъ,
Довѣрясь чувствамъ обновленнымъ,
И бытія мятежнымъ голосамъ,
Всесильнымъ гласомъ, примиреннымъ,
Внимающій въ весельи и тиши,
Лучамъ небесъ раскрывшейся души,

Предъ Промысломъ оправданнымъ, ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ;
Знай, внутренней своей во вѣки ты
Не передашь земному звуку;

И темныхъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку;
Знай, дольная, иль горняя она
Намъ на землѣ не для земли дана.

Вотъ буйственно несется ураганъ,
И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной
И пѣнится, и ходитъ океанъ
И берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, дикій гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И страстный отзывъ въ ней находитъ,
Но высшаго понятія глаголъ
Долъ носится, не отзываясь долъ.

Пускай, принявъ неправильный полетъ,
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонный мракъ падетъ;
Пусть загорится въ нихъ другая.
Не явствуетъ землѣ ущербъ одной;
Не поражаетъ ухо міра
Далекаго ея паденья вой;
Какъ въ безпредѣльности эфира,
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ.

Зима идетъ, и тощая земля
    Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
    Златыми класами обилья
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
    Всѣ образы годины бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
    Однообразно ихъ покрывшей,
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Познай, тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

Е. Баратынскій.

ПЕТЕРБУРГЪ СЪ АДМИРАЛЬТЕЙСКОЙ БАШНИ.

(Къ * * *).

Не разъ мнѣ мысль, какъ сновидѣнья,
Выводитъ, стройной цѣпью, вновь
Дни юности и наслажденья,
Которыми кипѣла кровь;
Когда, я помню, легче птицы
Ширялъ высоко надъ землей
И, ослѣпленъ, ея границы
Терялъ изъ виду подъ собой;
Когда, чуть неба не касаясь,
Не смѣлъ я долу бросить взоръ,
Гдѣ, точно въ омутѣ вращаясь,
Чернѣлъ неистовый просторъ!
Но эти дни давно минули,
Какъ сновидѣнія прошли,
И канувъ въ вѣчность, потонули,
И я—не возношусь съ земли!...
Но если хочешь— вдругъ предъ нами

Осуществлятся эти сны:
Мы будемъ тамъ, подъ небесами,
Хоть крылья намъ и не даны!!
Вотъ башня! слѣдуй лишь за мною —
И градъ Великаго Петра
У нашихъ ногъ, а надъ главою—
Лазурь небеснаго шатра!
Взойдемъ!... Но вотъ уже гранита
Слѣдовъ не стало подъ ногой,
И тьма глубокая разлита;
Висишь какъ въ пропасти ночной!
Огня! огня! сюда скорѣе!
И снова свѣтъ предсталъ очамъ,
И дышетъ грудь моя вольнѣе...
То первой отдыхъ смѣльчакамъ!

Взгляни кругомъ: еще громады
Стѣсненныхъ высятся домовъ,
И гордые бросаютъ взгляды
На площади, верхи дерёвъ...
Какъ будто сомкнутой стѣною
Войска, въ порядкѣ боевомъ,
Стоятъ несмѣтною толпою
Передъ *колонною* вождемъ!

Теперь же, если можешь смѣло,
Взгляни на низъ! Какъ подъ стѣной

Все точно сплюснулось, осѣло
И какъ подъ крышею одной!
Изчезли зданья-исполины,
Чертоги знати, богачей!...
Лишь царскій памятникъ единый,
Да вѣковой дворецъ царей
Возносятъ величаво съ нами
Главы къ лазурнымъ высотамъ,
И царствуютъ подъ небесами
Одни,—какъ слѣдуетъ царямъ.

Но съ духомъ соберись и ближе
Взберемся къ небу, подышать,
Гдѣ ходятъ облака, сводъ ниже,
И мелкой птицѣ не летать...
Тяжелый трудъ!—Какъ непривычный
Съ трудомъ взбирается впервой
Матросъ на мачты: такъ, темничной
Окружены здѣсь темнотой,
И мы цѣпляемся, нѣтъ силы,
Рука мертвѣетъ, градомъ потъ...
Но путь нашъ конченъ: вотъ перилы —
Ахъ! дайте, грудь пусть привздохнетъ.
Какъ сладко здѣсь и какъ привольно,
Душѣ усталой подышать
И позабывъ вертепъ юдольной,
Небесный ароматъ впивать!...

И вотъ теперь, собравши силы,
И осѣнясь святымъ крестомъ,
Вспершись на крѣпкія перилы,
Взгляни безтрепетно кругомъ!....

О что за видъ очамъ поэта
Предсталъ и взоры приковалъ!
О дивный градъ! о чудо свѣта!
Тебя волшебникъ созидалъ!
Кто воспоетъ тебя достойно,
О градъ Великаго Петра,
Великолѣпный, дивно-стройной,
Восточныхъ вымысловъ игра!...
Стою какъ вкопанъ!—Предо мною,
Терассы стелются домовъ,
Какъ разцвѣченные весною
Ковры искуственныхъ садовъ;
А посреди ихъ величаво,
Какъ длинные кометъ хвосты,
Аллеи тянутся и лавой
Кипятъ народа въ нихъ толпы.
Тамъ далѣ, къ югу, видишь горы,
Которыя одѣла мгла,
И опоясываютъ боры?—
То выси *Царскаго Села!*
У ихъ подошвы, будто море

Играетъ чешуёй валовъ,
И разбивается въ напорѣ
Передъ царицей городовъ;
То жатвъ и сѣнокосовъ волны,
Гдѣ нѣкогда, Балтійскихъ водъ
Пучину разсѣкали челны,
И рыбій кочевалъ народъ.
А въ лѣво, гдѣ стоитъ твердыня
И золотой сіяетъ шпицъ,
Подъ коимъ Божія святыня
Хранитъ рядъ царственныхъ гробницъ,
Нева, въ объятьяхъ сладострастныхъ,
Сжимаетъ группу острововъ,
Великолѣпныхъ и прекрасныхъ
Убѣжищь, лѣтомъ отъ жаровъ.
Къ полночи жь, къ западу, дугою
Съ землей слилися небеса,
И только черною чертою
Въ туманѣ тянутся лѣса...
Напрасно тонетъ взоръ въ просторѣ—
Неизмѣрима даль!... Но въ ней,
Бѣлѣетъ что-то въ мглѣ... то море
Земли рубежъ безъ рубежей!...

О какъ ты, море, величаво,
И сколько благъ даришь собой!

*

Тобой цвѣтутъ и блещутъ славой
Державы, грады, родъ земной!
Навьюча рамена судами,
Во всѣ страны разносишь ты
Богатства, свѣтъ наукъ, съ дарами
Изящества и простоты!...
Тебя проникъ Великій Геній,
И обозрѣвъ даль и просторъ
Твоихъ пучинистыхъ владѣній,
Остановилъ внезапно взоръ...
И рекъ онъ: «здѣсь да будетъ городъ!»
И, мощной волею Петра,
Вотъ заходилъ народъ какъ воротъ,
И застучали топора̀!
И скиптроносною десницей,
Самъ, плотничій схвативъ топоръ,
Срубъ первый положилъ столицѣ,
Стихіямъ всѣмъ на перекоръ;
И силой творческой, въ мгновенье,
Болотный кряжъ окаменѣлъ,
Воздвигся градъ, — и, въ удивленьи,
Свѣтъ чудо новое узрѣлъ!—

Еще свѣжо такъ это время;
Едва столѣтье протекло,
И самыхъ очевидцевъ племя

Недавно со свѣту сошло:
Досель еще, какъ слѣдъ горячій,
Укажутъ многіе, гдѣ встарь
Стояли хижины рыбачьи;
И домикъ тотъ, въ которомъ Царь,
Небесъ извѣдывая тайны,
О благѣ царства помышлялъ,
И зиждя градъ необычайный,
Самъ планъ ему предначерталъ—
Досель еще стоитъ у брега
Быстротекущихъ Невскихъ водъ;
Отъ бурнаго временъ набѣга
Одѣтъ въ бревенчатый кивотъ. —

Что̀ еслибъ вдругъ теперь Ты ожилъ,
Великій Петръ! И бросилъ взглядъ,
Какъ Твой Праправнукъ блескъ умножилъ
И дивно Твой украсилъ градъ,
И какъ широко Онъ предѣлы
Раздвинулъ скипетромъ твоимъ;
Ты рекъ бы: «благо! Помыслъ смѣлый,
Какъ я желалъ, исполненъ имъ!»

В. Романовскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Веймаръ. Тифуртъ. Домъ и кабинетъ Гете. Письмо къ нему В. Скотта.

Препровождая къ вамъ письмо Валтеръ-Скотта къ Гете, списанное для меня въ Веймарѣ съ оригинала, я выписываю для «Современника» то, что въ журналѣ моемъ упомянуто о посѣщенiи Тифурта и городскаго дома Гете въ Веймарѣ съ канцлеромъ Мюллеромъ, другомъ и многолѣтнимъ его собесѣдникомъ, и съ Крейтеромъ, секретаремъ и хранителемъ бумагъ и книгъ Гете.

«$\frac{21}{9}$ *Іюня* 1836 *Веймаръ* (*)».

«Поутру отправился я съ канцлеромъ Мюллеромъ въ Тифуртъ, гдѣ я бывалъ нѣкогда съ мечтами и воспоминаніями, съ грустію по умершемъ братѣ и съ благодарностію къ *Той*, которая не чуждалась этой грусти.... *Она* все живитъ здѣсь и одушевляетъ, воскрешаетъ прошедшее, олицетворяетъ въ себѣ одной — Луизу и Амалію и о *Ней*, со временемъ скажетъ Веймаръ, какъ Россія о ея матери: «pertransiit benefaciendo.» Помню, что въ бесѣдкѣ, гдѣ Шиллеръ и Гердеръ любили и заставляли любить человѣчество, вырѣзалъ я на камнѣ нѣсколько словъ благодарности.

Мы вошли во дворъ скромнаго, сельскаго домика, гдѣ въ продолженіе болѣе 40 лѣтъ разцвѣталъ цвѣтъ Германской словесности, подъ благотворнымъ вліяніемъ просвѣщенной хозяйки-владычицы; гдѣ живалъ каждое лѣто Виландъ, гдѣ Гердеръ, Гете, Шиллеръ, Кнебель, собирались *мыслить вслухъ при дворѣ,* во услышаніе всей Европы и потомства; водворять въ Германіи владычество 18-го вѣка, поэзіи, философіи, прагматической исторіи человѣчества, и въ бесѣдахъ своихъ, въ сей академіи воз-

---

(*) *Я* писалъ это про себя, въ тиши трактирной коморки, Zum Erbprinzen, «не думая чувствовать и мыслить вслухъ», еще менѣе льстить дружбѣ, или вѣку, или Веймару и. . .

«Теперь—я лишь друзей хочу забавить.»

Александръ Тургеневъ.

рожденнаго германизма, воскрешать древнюю Грецію, измѣняя и возвышая ее христіанскою философіею. — Паганизмъ Виланда не чуждался ни библейской поэзіи Гердера и «идей» его о судьбѣ человѣчества, ни Шиллеровой религіи сердца христіанскаго ни хладныхъ сомнѣній всеобъемлющаго, но не все постигшаго генія Гете—Мефистофеля.

Въ этомъ домикѣ все просто какъ геніальное созданіе, все миніатюрно, но въ миніатюрномъ отражается великое и возвышенное! Для Германіи этотъ домикъ тоже, что ботикъ Петра Великаго для флота Русскаго, тоже, что *лѣтній домикъ* Его для Россіи.

Тифуртъ—святыня Германскаго генія, ковчегъ народнаго просвѣщенія.—Поэзія, вліяніемъ своимъ на современниковъ Гердера, Шиллера и Гете, созидала исторію, приготовляла будущее Германіи и сообщала новые элементы для всей Европейской литтературы, для Байрона и Вортсворта, для историческаго ума Гизо и Форіеля (о немъ сказалъ кто-то: c'est le plus allemand des savans Français) для души, которая все поняла и все угадала, и все угаданное и постигнутое въ Германіи, передала Франціи и Европѣ, для души—Сталь; наконецъ для нашего Жуковскаго, котораго, кажется, Шиллеръ и Гете, Грей и Вортстворгъ, Гердеръ и Виландъ ожидали, дабы воскликнуть въ пророческомъ и братскомъ сочувствіи:

«Мы всѣ въ одну сольемся душу.»

И слились въ душу Жуковскаго, — Этому неземному и этому *лучшему своего времени* «dem Besten sei=

ner Zeit,» этой душѣ ввѣрили, отдали они свое лучшее и будущее милліоновъ! Геній Россіи храни для ней благодать сію. Да принесетъ она плодъ свой во время свое.

Веймарскій мой cicerone Мюллеръ, былъ и самъ два года однимъ изъ собесѣдниковъ сихъ корифеевъ Нѣмецкой словесности и его часто приглашали въ кругъ ихъ.—*Виландъ* былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Тифуртской бесѣды, и написалъ здѣсь большую часть своихъ сочиненій. Гете провелъ здѣсь лучшую часть поэтической и долговременной жизни своей.

Мюллеръ выводилъ меня по всѣмъ комнатамъ и въ каждой показалъ мнѣ всѣ предметы, всѣ безцѣнныя бездѣлки, кои напоминаютъ герцогиню и друзей ея, просвѣтителей Германіи. По стѣнамъ и во всѣхъ уголкахъ,—такъ что нѣтъ ни одного незанятаго мѣстечка, ландшафты, портреты, напоминающіе тогдашнюю эпоху, тогдашній міръ Веймарскій и Тифуртское житье - бытье. Владѣтельный великій герцогъ, страстно любящій Тифуртъ, присылаетъ сюда все, что имѣетъ для него или для семьи его какую либо цѣну, сливая такимъ образомъ родное со славою вѣка и священныя тѣни минувшаго сближая съ милыми ближними своего времени и своего сердца: это *кладовая* генія и сердечныхъ воспоминаній, служитъ и для него пріютомъ и убѣжищемъ во всякое время года; здѣсь болѣе нежели гдѣ-либо для потомка *Бернгарда*, воспѣтаго Шиллеромъ:

«Много милыхъ тѣней, возстаетъ!»

Столовая, гостинная, кабинетъ незабвенной герцогини, все сохранено въ первобытномъ видѣ и все осталось на прежнемъ мѣстѣ: рука человѣческая не измѣнила ихъ, время ихъ еще не коснулось и хозяйка и гости ея какъ будто бы удалились въ кущу рощей и въ бесѣдкѣ забыли и время и пріютъ свой, ихъ еще все ожидающій. Вы видите рукодѣлья, шитье хозяйки: за стекломъ опахало ея. Въ верхнемъ этажѣ, комнатки-клѣтки; но и тамъ все посвящено воспоминанію. Наконецъ Мюллеръ описалъ мнѣ весь прежній Тифуртскій бытъ, всю старину, указалъ мѣсто, гдѣ собиралось общество, гдѣ бесѣдовала герцогиня наединѣ съ мудрецами своими.— Оттуда провелъ онъ меня въ паркъ, въ бесѣдку, гдѣ она проводила съ ними послѣобѣденное время, иногда приносили туда и обѣдъ. Мы взглянули на памятники Виланду, Гердеру, дядѣ нынѣшняго герцога, умершаго на полѣ сраженія противу Французовъ, въ Саксонской службѣ: Гете далъ идею для памятника, и сочинилъ надпись.

Передъ вами аллея въ гору, на вершинѣ коей какая-то статуя. — Мы перешли мостикъ чрезъ неумолкающую Ильму. Здѣсь часто останавливались, разговаривали, мечтали поэты-философы Веймара. Гете разыгрывалъ на берегу Ильмы и на самомъ мостикѣ одну изъ піэсъ своихъ;

Klein bist du und unbedeutend unter Germaniens Flüßen
Aber du hast gehört—manches unsterblich' Lied.

Въ разсказахъ и воспоминаніяхъ о прошедшемъ мы обошли весь паркъ и возвратились въ Веймаръ.

Послѣ обѣда заѣхалъ ко мнѣ оберъ-гофмаршалъ Белке сказать, что Великая Княгиня желаетъ, чтобы на вечеринкѣ у гр. С. я остался только до 8½ час., а остальный вечеръ провелъ бы у Е. И. В.

Я успѣлъ пробѣжать въ прекрасно-устроенномъ музеѣ нѣсколько литтературныхъ и политическихъ журналовъ; въ 6 час. зашелъ ко мнѣ Мюллеръ и мы отправились въ домъ Гете, гдѣ уже ожидалъ насъ Крейтеръ.—Я вошелъ въ святилище съ благоговѣніемъ: у самаго входа на полу привѣтствіе древнихъ: «Salve.» Гете видѣлъ эту надпись въ Помпеѣ.

Кабинетъ Гете о трехъ окнахъ, низкій и безъ всякихъ украшеній. Посреди комнаты круглой столъ простаго, некрашеннаго дерева, по стѣнамъ такіеже шкафы съ выдвижными ящиками: въ нихъ бумаги, минералы, монеты и всякая всячина. На простыхъ креслахъ подушка, подъ креслами для ногъ сидѣвшаго другая.—У стѣны еще столъ, на которомъ Гете писалъ стоя; онъ наполненъ черновыми бумагами; многія изъ нихъ диктованы Гете секретарю его. Мнѣ позволили взять три лоскутка съ помарками и съ исправленіями рукою Гете: сіи лоскутки въ числѣ драгоцѣннѣйшихъ моихъ аутографовъ и хранятся съ письмами Шатобріана, Александра Гумбольдта, Баланша, Кювье, Бонштетена, Іоанна Мюллера, Шлецера, Валтеръ-Скотта и пр.

Въ альбумѣ нашелъ я имена посѣтителей этой святыни и Русскіе стихи къ Гете:

Вотъ храмъ, гдѣ геній жилъ, гдѣ музы ликовали
И граціи цвѣты такъ щедро разсыпали.
Послушный сердцу одному,
Страны далекой житель,
Войдя въ твою обитель,
Бросаетъ сей цвѣтокъ къ безсмертному вѣнцу.

В. Э.

Въ этомъ же альбумѣ отыскалъ я нѣсколько милыхъ мнѣ именъ: . . . 25 Августа 1833 былъ здѣсь и Жуковскій.

Въ этомъ кабинетѣ висятъ два слѣпка съ портрета Наполеона. Мюллеръ разсказалъ мнѣ исторію одного изъ нихъ. Сынъ Гете былъ страстный энтузіастъ Наполеона; онъ сбиралъ всѣ его портреты и въ 1813 году купилъ и принесъ къ отцу и этотъ слѣпокъ. Гете повѣсилъ его въ своемъ кабинетѣ: въ день Лейпцигской битвы этотъ слѣпокъ самъ собою упалъ со стѣны и расшибся. Гете снова повѣсилъ его на стѣнѣ, надписавъ на немъ слѣдующій стихъ изъ Лукановой «Фарсаліи»— съ перемѣною одного только слова.

Scilicet immenso superest ex nomine multum
(Въ оргиналѣ nihil)

Гете не хотѣлъ всего отнять у Наполеона, который все отнималъ у другихъ.

Мы вошли въ спальню Гете, это не комната, а коморка, или чуланъ съ однимъ окномъ. Здѣсь его кровать, безъ занавѣса, и кресла съ подушкой, на коей онъ скончался. Ветхое одѣяло, коего Гете не хотѣлъ замѣнить другимъ, накрываетъ постель его. Видъ изъ этой спальни, какъ и изъ кабинета, въ садъ.—До самой кончины Гете былъ въ памяти, не задолго передъ кончиной, замѣтивъ, что въ кабинетѣ его окна были полузавѣшены, онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: «Licht, mehr Licht.» Это были послѣднія слова его и какъ бы завѣтъ великаго просвѣтителя Германіи — потомству! —

Кончина Гете напоминаетъ и другую, также въ Веймарѣ, и послѣднія слова его современника, Гердера. Поэтъ-историкъ, въ тоскѣ смертной, сказалъ плачущему сыну: «Gieb mir einen großen Gedanken, daß ich mir erquicke.» (Освѣжи меня великою мыслію.) Гердеръ въ сію великую минуту признавалъ господство мысли надъ тлѣніемъ. — Просьба умирающаго отца къ сыну была и символомъ вѣры его въ безсмертіе: онъ исповѣдывалъ его, когда уже духъ его парилъ къ своему источнику.

Въ другой разъ, также уже въ минуты боренія со смертію, Гете увидѣвъ на полу записку, упавшую со стола его, сказалъ съ жаромъ: «поднимите, это записка, это рука Шиллера! Какъ можно ронять ее!» Казалось, что душа его въ эту минуту была занята послѣднею мыслію о другѣ, съ коимъ вскорѣ она должна была соединиться.

Въ верхнемъ кабинетѣ Гете, который можно назвать музеемъ, перебирали мы собраніе писемъ его кореспондентовъ: между ними письма Валтеръ-Скотта, Байрона. Я списалъ письмо перваго отъ 9 Іюля 1827 года; я слыхалъ о немъ, (въ 1828 году) отъ самаго Валтеръ-Скотта, когда онъ мнѣ разсказывалъ исторію своего заочнаго знакомства съ Гете (*).

Гете любилъ собирать и въ свободное время иногда пересматривать портреты своихъ пріятелей: въ портфелѣ нашли мы болѣе 200. — Я заказалъ любимому его живописцу списать портретъ сына Гете, для К. В. Въ другомъ портфелѣ собственноручные рисунки Гете карандашемъ — (другое сходство съ нашимъ Ж....ъ) большею частію ландшафты, виды тѣхъ мѣстъ, кои ему нравились въ его странствіи по Германіи и Италіи. Тутъ и дерево, нарисованное для Гете нашимъ воиномъ - живописцемъ Рейтеромъ: онъ часто любовался имъ.

Кабинетъ Гете даетъ нѣкоторое понятіе о всеобъемлющемъ его геніи, о его разнородныхъ занятіяхъ и вкусахъ. Нумизматика была одною изъ люби-

---

(*) Однажды добродушный и гостепріимный хозяинъ Абботсфорда показывалъ мнѣ мраморный бюстъ, подаренный ему Байрономъ, стоявшій въ его библіотекѣ на деревянномъ пьедесталѣ, внутри коего хранилась прежде—его переписка съ знаменитыми современниками. Дочь В. Скотта подошла ко мнѣ и просила не спрашивать у отца ея о бумагахъ въ пьедесталѣ хранящихся.—«Воспоминаніе о нихъ» сказала она «огорчитъ батюшку, ибо одинъ изъ посѣтителей, коему также показывалъ онъ свои сокровища, укралъ изъ пьедестала—письма Байрона!» А. Т.

мыхъ наукъ его и вы видите рѣдкое собраніе древнихъ и новыхъ монетъ (одной Шведской королевы Христины болѣе 20). Всѣ сіи сокровища въ самыхъ простыхъ ящикахъ (*).

Городъ Франкфуртъ (на Майнѣ) мѣсто рожденія Гете, поднесъ ему лавровый вѣнокъ, изъ золота; къ нему приложенъ былъ лишній, особый листочекъ, не придѣланный къ вѣнку: этотъ листочекъ былъ эмблемою надежды на новое произведеніе Гете, тогда еще полнаго жизни. Другой подарокъ города Франкфурта былъ кубокъ серебряный, и при немъ 48 бутылокъ вина—ровестника Гете. На семъ кубкѣ стихи его. Кубокъ сей поднесенъ Гете въ 1819 г. когда ему минуло 70 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ сими дарами отъ соотчичей видѣли мы и прекрасно выработанную печать изъ зеленаго камня, на коемъ вырѣзана змѣя кольцомъ съ Нѣмецкой надписью, выражающею характеръ Гетевой дѣятельности: «Ohne Rast, sonder Hast.» «Августа 28, 1831 г.» (день рожденія Гете). На ручкѣ вырѣзаны розы—символъ Англіи, дубовый вѣнокъ—эмблема Германіи, и вокругъ:

From friends in England
To the German master.

(*) Въ другое время опишу вамъ *семь* кабинетовъ Кювье, кои онъ самъ мнѣ показывалъ въ Парижѣ. Почти для каждой отрасли человѣческихъ познаній особый кабинетъ, истинный храмъ наукъ—и въ каждомъ особая библіотека, особыя ландкарты, собранія орудій, произведеній земли и глубины морской, такъ что универсальный геній испытателя и историка природы и собратій его—Кювье былъ секретаремъ Академіи и слѣдовательно біографомъ академиковъ—имѣлъ подъ рукою и передъ глазами всѣ матеріалы для совершенія безсмертныхъ трудовъ своихъ, необъятныхъ какъ сама природа. А. Т.

Въ числѣ признавшихъ Гете своимъ наставникомъ имена: Томасъ Мура, пѣвца «Ирландскихъ мелодій», Соути Лауреата, Вортсворта, простотою возвышеннаго, Валтеръ-Скотта—нѣкогда the great unknown, и знатнѣйшихъ издателей разныхъ «Reviews».

Подарокъ сей получилъ Гете въ 1831 году отъ 19-ти друзей въ Англіи (а не отъ 15 только, какъ сказано въ самомъ актѣ) при слѣдующемъ письмѣ, которое здѣсь прилагается.

Въ альбумѣ Гете, къ именамъ посѣтителей присоединилъ я и свое, и написалъ на память четыре стиха переводчика Вертера, покойнаго брата Андрея, на 16-лѣтнемъ возрастѣ имъ къ портрету Гете написанные:

«Свободнымъ геніемъ натуры вдохновенный
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изображалъ;
И въ чувствахъ сердца лишь законы почерпалъ
Законамъ никакимъ другимъ непокоренный».

Здѣсь желалъ бы я друзьямъ Русской литтературы, коей нѣкогда Москва, и въ ней Университетъ, были средоточіемъ, напомнить о томъ вліяніи, какое Веймарская Аѳинская дѣятельность имѣла и на нашу Московскую словесность. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частію университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все что̀, въ изящной словесности, выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на Русскую почву, цвѣты поэзіи

Виланда, Шиллера, Гете и почти весь тогдашній новѣйшій Нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими; многое принято было на театрѣ Московскомъ. Корифеями сего общества былъ Мерзляковъ, Ан. Т. Дружба послѣдняго съ Ж. не была безплодна для юнаго генія. Она увѣковѣчена въ посвященіи памяти его перваго и превосходнаго перевода поэта.

Не упоминая о другихъ первыхъ спутникахъ жизни ... Заключу словами спутника поэта: «гдѣ время то?» ..... Но кто не помнитъ стиховъ Жуковскаго?

Поэту Гете.

На 28-й день Августа 1831.

Милостивый Государь!

Въ числѣ друзей, которыхъ эта достопамятная годовщина собираетъ вокругъ васъ, позвольте намъ, Англійскимъ друзьямъ вашимъ, принести вамъ искреннія поздравленія наши мысленно и символически, ибо не можемъ сдѣлать того лично. Мы надѣемся, что вы благоволите въ день вашего рожденія принять отъ насъ этотъ маленькой подарокъ, который въ образѣ искренняго изъявленія чувствъ нашихъ можетъ имѣть нѣкоторую цѣну.

Мы сказали сами себѣ: первый долгъ и величайшее удовольствіе есть оказывать уваженіе тому,

кому уваженіе слѣдуетъ; а какъ нашъ руководитель въ жизни и можетъ быть лучшій наставникъ есть тотъ, кто словомъ и дѣломъ научаетъ насъ мудрости: то мы, признавая поэта Гете нашимъ умственнымъ наставникомъ, желаемъ выразить это чувство вмѣстѣ и гласно; для чего рѣшили просить его въ день рожденія принять маловажный Англійскій подарокъ, отъ насъ всѣхъ равно посылаемый; дабы доколѣ почтенный мужъ сей останется между нами, онъ имѣлъ памятникъ благодарности, которою мы, и, какъ думаемъ, весь свѣтъ ему обязаны.

И такъ наша слабая дань, можетъ быть одна изъ чистѣйшихъ, которыя человѣкъ можетъ приносить человѣку, нынѣ облечена въ чувственный образъ.— Да будетъ она благосклонно принята и да напоминаетъ безпрестанно о тѣснѣйшей связи, хотя широкія моря насъ раздѣляютъ.

Молимъ Небо, да присоединитъ еще многія лѣта къ столь славной жизни, и даруетъ вамъ всякое счастіе, вмѣстѣ съ силой окончить высокій трудъ вашъ такъ, какъ продолжали доселѣ, подобно выспренней звѣздѣ

«Безъ спѣха, но безъ отдыха.»

Отъ пятнадцати Англійскихъ друзей.

Письмо В. Скотта къ Гете.

Почтенный и многоуважаемый баронъ, я получилъ черезъ г. Гендерсона высокоцѣнимый знакъ вниманія вашего, и рѣдко былъ такъ обрадованъ какъ узнавъ, что нѣкоторыя изъ моихъ произведеній имѣли счастіе обратить на себя вниманіе барона Гете; я былъ постояннымъ его почитателемъ съ 1798 года, когда немного познакомился съ Нѣмецкимъ языкомъ и вскорѣ оказалъ въ одно время примѣръ доброты моего вкуса и чрезмѣрной самонадѣянности, попытавшись перевесть произведеніе барона Гете «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», совершенно забывая, что восхищаться геніальнымъ твореніемъ недостаточно; но сверхъ того нужно хорошо знать языкъ, на которомъ оно писано прежде чѣмъ стараться передать красоты его другимъ. Я признаю однакоже нѣкоторую цѣну въ моемъ преждевременномъ переводѣ, потому что онъ доказываетъ покрайней мѣрѣ, что я умѣлъ избрать предметъ достойный удивленія, хотя жестокія ошибки, въ которыя я впалъ отъ несовершеннаго знанія языка, и показываютъ, что не прибѣгнулъ къ лучшему способу выразить мое предпочтеніе.—Я часто слышалъ объ васъ отъ зятя моего Локгарта, молодаго человѣка весьма уважаемаго въ Литературѣ, который нѣсколько лѣтъ тому и прежде чѣмъ вступилъ по браку въ родство съ моимъ семействомъ, имѣлъ честь быть представленнымъ отцу Нѣмецкой словесности. Не возможно вамъ лично упомнить каж-

даго изъ поклонниковъ вашихъ, между множествомъ тѣхъ, которые желаютъ заплатить вамъ дань своего почтенія; но я не думаю, чтобы кто въ числѣ ихъ былъ болѣе преданъ вамъ чѣмъ молодой Локгартъ. Другъ мой, Сиръ-Джонъ-Гопе-Пинкс имѣлъ еще позднѣе честь васъ видѣть.—Я уже принималъ смѣлость писать къ вамъ съ двумя его родственниками, которые должны были путешествовать по Германіи; но путешествіе ихъ было отложено по болѣзни и письмо мое возвратилось ко мнѣ по прошествіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ.—И такъ я покушался познакомиться съ г. Гете и прежде лестнаго его обо мнѣ отзыва.

Всѣ поклонники генія и литературы радуются тому, что одинъ изъ величайшихъ писателей Европейскихъ при жизни наслаждается счастливою и почетною тишиной и окруженъ всеобщимъ уваженіемъ. Ненависть уготовила преждевременную кончину бѣдному лорду Байрону, который палъ въ цвѣтѣ лѣтъ, унося навсегда съ собою столько надеждъ и ожиданій. Я знаю, что онъ почиталъ за счастіе честь, которую вы ему оказали, и имѣлъ сознаніе того, чѣмъ былъ обязанъ человѣку, которому всѣ писатели нынѣшняго поколѣнія такъ много обязаны и должны смотрѣть на него съ сыновнимъ почтеніемъ.

Я подалъ новое доказательство тому, что подобно другимъ адвокатамъ, (по крайней мѣрѣ какъ о томъ ходятъ слухи) я не обремененъ излишнею

скромностію, обратясь къ гг. Трейтелю и Вюрцу съ просьбой найти средство доставить вамъ бѣглый или лучше сказать скучный опытъ о жизни Наполеона, того замѣчательнаго человѣка, который въ продолженіи многихъ лѣтъ имѣлъ столь грозное вліяніе на свѣтъ, ему покорный. Не знаю, не обязанъ ли я ему въ нѣкоторомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ онъ заставилъ меня носить оружіе въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, которыя я прослужилъ въ одномъ изъ нашихъ отрядовъ, и на зло храмой ногѣ моей, сдѣлался хорошимъ ѣздокомъ, охотникомъ и стрѣлкомъ. Въ послѣдствіи эти способности немного измѣнили мнѣ; ревматизмъ, печальный недугъ нашего сѣвернаго климата, простеръ вліяніе свое и на мои кости. Однако же я не имѣю права сѣтовать, видя какъ сыновья мои пользуются тѣми удовольствіями, которыя я оставилъ. Старшій командуетъ эскадрономъ гусаръ, что много во всякомъ войскѣ для молодаго человѣка двадцати пяти лѣтъ. Меньшой недавно получилъ степень магистра въ Оксфордѣ и возвратился на нѣсколько мѣсяцевъ ко мнѣ до вступленія своего въ свѣтъ. Богу угодно было лишить меня ихъ матери; и потому меньшая дочь моя занимается домашнимъ хозяйствомъ, а старшая замужемъ и имѣетъ свое собственное семейство. Таковы семейныя обстоятельства того, о комъ вы такъ обязательно освѣдомлялись. Впрочемъ достатокъ мой позволяетъ мнѣ жить по моимъ склонностямъ, не взирая на нѣкоторыя весьма чувствительныя потери; я имѣю прекрасный древній зáмокъ (новодревній) съ большою залою наполнен-

ною оружіями, которыя въ самомъ Гокгаузѣ были бы не лишними, и огромнымъ псомъ на стражѣ. Въ этомъ замкѣ всякій пріятель барона Гете будетъ всегда принятъ дорогимъ гостемъ.

Однако же я забылъ того, кого не забывали при жизни его. Надѣюсь, что вы простите недостатки моего сочиненія во вниманіи намѣренія автора быть безпристрастнымъ къ памяти сего необыкновеннаго человѣка столько, сколько могли позволить ему вѣчные предразсудки его острова.

Вынужденный поспѣшно воспользоваться случаемъ писать къ вамъ съ отъѣзжающимъ путешественникомъ, я долженъ ограничить себя тѣмъ, чтобы пожелать барону Гете продолженія здоровья и спокойствія и подписаться искренно его признательнымъ и покорнымъ слугою:

Вальтеръ-Скотъ.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

(Заря... Поэтъ выходитъ въ поле).

I.

Моя лазурь, лазурь святая,
Высоко тамъ изъ чудныхъ водъ,
Въ шатёръ мірамъ, въ раздольный сводъ
Рукой могучей отлитая —
Скажи зачѣмъ во всѣ вѣка
Ты такъ дивна и глубока?—

—

Я вся за тѣмъ сквозясь рѣдѣю
И тайны радостной полна,
Чтобы земныя племена,
Смотря на высь душой своею,
Легко *повѣрить* бы могли:
Что много сладкаго вдали!

II.

Мои атласистыя травы,
Мои ковры, мои шелки,
Тканье властительской руки,

Мои вѣтвитстыя дубравы,
Зачѣмъ, зачѣмъ вы для души
Такъ непостижно хороши?

—

Мы зеленѣемся такъ мило,
Мы такъ роскошливо щедры
На ароматные пиры,—
За тѣмъ, чтобъ весело вамъ было
Идти въ родную благодать,
Надѣясь ею обладать.

III.

Мои разлитые рубины,
Топазы, розы, янтари,
Моя игра моей зари—
Зачѣмъ по скату сей вершины
Дождишь отрадой красоты,
Моя хорошенькая ты?

—

Я льюся розовымъ пожаромъ,
И хорошѣю чистотой,
И вся горю въ красѣ святой
Алмазомъ, золотомъ и жаромъ—
Чтобъ тѣ, кому должно идти
Любили свѣтлые пути!

В. Соколовскій.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта»).

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса
Носилъ я стараго парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ—о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, козакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ-бы онъ лихой.

А. Пушкинъ.

НА ПАМЯТЬ.

Въ края далекіе, подъ небеса чужія,
Хотите вы съ собой на память перенесть
О ближнихъ, о странѣ родной живую вѣсть,
Чтобъ стихъ мой сердцу могъ, въ минуты не земныя,
Какъ вѣрный часовой откликнуться: Россія!
Когда бѣда придетъ, иль просто какъ нибудь
Тоской по родинѣ заноетъ ваша грудь.
Не ждите отъ меня вы радостнаго слова:
Подъ свѣжимъ трауромъ печальнаго покрова,
Сложивъ съ главы своей вѣнокъ блестящихъ розъ
Отъ рѣчи радостной, отъ пѣсни вдохновенной
Отвыкла муза: ей надъ урной драгоцѣнной
Отнынѣ суждено быть музой вѣчныхъ слезъ.
Одною думою, однимъ событьемъ полный,
Когда на чуждый брегъ васъ переносятъ волны
И звуки родины должны въ послѣдній разъ
Печально врѣзаться и отозваться въ васъ,
На память и въ завѣтъ о прошломъ въ мірѣ новомъ,

Я васъ напутствую единымъ скорбнымъ словомъ,
За тѣмъ, что скорбь моя превыше силъ моихъ,
И вѣрный памятникъ сердечныхъ слёзъ и стона
Вамъ затвердитъ одно рыдающій мой стихъ:
Что яркая звѣзда съ роднаго небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ Боговъ на Сѣверѣ угрюмомъ,
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужь нѣтъ.

К. Вяземскій.

ПОСЛѢДНІЯ ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

I.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе Надежды
И Юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсень раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ—нѣтъ!—Промчалась четверть вѣка;
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ;
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Уже-ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ,
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межь царственныхъ гостей;
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала, еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа,
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ Московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ Онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь безстрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ;
. . . .

(Конца нѣтъ.)

II.

МОЛИТВА.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но не одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

22 іюля 1836.

III.

ОТРЫВОКЪ.

Опять на родинѣ! я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужь десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо
И кажется вечоръ еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.—
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужь за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иные волны...
Межь нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой

Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мѣльница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ . . . . .

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ одна по одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко, здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣже,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.—

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ......

А. Пушкинъ.

НОВЫЯ КНИГИ *

Акты, собранныя въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссіею. 4 тома; I—491, стр. II—392, III—496, IV—500. С. П. Б. въ Типог. II отд.собственной Е. И. В. Канцеляріи. въ—4.

Польза, важность и достоинство древнихъ «Актовъ», напечатанныхъ въ концѣ 1836 года и изданныхъ въ свѣтъ въ началѣ нынѣшняго, если и не были вполнѣ оцѣнены, то по крайней мѣрѣ отчасти указаны въ Русскихъ журналахъ и газетахъ.

Мы тоже предлагаемъ не разборъ сей важной книги, а краткое о ней извѣстіе, заимствованное изъ предисловія. Императорская Академія Наукъ въ 1828 году, вознамѣрилась, по предложенію президента своего, снарядить Археографическую Экспедицію для путешествія

---

* Въ семъ отдѣленіи, какъ и въ прежнихъ книжкахъ «Современника», не будетъ печататься полнаго списка всѣмъ выходящимъ въ Россіи книгамъ, и Редакція не обязывается давать подробнаго отчета и о тѣхъ, которыя будутъ вносимы въ сей списокъ. Онъ можетъ служить простымъ указателемъ всѣхъ книгъ, по мнѣнію Редакціи, примѣчательныхъ и заслуживающихъ вниманіе читателей или по важности содержанія, или по достоинству изложенія и таланту писателей.

по Россіи. Главною цѣлію сего предпріятія было— привесть въ извѣстность всѣ старинные библіотеки и архивы, и извлечь изъ нихъ важнѣйшіе памятники отечественной исторіи, дипломатики, правоведенія и пр. Мѣстомъ дѣйствій Экспедиціи назначались наиболѣе обильныя древностями, Сѣверовосточная, Средняя и Западная Россія. Въ томъ же году 14 Іюля, по доведеніи чрезъ Комитетъ Гг. Министровъ до Высочайшаго свѣдѣнія, сіи предположенія Академіи Наукъ удостоены Всемилостивѣйшаго одобрѣнія.

«Начальникъ Экспедиціи, извѣстный Археологъ П. Строевъ, вмѣстѣ съ Коллежскихъ Секретаремъ Бередниковымъ, въ продолженіе путешествія своего осмотрѣли около двухъ сотъ, болѣе или менѣе примѣчательныхъ библіотекъ и архивовъ. «Относительно сихъ хранилищь древностей въ запискахъ Археографической Экспедиціи находятся слѣдующія извѣстія: 1) Главныя старинныя библіотеки принадлежатъ, безъ исключенія, духовному вѣдомству. Онѣ суть: Московская Синодальная, Новгородская Софійская, Троицко-Сергіевской Лавры, Соловецкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго и Іосифа-Волоколамскаго монастырей; въ каждой изъ нихъ считается по нѣскольку сотъ рукописей, изъ которыхъ немногія принадлежатъ первымъ временамъ Славяно-Русской письменности, большая же часть ихъ относится къ XV, XVI и XVII столѣтіямъ. 2) Изъ архивовъ Духовнаго и Гражданскаго вѣдомствъ, наиболѣе примѣчательны: Троицко-Сергіевской Лавры, монастырей: Соловецкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Валдайско - Иверскаго, Савво-Сторожевскаго, Спасо-Прилуцкаго и Тихвино - Успѣнскаго,

Псковскаго и Нижегородскаго губернскихъ правленій, и уѣздныхъ судовъ Бѣлозерскаго и Соликамскаго. Въ нѣкоторыхъ харатейные и бумажные подлинники восходятъ къ XV и даже къ XIV столѣтію, но ихъ такъ мало, что каждый актъ сего времени составляетъ палеографическую драгоцѣнность; дипломатическіе памятники XVI вѣка встрѣчаются несравненно въ большемъ количествѣ, а запасы столбцевъ XVII столь многочисленны, что состоятъ изъ цѣлыхъ десятковъ тысячъ. Примѣчательно, что самыя древнія грамоты уцѣлѣли въ монастыряхъ, между тѣмъ какъ въ гражданскихъ архивахъ почти нѣтъ бумагъ, простирающихся далѣе XVII столѣтія.

«По окончаніи путешествія по Сѣверовосточной и Средней Россіи, Археографическая Экспедиція, въ 1834 году, представила Академіи Наукъ важнѣйшія изъ составленныхъ сю историческихъ пособій. Разсмотрѣвъ краткій отчетъ Экспедиціи и отдавъ полную справедливость отличнымъ трудамъ и примѣрной дѣятельности Гг. Строева и Бередникова, Академія Наукъ раздѣлила всѣ пріобрѣтенія Экспедиціи на два главные разряда. Первый, заключавшій въ себѣ матеріалы для исторіи Славяно-Русской Литтературы, былъ оставленъ у г. Строева съ тѣмъ, чтобы онъ приготовилъ изъ нихъ *Библіологическій Словарь*, или *Указатель* всѣхъ сочиненій и переводовъ извѣстныхъ въ литтературѣ нашей до начала XVIII столѣтія. Акты же Историческо-юридическіе, относящіеся ко второму разряду были представлены г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ усмотрѣнія

коего зависѣло продолжить археографическое путешествіе въ западныя губерніи, непосѣщенные Экспедиціею или приступить къ печатанію собранныхъ ею матеріаловъ, и на первой разъ Историко-юридическихъ Актовъ, какъ по важности содержанія, такъ и потому, что на приготовленіе ихъ къ изданію не требовалось продолжительнаго времени.

«Въ такомъ видѣ находилось сіе дѣло, возбуждавшее общее любопытство просвѣщенныхъ соотечественниковъ, когда Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить Высочайшимъ вниманіемъ труды Археографической Экспедиціи, удостоить награды участвовавшихъ въ оной и преподать способъ къ скорѣйшему достиженію пользы, ожидаемой отъ многочисленныхъ ея пріобрѣтеній. По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 24-й день Декаря 1834 года Высочайше повелѣть соизволилъ, для изданія въ свѣтъ важнѣйшихъ и любопытныхъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею учредить особую Коммиссію при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, и обратить на сей предметъ имѣвшуюся при Академіи Наукъ сумму, около 40,000 рублей, пожертвованную на подобныя изданія покойнымъ Государственнымъ Канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ.

«Коммиссія, принявъ въ свое вѣдѣніе Акты Археографической Экспедиціи въ 10 томахъ, открыла засѣданія 8 Января 1835 года. Главныя дѣйствія ея состояли: a) въ дополненіи и b) въ редакціи актовъ.

«Дополненіе. Подвергнувъ тщательному пересмотру акты, Коммиссія исключила изъ нихъ около 40 нумеровъ, по маловажности и по сходству содержанія ихъ съ другими, и столько-же напечатанныхъ уже въ «Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи.» Вмѣстѣ съ тѣмъ поручила члену своему Бередникову осмотрѣть С. Петербургскія библіотеки, Академіи Наукъ и Румянцовскаго Музея. Г. Бередниковъ, приступивъ къ выпискамъ изъ хранящихся тамъ манускриптовъ, дѣятельно снабжалъ Коммиссію и умножилъ акты Археографической Экспедиціи новыми важными пріобрѣтеніями; къ таковымъ принадлежатъ: Новгородскія и Двинскія грамоты, считавшіяся потерянными, опись Царскаго Архива XVI вѣка, два доселѣ неизвѣстныя собранія грамотъ, о Смоленскомъ походѣ боярина Михаила Шеина 1632—1634, и о Стрѣлецкомъ бунтѣ 1682—1683 г. и пр. Сверхъ того, въ дополненіе къ помянутымъ актамъ, поступили въ Коммиссію: a) Дѣло Максима Грека. b) Отрывокъ изъ розыскнаго дѣла о смертной казни боярина Михаила Шеина и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ Смоленскомъ походѣ 1632—1634 г. и нѣсколько грамотъ по сему же предмету; и c) три жалованныя грамоты XV и XVII вѣка, изъ домашняго архива Г. Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова. Число вновь пріобрѣтенныхъ нумеровъ простирается до 110.

«Редакція. По приведеніи въ хронологическій порядокъ актовъ и по разложеніи ихъ на отдѣлы, по историческимъ эпохамъ, все собраніе, состоящее изъ

1296 нумеровъ, раздѣлено на четыре тома. Редакціею ихъ занимались Члены Коммиссіи: 1-го тома Г. Бередниковъ, II-го Г. Устряловъ, III-го Г. Сербиновичъ и IV-го Г. Краевскій.

«Важнѣйшіе историческіе памятники, вошедшіе въ составъ сего изданія, суть:

1. Четырнадцать договорныхъ грамотъ Великихъ Князей съ Удѣльными и Новымгородомъ, Полоцка съ Ригою и пр. XIV и XV вѣка.

2. Двадцать три уставныя грамоты городамъ, волостямъ, слободамъ и селамъ. Изъ нихъ извѣстно было не болѣе шести.

3. Восемь губныхъ грамотъ. Доселѣ была напечатана только одна.

4. Восемдесятъ семь жалованныхъ, не судимыхъ или тарханныхъ грамотъ, владыкамъ, монастырямъ, церквамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ. Десять такихъ грамотъ даны отъ имени великихъ и удѣльныхъ княгинь, также патріарха и митрополитовъ Россійскихъ, и три отъ Магометанскихъ царей, владѣвшихъ удѣлами въ Россіи. Сюда же относятся: а) жалованныя грамоты владыкъ разнымъ церквамъ объ освобожденіи ихъ отъ пошлинъ и б) грамоты о невзиманіи съ монастырей проѣздныхъ и торговыхъ сборовъ.

5. Двадцать пять таможенныхъ грамотъ. Изъ нихъ извѣстно было пять, напечатанныхъ въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ.»

6. Уставы поставленій епископовъ и митрополитовъ, 1456, 1536 и 1564 г.

7. Письма Польской королевы Елены къ отцу ея Великому Князю Іоанну Васильевичу, къ матери Софіи Ѳоминишнѣ и братьямъ, Юрію и Василію Іоанновичамъ, и отвѣтъ ей Великаго Князя, 1503 г.

8. Отрывокъ изъ розыскнаго дѣла объ Иванѣ Берсенѣ и Ѳедорѣ Жареномъ, съ допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Аѳанасію, 1525 г.

9. Отрывокъ соборнаго опредѣленія о дьякѣ Иванѣ Висковатомъ, и двѣ челобитныя священниковъ Сильвестра и Симеона, 1554 г.

10. Соборная грамота о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи, 1554 г.

11. Наказъ Царя Іоанна Васильевича Казанскому Архіепископу Гурію, при отправленіи его на вновь учрежденную Епархію, 1555 г. (Актъ важный указаніемъ на политику Россіи, въ отношеніи къ иновѣрцамъ).

12. Опись Царскаго архива XVI вѣка.

13. Соборное опредѣленіе объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ и діаконовъ, и наказъ имъ Патріарха Іова, 1594 и 1604 г.

14. Соборное опредѣленіе и утвержденная грамота, объ избраніи на престолъ Царя Бориса Өеодоровича Годунова, 1598 г.

15. Рѣчь Царя Бориса Өеодоровича Патріарху Іову, при вѣнчаніи его на царство, и отвѣтъ на оную Патріарха, 1598 г.

16. Посланія Царя Бориса Өеодоровича къ Патріарху Іову, и привѣтственная рѣчь Патріарха Царю, по случаю Серпуховскаго похода, 1598 г.

17. Указы о выходахъ крестьянскихъ, 1601, 1602 и 1606 г. (Подлинникъ 1602 года, случайно уцѣлѣвшій въ кучѣ старинныхъ бумагъ, уничтожаетъ сомнѣніе въ достовѣрности узаконенія 1597 г. о прекращеніи перехода крестьянъ).

18. Чинъ вѣнчанія на царство Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, 1606 г.

19. Статейный списокъ, о посылкѣ отъ Царя Василія Іоанновича и Патріарха Ермогена въ Старицу по бывшаго Патріарха Іова, о пришествіи его въ Москву и о соборномъ разрѣшеніи Россійскаго народа въ клятвопреступленіи Царю Борису Өеодоровичу, 1607 г.

20. Грамоты, отписки, наказы, памяти, и проч., относящіеся къ Смутному Періоду, 1610 — 1613 года. (Сими любопытными памятниками наполненъ второй томъ Актовъ Археографической Экспедиціи).

21. Акты о пребываніи Марины и Заруцкаго въ Астрахани 1614 г.

22. Грамоты и наказы объ отношеніяхъ къ Россійскому Духовенству, по дѣламъ Православной Вѣры, жителей областей, уступленныхъ по Столбовскому миру Швеціи, 1619—1629 г.

23. Акты о Смоленскомъ походѣ боярина Михаила Шеина 1632—1634 г.

24. Челобитная Царю Алексію Михайловичу Русскихъ торговыхъ людей, о злоупотребленіяхъ иностранцевъ, торгующихъ въ Россіи, 1646 г.

25. Два посланія Царя Алексія Михайловича Новгородскому Митрополиту Никону, и статейный списокъ о погребеніи бывшаго Новгородскаго Митрополита Авѳонія, о пренесеніи изъ Старицы въ Москву мощей Патріарха Іова и о кончинѣ Патріарха Іосифа, 1652 г.

26. Жалованныя грамоты Шведскихъ Королей, Карла X и Карла XI, Ругодивскимъ и Ивангородскимъ Русскимъ посадскимъ и торговымъ людямъ, 1654, 1662 и 1664 г.

27. Уставы и наказы Духовенству и Монастырямъ разныхъ Епархій, о церковномъ и монастырскомъ благочиніи. (Матеріалы для познанія обрядовъ порядка, чиноположеній церковныхъ и проч.)

28. Наказы воеводскіе, писцовые, и головамъ стрѣлецкимъ и засѣчнымъ.

29. Выписки и грамоты о внутреннемъ устройствѣ городовъ.

и 30. Грамоты, челобитныя, памяти, докладныя выписи, наказныя статьи и проч. относящіяся къ Стрѣлецкому бунту, 1682—1683 г.

«Въ заключеніе неизлишнимъ считается присовокупить, что остальные собранные Археографическою Экспедиціею матеріалы и историческія пособія, находящіеся въ вѣдѣніи Г. Строева, будутъ за симъ издаваемы въ свѣтъ, по мѣрѣ приведенія ихъ въ порядокъ.»

Чтенія о Словесности, курсъ первый. Москва. Въ Универ. типографіи. 1837. VIII и 259. въ—8.

Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Сочиненіе, писанное на степень доктора Философскаго факультета перваго отдѣленія, адьюнктомъ Московскаго Университета Степаномъ Шевыревымъ. Москва, 1836. Въ типогр. Степанова. 381 стр. въ 8.

Стихотворенія В. Жуковскаго. Томъ осьмой. Ундина. Изданіе четвер. исправленное и умноженное: С. П. Б. Въ тип. Экспед. Загот. Государст. бумагъ. 1837. 243 стр. въ 8.

Ундина, старинная повѣсть, разсказанная на Нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ Барономъ Ф. Ламоттъ Фуке, на Русскомъ въ стихахъ, В. Жуковскимъ. С. П. Б. въ тип. Экспед. Заготов. Госуд. бумагъ. 1837. 243 стр. въ 8.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сочиненіе Александра Пушкина. Изданіе третіе С. П. Б. въ тип. Загот. Госуд. бумагъ 1837, 310 стр. въ 32 долю.

Неистовый Орландъ Л. Аріоста. Переводъ Раича. Москва въ тип. Лазар. Инст. Восточ. Языковъ. 1837, 267 стр. въ 16.

Макбетъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе В. Шекспира. Перевелъ съ Англійскаго М. В.—С. П. Б. въ тип. Департамента Воен. Посел. 1837, 142 стр. въ 8.

Мироздание, сочин. Соколовскаго. С. П. Б. 1837 въ 32.

Стихотворенія Лукьяна Якубовича С. П. Б. въ Гуттенберг. тип. 1837, 192 стр. въ 8.

Графъ Мецъ. Въ двухъ частяхъ Е. Бернета. (Писано въ 1834 году.) С. П. Б. 1837. 79 стр. въ 8.

Воспоминание о поэтической жизни Пушкина. Посвящено отцу поэта. Москва. Въ тип. Семена. 1837, 4 стр. въ 8.

Повѣсти и мелкія стихотворенія А. Подолинскаго въ 2 частяхъ. С. П. Б. въ тип. А. Смирдина, И. Глазунова и К. 1837, 171, 173 и 11 стр. въ 8.

Пять дней изъ жизни Орфея. Драмат. картина соч. В. Эмилинскаго С. П. Б. въ тип. Депар. Внѣш. Торгов. 1837. 148 стр. въ 8.

Библіотета избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытныхъ путешествій, издаваемая книгопродавцемъ И. Глазуновымъ. Т. VI. Послѣдній изъ князей Корсунскихъ, сочиненіе Василья Ушакова. Москва. Въ тип. Степанова 1837. 264, VI и 231 стр. въ 12.

Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть VII. Часть VIII, содержащая Лѣтописи Общества съ 1828 по 1836 годъ. Съ двумя литографическими рисунками. Москва Въ Унив. тип. 1837. 213, 11, 403 и VI ст. въ 8.

Русская Исторія, Часть первая 862,—1462 С. П. Б. 1837, въ тип. Имп. Рос. Акад. VI, 359 стр, въ 8.

Рукопись Филарета, патріарха Московскаго и и всея Россіи. Москва 1837, X, и 79 ст. въ 8. mag.

Персидская война, въ царствованіе Императора Николая I, (второе изданіе). С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Историческое описаніе произшествій о убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича. Москва въ тип. Смирнова. 1837, 52 стр. въ 8.

Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. Часть первая. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Академіи. 1837. 269 стр. въ 8.

Исторія Петра Великаго, отца отечества, для дѣтей, изданная Владиміромъ Строевымъ, двѣ части издан. книгопр. Матвѣя и Мих. Заикиныхъ. С. П Б. часть I, въ тип. Греча 1837, VIII и 233 стр. часть вторая въ тип. Крайя. 1837, 241 стр. въ 12.

Крымской Сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Сочиненіе Петра Кеппена С. П. Б. въ тип. Имп. Акад. Наукъ. 1837. въ 8.

Изображеніе характера и содержанія новой исторіи, Ивана Шульгина. С. П. Б. въ тип. Греча, 1837. XXVI и 360 стр. въ 8.

Исторія среднихъ вѣковъ. Сочин. професора Демишеля. Переводъ съ Франц. 4-го изданія. Издано профес. Погодинымъ, часть вторая Москва. въ Университ. тип. 1837. 295, II и II стр. въ 8.

Исторія жизни и путешествій Христофора Коломба. Сочиненіе Вашингтона Ирвинга. Переводъ съ Франц. Николая Бредихина. т. 2. С. П. Б. въ тип. Гинце, 1837. VIII и 458 стр. въ 8.

Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ въ статистическомъ, этнографическомъ, топографи-

ческомъ и финансовомъ отношеніяхъ произведенност и изданное по Высочайшему соизволенію. въ IV частяхъ. С. П. Б. въ тип. Департ. Внѣш. Торг. VI, 399, 401, 392 и 401 стр. въ 8.

Путешествіе вокругъ свѣта, составленное подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, изъ путешествій совершенныхъ до нынѣ извѣстнѣйшими мореплавателями. Переводъ пересмотрѣнъ и обогащенъ по части морской и географической Адмираломъ Крузенштерномъ, по части Ботаники Директоромъ Импер. Ботаническаго сада Фишеромъ, по части Зоологіи членомъ Импер. Акад. Наукъ Г. Бергомъ. тетрадь 14-я, С. П. Б. 1837, съ 49 по 86 стр. въ 4.

Курсъ сельскаго хозяйства, составленный Профес. Павловымъ т. 1, Москва, въ тип. Степанова 1837. 500 и IV стр. въ 8.

Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Выпускъ 1. Москва въ тип. Селивановскаго. 1837 99 стр. въ 4.

Энциклопедическій Лексиконъ. Томъ осмой. 13—вар. С. П. Б. 1837, въ тип. Плюшара съ 513 по 622 и 10, 320 стр. въ 8.

Картины свѣта, энциклопедическій живописный альбомъ. Часть вторая. Москва въ тип. Селивановскаго. 1837. 96 стр. въ 4.

Живописное обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ. Т. 11, листы 25, 26, 27 и 28. Москва. Въ тип. Семена, съ 193 по 224 стр. въ 4.

Убогій жайворонокъ, притча Г. В. Сковороды. Изданная Импер. Московскаго Человѣколюбиваго Общества Москов. Попечительнымъ Комитетомъ. Москва, въ тип. Рѣшетникова, 1837, 11, 32 и IV, стр. въ 8.

28 дней за границею или дѣйствительная поѣздка въ Германію, Н. Греча. С. П. Б. въ тип. Греча. 1837, 256 стр. въ 8.

Поѣздка къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря на корветтѣ Ифигенія въ 1836 году, соч. С. Софонова. Одесса, въ город. тип. 1837, 81 стр. въ 8.

Отечественная портретная галлерея знаменитыхъ особъ въ Россійской исторіи отъ начала XVIII вѣка до нашихъ временъ съ краткими ихъ біографіями. Тетрадь 1. Біографіи и портреты: Императора Петра Великаго, князя Александра Даниловича Меньшикова, графа Бориса Петровича Шереметева и князя Якова Өеодоровича Долгорукого, С. П. Б. въ тип. Витенберга, 24 стр. въ 4.

Путевыя записки отъ Москвы до С. Петербурга одного Англичанина въ царствованіе Императрицы Екатерины II, заключающія въ себѣ весьма любопытныя историческія свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи въ XVIII вѣкѣ; переводъ съ Франц. Москва въ тип. Смирнова 1837, 64 и III стр. въ 12.

Записки и замѣчанія о Сибири. Сочиненіе . . . ы . . . ой, съ приложеніемъ старинныхъ Русскихъ пѣсенъ. Москва, въ тип. Степанова, 1837, 156 стр. въ 8.

Краткое начертаніе Всеобщей Исторіи промышленности, переводъ съ Французскаго, дополненный краткою исторіею промышленности России. Часть первая: Всеобщая Исторія промышленности. С П. Б. въ тип. Греча. 1837. 162 стр. Часть вторая: Исторія промышленности Россіи. С. П. Б. въ тип. Снѣгирева и К. 1837. 104 стр. въ 8.

Ручная Математическая Энциклопедія, книжка XI, Физики часть 1. Москва, въ Универ. тип. 1837, VI и 744 стр. въ 16.

Таблицы логариѳмовъ чиселъ отъ 1 до 108,000 и синусовъ, косинусовъ и тангенсовъ отъ секунды до секунды для первыхъ пяти градусовъ и отъ десяти до десяти секундъ для всѣхъ градусовъ окружности и проч. изданіе стереотипное. (Объясненіе свойствъ и употребленіе логариѳмовъ переведено Проф. Перевощиковымъ). Москва, въ тип. Семена. 1837, VIII и 172 ст. въ 8.

Мелодіи Д. Струйскаго, для сопрано и тенора (*)

Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ шесть мелодій.

Мелодія 2. «Когда цвѣтутъ младыя розы.»

——— 3. «Тебѣ не вѣрю я, ты лицемѣрный другъ.»

——— 4. «Сколько слезъ я пролилъ.» *Слова кн. Вяземскаго.*

——— 5. «Весна, весна, какъ солнце твое животворно.»

——— 6. Русская пѣсня.

и 1-я на строфу Онѣгина, которую мы выпишемъ.

«Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья,
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я.

(*) Цѣна за всѣ шесть мелодій назначена 5 руб. ассиг. за пересылку прилаг. 1 руб. продаются въ музыкальномъ магазинѣ Карла Пеца, въ большой конюшенной, въ домѣ Петропавловской церкви.

Для призраковъ закрылъ я вѣжды,
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда;
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ былобъ грустно міръ оставить,
Живу, пишу, не для похвалъ,
Но я бы кажется желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ какъ вѣрный другъ
Напомнилъ хоть единый звукъ!»

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

А. С. ПУШКИНА.

ВЪ ПОЛЬЗУ ЕГО СЕМЕЙСТВА.

Изданіе будетъ состоять изъ шести томовъ въ 8-ю долю листа.

Содержаніе сихъ томовъ слѣдующее:

I Томъ. Годуновъ. Евгеній Онѣгинъ.

II Томъ. Поэмы и повѣсти въ стихахъ: Русланъ и Людмила. Кавказскій плѣнникъ. Бакчисарайскій фонтанъ. Полтава. Цыгане. Братья Разбойники. Нулинъ. Анджело. Домикъ въ Коломнѣ.

III и VI Томы. Драматическія сцены. Лирическія стихотворенія. Народныя сказки. Баллады. Пѣсни. Посланія. Элегіи. Разныя стихотворенія.

V Томъ. Исторія Пугачевскаго бунта.

VI Томъ. Капитанская дочка. Пиковая Дама. Повѣсти Бѣлкина. Мелкія сочиненія въ прозѣ. Біографическія извѣстія о Пушкинѣ.

Цѣна за полное изданіе:

а., По подпискѣ открытой срокомъ по 1-е Октября сего 1837 года,

На ординарной бумагѣ 25 руб. ассигнаціями

— Веленевой — — 40 — — — —

б., По истеченіи означеннаго срока подписки, цѣна изданію назначается:

На ординарной бумагѣ 35 руб. ассигнаціями

— Веленевой — — 50 — — — —

въ особыхъ случаяхъ за пересылку по почтѣ, прилагается по 10 руб. съ каждаго экземпляра изданія.

Для пріобрѣтенія изданія требователи должны относится: Иногородные къ служащему въ С. Петербургскомъ Почтамтѣ Надворному Совѣтнику Петру Андреевичу Штеру, а живущіе въ С. Петербургѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. Адресы и въ особенности подписи фамилій должны быть означаемы весьма четко и вѣрно. Изданіе выйдетъ въ началѣ 1838 года. При первомъ томѣ приложится портретъ Пушкина, а при послѣднемъ біографическія о немъ извѣстія и снимки его почерка. Надзоръ за изданіемъ приняли на себя: Василій Андреевичъ Жуковскій, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и Петръ Александровичъ Плетневъ.

Конецъ пятаго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стихотворенія.

Стран.

Проза.